EH45
P 773

Ф. А. РОМАНОВ

РАБОЧЕЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРОФИЗДАТ ~ 1949

ЕН45
Р773

Ф. А. РОМАНОВ,
кандидат исторических наук

РАБОЧЕЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(1914 — февраль 1917 года)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
ПРОФИЗДАТ
1949

1-экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ЕМ45
Р 773

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)
644600

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава первая. Революционная борьба рабочего класса в предвоенные годы	9
Глава вторая. Начало войны и революционное движение рабочего класса	31
Глава третья. Положение рабочего класса в годы войны	50
Глава четвертая. Большевики — организаторы и руководители стачечной борьбы рабочих в 1915 году	77
Глава пятая. Работа большевиков в профсоюзах и больничных кассах	99
Глава шестая. Бойкот военно-промышленных комитетов	134
Глава седьмая. Рост стачечной борьбы рабочих в 1916 году	157
Глава восьмая. Победа февральской буржуазно-демократической революции в 1917 году	188

Редактор *Л. Железнова* Техн. редактор *З. Малек*

А 15194. Подп. к печати 19/XII-49 г. Объем 13 п. л. Формат 84x108/32
Уч.-изд. 10,67 л. Тираж 15.000. Заказ 1251

1-я типография Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18.

ВВЕДЕНИЕ

Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 года, была войной захватнической, грабительской, империалистической. Правительства Англии, Соединенных Штатов Северной Америки, Германии, Франции, царской России и других капиталистических государств вели ее в интересах своей империалистической буржуазии и обуржуазившихся помещиков, требовавших рынков сбыта, источников сырья, грабежа и угнетения других народов.

В. И. Ленин в своей работе «Социализм и война» указывает, что, развязывая войну, империалистическая буржуазия всех стран бесстыдно обманывала свой народ, выдавая грабительскую войну за войну освободительную.

Первая мировая война явилась оселком, на котором проверялись все партии и течения, именовавшие себя социалистическими. Партии II Интернационала, разъедаемые оппортунизмом, не выдержали испытания войны, позорно изменили делу пролетарского интернационализма. Они отказались поднять рабочий класс на борьбу против своих империалистических правительств, против поджигателей войны. Они поддерживали грабительскую войну империалистической буржуазии. Оппортунизм партий II Интернационала перерос в социал-шовинизм.

«Под социал-шовинизмом мы разумеем, — указывал В. И. Ленин, — признание идеи защиты отечества в теперешней империалистской войне, оправдание союза со-

циалистов с буржуазией и правительствами «своих» стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарски-революционных действий против «своей» буржуазии и т. д.» [1].

Измена вождей II Интернационала внесла замешательство в ряды рабочего класса. Лишенные руководства, рабочие массы европейских государств «были оглушены, забиты, разъединены, задавлены военным положением» [2] и не сумели организовать серьезной борьбы против начавшейся империалистической войны.

В России буржуазно-патриотический угар, охвативший в начале войны интеллигенцию и кулацкие слои крестьянства, задел также небольшую часть рабочих. Но это были по преимуществу члены хулиганского «Союза русского народа» и эсеровско-меньшевистски настроенные рабочие. Они, конечно, не могли отражать настроений всего рабочего класса.

Русские меньшевики, троцкисты, эсеры и другие мелкобуржуазные партии и группы поддерживали русский царизм и русскую империалистическую буржуазию в их преступной войне, стремились подчинить рабочих и крестьян влиянию империалистической буржуазии. С этой целью они сотрудничали с буржуазными организациями, в частности с военно-промышленными комитетами, старались вовлечь в эти комитеты рабочих, агитировали за войну, за повышение производительности на снарядных и оружейных заводах, срывали стачки рабочих.

Только партия большевиков, возглавляемая Лениным и Сталиным, высоко держала знамя революционного интернационализма, оставаясь твердо на марксистских позициях решительной борьбы против царского самодержавия, против помещиков и капиталистов, против империалистической войны. Ленин и Сталин вооружили не только

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 21, стр. 216.
[2] Там же, стр. 405.

русский, но и международный пролетариат стратегией и тактикой революционной борьбы в условиях империалистической войны. Ленин и Сталин страстно бичевали и разоблачали открытых и скрытых социал-шовинистов как предателей и изменников делу социализма, как пособников империалистической буржуазии.

В тяжелых условиях разгула военщины и чудовищного полицейского террора большевики сохранили свои нелегальные организации, находили пути для связи с рабочими массами, для пропаганды лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую. Этот лозунг означал, что трудящиеся всех стран, в том числе вооруженные рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, должны повернуть оружие против своей отечественной буржуазии.

Пользуясь военным положением, царские власти запретили фактически деятельность профессиональных союзов, арестовывали, сажали в тюрьмы и отправляли в ссылку профсоюзных работников. Под огнем репрессий большевики сумели восстановить около ста профессиональных организаций. Эти профсоюзы служили связующими звеньями между большевистской партией и рабочими массами, прикрытием для нелегальных большевистских организаций. Профсоюзы помогали большевикам проводить бойкот военно-промышленных комитетов, расстраивали предательские планы социал-шовинистов, направленные на подчинение рабочего класса интересам империалистической буржуазии.

Важную роль в революционной работе большевиков играли больничные кассы, которых насчитывалось около трех тысяч. В правлениях подавляющего большинства больничных касс представители рабочих шли за большевиками. Больничные кассы, как и профсоюзы, помогали большевистской партии организовать рабочий класс на

революционную борьбу против царизма и империалистической буржуазии.

Могучим оружием в руках большевистской партии была нелегальная и легальная печать. В газетах, журналах, издаваемых большевиками, разоблачалось предательство меньшевиков, троцкистов, эсеров и других социал-шовинистов. Вместе с тем они призывали рабочих к борьбе против преступной войны и самодержавия.

Благодаря самоотверженной революционной работе большевиков царскому правительству, империалистической буржуазии и социал-шовинистам не удалось отравить сознание пролетариата ядом шовинизма. В. И. Ленин указывал, что

«Единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат»[1].

Под руководством большевиков российский пролетариат развернул мощную экономическую и политическую борьбу, оказал глубокое революционизирующее влияние на солдат, городскую и деревенскую мелкую буржуазию, сверг ненавистный царизм, создал Советы рабочих и солдатских депутатов.

Первая мировая война породила огромные бедствия народных масс, обострила в гигантских размерах кризис капиталистической системы. В результате первой мировой войны фронт империализма был прорван в одной стране — в России. В итоге второй мировой войны благодаря исторической победе Советского Союза над фашистской Германией из когтей империализма вырвались народы ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где утвердился режим народной демократии.

Победу большого международного значения одержали прогрессивные силы немецкого народа.

7 октября 1949 года создана Германская демократическая республика. Великий вождь советского народа и все-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 21, стр. 289.

го прогрессивного человечества И. В. Сталин в историческом послании президенту Германской демократической республики Вильгельму Пику и премьер-министру правительства Германской демократической республики Отто Гротеволю пишет:

«Образование Германской демократической миролюбивой республики является поворотным пунктом в истории Европы. Не может быть сомнения, что существование миролюбивой демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладет конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами» [1].

Национально-освободительным движением охвачены колониальные и зависимые страны Востока.

Китайский народ, руководимый коммунистической партией, одержал победу над силами реакции. Народная политическая консультативная конференция, собравшаяся в Пекине 1 октября 1949 года, торжественно провозгласила создание Народной Республики Китая.

Большое историческое значение победы китайского народа заключается в том, что она нанесла новый сильнейший удар по всей системе империализма. Новое поражение потерпел лагерь империализма и поджигателей войны. Вместе с тем эта победа умножила силы фронта мира, демократии и социализма, возглавляемого великим Советским Союзом.

В наши дни в империалистическом лагере лихорадочно сколачиваются агрессивные блоки с целью подготовки новой войны, направленной против СССР и стран народной демократии. Англо-американская империалистическая буржуазия стремится закабалить все народы, установить свое господство во всем мире. Продажные «социалисты» типа Эттли, Бевина, Шумахера и им подобных

[1] «Правда», 1949, № 287.

теперь, так же как и их предшественники в период первой мировой войны, изо всех сил стараются выслужиться перед империалистической буржуазией, прикрывают и всячески оправдывают поджигателей войны и их агрессивные блоки и планы, пытаются расколоть, обессилить рабочий класс.

Но силы демократии и мира, возглавляемые Советским Союзом, с каждым днем сплачиваются и крепнут, стоят непреодолимой преградой на пути империалистических поджигателей войны и их пособников — правых социалистов.

Опыт революционной борьбы большевиков и российского рабочего класса в период первой мировой войны имеет исключительно важное значение для всего прогрессивного человечества. Он учит тому, что покончить с губительными империалистическими войнами, с системой угнетения и грабежа можно только единственным путем, указанным советским народом, — свергнуть власть капиталистов, передать управление государством в руки народа.

Глава первая

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Годы, предшествовавшие первой мировой войне, ознаменовались в России подъемом рабочего движения. Этот революционный подъем был обусловлен экономическим и политическим положением страны.

Россия в это время, так же как и другие капиталистические государства, была империалистической страной. Это означало, что решающую роль в жизни государства приобрели мощные объединения капиталистов. Небольшое количество трестов и синдикатов сосредоточивало в своих руках почти всю промышленность. Так, в объединении металлургической промышленности «Продамет» концентрировалось 70—75 процентов продукции всей металлургической промышленности. Значительно расширившийся синдикат паровозостроительных заводов охватывал 100 процентов всей промышленности, нефтяные монополии — почти 100 процентов, «Продвагон» — 95 процентов, «Медь» — 94 процента и т. д. Капиталы акционерных обществ увеличились в полтора раза по сравнению с 1905 годом. В. И. Ленин указывал:

«Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно» [1].

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 25, стр. 331.

Накануне первой мировой империалистической войны роль монополистического капитала в промышленности возросла еще больше.

Вместе с тем продолжался процесс концентрации банков. Росла их роль в промышленности, происходило сращивание банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала. В 1914 году семь крупнейших банков распоряжались 52,1 процента всех банковских капиталов и имели в своих сейфах акции многих акционерных обществ.

Особенность экономического развития России заключалась в том, что она была страной военно-феодального империализма, при котором монополистический капитал в промышленности сочетается с пережитками крепостничества в сельском хозяйстве.

Господствовавшие в царской России паразитические классы искусственно задерживали промышленное развитие, пресмыкались перед Западом, помогали иностранному капиталу закабалить страну, превратить ее в свою полуколонию.

С 1904 по 1909 год иностранные капиталисты вложили в промышленность России 60 миллионов рублей золотом, а с 1910 по 1914 год — 150 миллионов рублей золотом. В 1910 году в России существовало сорок три иностранные компании, в 1912 году уже семьдесят четыре. Английские, французские, бельгийские и другие иностранные капиталисты владели в России предприятиями стоимостью в 1,5 миллиарда рублей, причем в их руки попали важнейшие отрасли народного хозяйства: уголь, нефть, электропромышленность, металлургия.

Царское правительство, открывая широкий доступ в Россию иностранному капиталу, получая кабальные заграничные займы, выколачивало из народных масс ежегодно для уплаты процентов сотни миллионов рублей.

«Царизм, — пишет И. В. Сталин, — был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе» [1].

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 5.

Пережитки крепостничества, засилье иностранного капитала тормозили экономическое развитие страны. Русская промышленность медленно и мучительно преодолевала кризис, который начался еще в начале девятисотых годов. Только в 1910 году началось оживление и расширение производства в основных отраслях промышленности. Так, например, выплавка чугуна в 1910 году составляла 185,8 миллиона пудов, а в 1913 году — 283 миллиона пудов. Добыча каменного угля в 1910 году равнялась 1 526,3 миллиона пудов, в 1913 году — 2 200,1 миллиона пудов [1].

Одной из причин начавшегося промышленного подъема была столыпинская реформа. В результате этой реформы расширился внутренний рынок, так как укрепившиеся кулацкие хозяйства продавали скопившиеся излишние продукты и покупали промышленные товары и орудия производства, а деревенская беднота, составлявшая большинство сельского населения, вынуждена была покупать на рынке предметы потребления.

Промышленный подъем был также связан с подготовкой к назревавшей империалистической войне. Правительство отпускало крупные ассигнования на оборонительные сооружения, на постройку оружейных и пушечных заводов, на пополнение материальной части армии и т. д. Это, несомненно, влияло на временное оживление в промышленности. В течение 1909—1910 годов на строительство линейного военно-морского флота, на постройку стратегических железных дорог и на увеличение подвижного состава правительство ассигновало свыше 375 миллионов рублей.

Развитие промышленности при наличии монополистического капитала, кризисов и депрессий неизбежно идет по пути концентрации производства и рабочих на крупных и крупнейших предприятиях. В этом отношении Россия превосходила другие капиталистические страны. В 1910 году в России на крупных предприятиях, с количеством пятьсот и больше рабочих, работало около 54 процентов всего количества рабочих. В это же время в

---

[1] «Мировые экономические кризисы (1848—1935)», т. 1, 1937, стр. 514.

Соединенных Штатах Америки на предприятиях такого типа работало около трети всех рабочих.

Особенно высокая концентрация рабочих в России на крупных предприятиях объяснялась главным образом наличием большой резервной армии безработных и дешевизной рабочей силы.

Сосредоточенность пролетариата на крупных и крупнейших предприятиях способствовала росту и сплоченности рабочего класса, а наличие партии большевиков превращало рабочий класс России в величайшую политическую силу страны.

Промышленный подъем не принес рабочему классу улучшения экономического положения. Капиталисты еще больше снижали заработную плату, удлиняли рабочий день, усиливали и без того бесчеловечную эксплоатацию рабочих. Все это увеличивало возмущение, озлобляло рабочих против царизма и капиталистов и содействовало подъему стачечной борьбы. «Варварские формы эксплуатации рабочих на предприятиях в соединении с нестерпимым полицейским режимом царских опричников придавали каждой серьезной стачке политический характер» [1].

После поражения первой русской революции 1905—1907 годов количество стачек значительно снизилось. По официальным данным, в 1907 году бастовало 740 тысяч рабочих, в 1908 году — 176 тысяч рабочих, а в 1909 году — только 64 тысячи рабочих.

Царизм и буржуазия были уверены, что рабочее движение больше никогда не поднимется. Царский министр Дурново утверждал, что «рабочие получили достаточный урок и свыклись с существующим положением вещей». Но царские сатрапы и империалистическая буржуазия просчитались.

Оживление революционного движения пролетариата началось с весны 1910 года. Первые же стачки и демонстрации проходили под лозунгами большевиков — борьба за восьмичасовой рабочий день, демократическую республику и конфискацию помещичьих земель. «Первое же начало борьбы, — писал В. И. Ленин в 1910 году, — показало нам опять значение *массового* движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движе-

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 142.

ния, раз поднялись *массы,* раз начали шевелиться миллионы. Преследования только разжигают борьбу, втягивают в нее новые и новые ряды борцов» [1].

В 1911 году бастовало свыше 100 тысяч рабочих, почти в два раза больше, чем в 1910 году. Бастовали рабочие Балтийского и Невского заводов в Петербурге, Вознесенской мануфактуры и многих других предприятий. В конце 1911 года в Петербурге, в Варшаве, в Риге и ряде других городов прошли митинги и демонстрации протеста рабочих против того, что черносотенная Государственная дума отвергла запрос о пересмотре дела социал-демократов, членов второй Думы, арестованных царским правительством. Рабочие требовали освобождения осужденных социал-демократических депутатов.

Стачки и демонстрации 1910—1911 годов показывали, что годы реакции не убили сил революции. Рабочий класс вновь стал подниматься на борьбу. Его боевые силы крепли в борьбе против царизма и капиталистической эксплоатации. Начинавшийся революционный подъем показывал, какой большой жизнеспособностью обладал и революционный русский пролетариат и его партия.

Пражская партийная конференция, состоявшаяся в январе 1912 года, констатировала, что

«В широких кругах демократии и, в первую голову, среди пролетариата замечается начало политического оживления» [2]. Предсказав неизбежность революционного подъема, конференция потребовала от партийных организаций, чтобы они руководили стачками, установили тесное сотрудничество с профессиональными союзами, привлекая их к активному участию в экономической и политической борьбе рабочего класса.

Вместе с тем Пражская конференция приняла историческое решение об изгнании меньшевиков из партии, покончив таким образом навсегда с формальным объединением с ними, положила начало партии нового типа, большевистской партии.

Для непосредственного руководства всей партийной работой конференция создала практический центр — Русское бюро ЦК во главе с И. В. Сталиным.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 16, стр. 328.

[2] «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 1940, ч. 1, стр. 181.

В. И. Ленин так определил задачи, стоявшие тогда перед большевиками и Русским бюро Центрального Комитета:

«Усиление революционного подъема среди русского пролетариата очевидно. Помочь этому усилению, укрепить нелегальную организацию, дать движению правильные революционные лозунги, дать отпор оппортунизму легалистов-ликвидаторов, пропитать легальные организации антиликвидаторским духом и в этом направлении провести выборы в IV Думу — вот ближайшие задачи...» [1]

Настоящий подъем революционного движения начался весной 1912 года в связи с расстрелом рабочих Ленских золотых приисков.

Ленское золотопромышленное товарищество было основано в 1896 году. Предприятие приносило владельцам более 7 миллионов рублей прибыли в год. Английские банкиры, хозяева золотых россыпей в Америке и Африке потянулись к сибирскому золоту. В 1908 году в Лондоне возникло новое общество «Лена-Гольдфильдс» с капиталом около 14 миллионов рублей. Оно завладело богатейшим золотоносным Бодайбинским районом. Правление общества находилось в Лондоне. Председателем правления стал бывший царский министр Тимирязев, товарищем председателя — английский лорд Фарной. В числе акционеров оказались английские лорды и крупные капиталисты, русские банковские воротилы — Путилов, Вышегородский, представители еврейской плутократии бароны Гинзбурги, члены царского дома. Главную роль играли английские капиталисты. Им принадлежало около 70 процентов всех акций. При помощи продажной прессы английские дельцы создали на бирже бешеный ажиотаж вокруг купли и продажи акций «Лена-Гольдфильдс» и добились того, что облигация стоимостью по номиналу 750 рублей стала котироваться через год в 1 800 рублей, а спустя еще год стоила 8 тысяч рублей. На этой невиданной спекуляции банкиры нажили огромные барыши. Только за один 1910 год, произведя дополнительный выпуск акций, они заработали более 30 миллионов рублей.

В то время, как капиталисты загребали неслыханные прибыли, рабочие на Ленских приисках изнывали от ка-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 138.

торжного режима. Английские капиталисты относились к русским рабочим, как к рабам своих колоний. Царское правительство помогало в этом английской буржуазии. Отрезанные от центра страны огромными пространствами, рабочие попадали в полную кабалу к золотопромышленникам. Завербованные на прииск подписывали особый контракт сроком на один год. По этому контракту рабочий обязывался работать «сколько потребуется по обстоятельствам», не участвовать в стачках, закупать продукты и товары в приисковых магазинах, не требовать повышения заработной платы. Члены семей рабочих также попадали в кабалу. Контракт гласил: «...пришедших с нами женщин и подростков обязуемся по требованию управления посылать на работу, отказываться от которой прибывшие с нами члены семьи не в праве, в противном случае подлежат удалению с приисков» [1].

Из официальных отчетов «Ленголота» за 1912 год видно, что рабочие получали на руки только четверть своего ничтожного заработка, а остальные три четверти выдавались им продуктами и талонами. Жили рабочие в сырых землянках и курных бараках. Каждый шаг рабочего контролировала армия приказчиков и надсмотрщиков. В угоду английским банкирам царское правительство отдало в подчинение администрации приисков горный надзор и полицию. Особенно невыносима становилась жизнь рабочих с наступлением зимы, когда Лена замерзала. Пользуясь тем, что в это время рабочие не могли покинуть прииски, администрация еще больше издевалась над ними. Рабочим выдавали тухлую солонину, гнилую крупу, сбывали закупленные по дешевке другие недоброкачественные товары. Это способствовало росту недовольства в среде рабочих.

28 февраля 1912 года рабочим было выдано в лавке несвежее конское мясо. Волна протеста прокатилась по всем приискам. 29 февраля забастовали рабочие Андреевского прииска. К ним присоединились рабочие Васильевского, Александровского, Феодосиевского, Ивановского, Надеждинского и других приисков. В стачке участвовало свыше 6 тысяч рабочих. Находившиеся среди рабочих ссыльные большевики возглавили стачку и придали

[1] «Ленские события (статьи и материалы)», 1938, стр. 20—21.

ей организованный характер. На всех приисках были избраны стачечные комитеты. Центральный стачечный комитет, созданный из выборных от приисков, связался со всеми приисками, установил среди стачечников железную дисциплину, взял под свой контроль склады с продовольствием, запретил продажу водки, организовал сбор денег для поддержки особо нуждающихся рабочих. Стачечный комитет выработал и предъявил администрации ряд экономических требований: снабжение доброкачественными продуктами, улучшение жилищ, увеличение заработной платы на 30 процентов, отмена штрафов, отмена принудительного женского и детского труда, вежливое обращение с рабочими, и удаление с приисков двадцати семи надзирателей, отличавшихся особой жестокостью.

Главноуправляющий приисками Белозеров отказался вести переговоры с Центральным стачечным комитетом. Он получил из Петербурга директиву, в которой предписывалось не итти на уступки рабочим и принять меры для подавления стачки любыми средствами. Министр торговли и промышленности Тимошев наделил Белозерова неограниченными полномочиями и официально поручил ему ликвидировать забастовку. По распоряжению директора департамента полиции иркутский губернатор направил на Ленские прииски отряд во главе с известным в тайге палачом — жандармским ротмистром Трещенковым.

Прибывшие каратели совместно с Белозеровым стали искать предлога для кровавой расправы с рабочими. Белозеров организовал из своих приспешников и уголовных элементов черносотенную банду, которая избивала активных рабочих, поджигала бараки и машинные помещения приисков. Стачечный комитет организовал силами рабочих охрану предприятий, бараков и других зданий. Провокация провалилась. Но в ночь с 3 на 4 апреля были арестованы члены стачечного комитета.

Утром 4 апреля свыше 3 тысяч рабочих двинулись к Надеждинскому прииску, к резиденции товарища прокурора, чтобы вручить ему заявление об освобождении арестованных. На Надеждинском прииске жандармы встретили мирно настроенных людей выстрелами. Рабочие бросились бежать. Но стрельба продолжалась. В результате более 500 рабочих было убито и ранено. Так

совершилось очередное кровавое преступление царизма, расстрелявшего «...мирных, безоружных рабочих, с табачными кисетами в руках, с заявлениями в карманах об освобождении арестованных товарищей...» [1] Чудовищная расправа с безоружными людьми не сломила воли рабочих. Всеобщая стачка на Ленских приисках продолжалась четыре месяца. Не добившись удовлетворения своих требований, многие рабочие покинули прииски.

Ленский расстрел послужил сигналом к мощному подъему революционного движения русского рабочего класса.

Отмечая важное политическое значение событий на Лене, И. В. Сталин писал в большевистской газете «Звезда»:

«Ленские выстрелы разбили лёд молчания, и — тронулась река народного движения.

Тронулась!..

Всё, что было злого и пагубного в современном режиме, всё, чем болела многострадальная Россия — всё это собралось в одном факте, в событиях на Лене.

Вот почему именно ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций.

В этом — и только в этом — следует искать объяснений последним событиям» [2].

Ленский расстрел вызвал массовые забастовки и митинги протеста против преступления царизма. Стачки и демонстрации прокатились по всей стране. Первыми забастовали рабочие и служащие Ленского пароходства. 10 апреля начались забастовки на юге России. Бастовали рабочие судостроительных заводов в Николаеве, паровозостроительного завода в Харькове, трубопрокатного в Екатеринославе. Забастовки перекинулись в Луганск, Саратов, Самару, Мелитополь, Одессу, Елизаветград, в Читу и Хабаровск. 14 апреля забастовали рабочие всех крупных заводов Петербурга, 19 апреля — Москвы.

Волна стачечного движения поднялась еще выше после того, как царский министр Макаров в ответ на запрос социал-демократической фракции в Государственной думе по поводу ленского расстрела заявил: «Так было и

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 235.
[2] Там же, стр. 238.

644600
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

так будет!». Количество участников политических стачек протеста против кровавой расправы с рабочими на Лене в это время достигло 300 тысяч [1].

Ленские события и последовавшие за ними стачки показали, что окончился мрачный период столыпинской реакции. Начался новый революционный подъем.

В. И. Ленин в статье «Революционный подъем» указывал, что

«Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс» [2].

Пролетариат начал борьбу «...не в качестве одного из отдельных классов буржуазного общества, не с «своими» только профессиональными лозунгами, а в качестве гегемона, поднимающего знамя революции *за* весь народ, *от* имени всего народа, *для* пробуждения и привлечения к борьбе *всех* классов, кому свобода нужна, кто способен добиваться ее» [3].

По указанию В. И. Ленина, по инициативе И. В. Сталина 5 мая 1912 года начала выходить в Петербурге массовая большевистская газета «Правда». Роль «Правды» в этот период была исключительно велика. Она проникала во все уголки царской России, собирала вокруг себя все революционные силы. «Правда» откликалась на каждое политическое событие, организовывала рабочих и крестьян, стояла в центре борьбы за партийность, за воссоздание массовой рабочей революционной партии и направляла рабочее движение к одной определенной цели — к подготовке революции. Царское правительство жестоко преследовало «Правду», накладывало большие штрафы, конфисковывало отпечатанные номера газеты. За два с половиной года закрывало ее восемь раз. Но при поддержке рабочих она снова начинала выходить под разными сходными названиями — «За правду», «Путь правды», «Трудовая правда». Насколько был велик авторитет «Правды» в широких массах пролетариата, показывает таблица добровольных рабочих сборов на большевистскую газету «Правда» и меньшевистскую газету «Луч».

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 141.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 86.
[3] Там же, стр. 95.

	„Правда“		„Луч“	
	Число сборов	Сумма (в рублях)	Число сборов	Сумма (в рублях)
От рабочих	2 873	18 934,10	671	5 296,12
Не от рабочих . . .	713	2 650,01	453	6 759,77 *

Следовательно, самое большое количество сборов и собранных средств на газету «Правда» поступало от рабочих, в то время как газета «Луч» финансировалась главным образом высшим слоем служащих, чиновников и либеральной буржуазии.

Еще более показательны результаты сборов на рабочую печать в 1914 году. Из 7 тысяч рабочих групп собирали деньги на большевистскую печать 5 600 групп. Эти цифры говорят о том, что основные пролетарские силы группировались вокруг большевиков. Несмотря на чудовищные полицейские преследования, «Правда» в среднем расходилась по 40 тысяч экземпляров в день, в то время как меньшевистская ежедневная газета «Луч», не подвергавшаяся репрессиям со стороны полиции, выходила тиражом не более 15—16 тысяч экземпляров.

Большевиков тогда называли «правдистами». «Правда» воспитала целое поколение революционного пролетариата, которое провело потом Октябрьскую социалистическую революцию. За «Правдой» стояли десятки и сотни тысяч рабочих.

«Правда» 1912 года — это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году» [1],—писал И. В. Сталин. Большевики через свою газету поднимали и воодушевляли рабочий класс на революционную борьбу. В первомайской стачке 1912 года, носившей ярко выраженный политический характер, участвовало около 400 тысяч рабочих. По поводу этой стачки В. И. Ленин писал:

«Грандиозная майская забастовка всероссийского пролетариата и связанные с ней уличные демонстрации, революционные прокламации и революционные речи перед

* См. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, стр. 339.

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 148.

толпами рабочих ясно показали, что Россия вступила в полосу революционного подъема» [1].

К первомайским дням 1912 года вышла листовка, написанная И. В. Сталиным. В листовке И. В. Сталин в кратких чертах изложил историю возникновения международного дня пролетарской солидарности — праздника Первого мая и дал развернутую характеристику политического и экономического положения царской России.

«Посмотрите вокруг себя, — писал И. В. Сталин, — разве многострадальная Россия похожа на «обновлённую», «благоустроенную» страну?

Вместо демократической конституции — режим виселиц и дикого произвола!

Вместо всенародного парламента — чёрная Дума чёрных помещиков!

Вместо «незыблемых основ гражданской свободы», вместо свободы слова, собраний, печати, союзов и стачек, обещанных ещё в манифесте 17 октября — мёртвая рука «усмотрений» и «пресечений», закрытые газеты, высланные редакторы, разрушенные союзы, разогнанные собрания!

Вместо неприкосновенности личности — избиения в тюрьмах, издевательства над гражданами, кровавая расправа с забастовщиками на Ленских приисках!

Вместо удовлетворения крестьянских нужд — политика дальнейшего обезземеления крестьянских масс!..»

Листовка заканчивалась призывами:

«Долой капитализм!

Да здравствует социализм!..

Долой царскую монархию!

Да здравствует демократическая республика!..

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!» [2].

Листовка И. В. Сталина получила широкое распространение. Ее читали в Петербурге, Москве, Одессе, Харькове, Тифлисе, на Урале и в Сибири. Она сыграла большую роль в усилении стачечного движения по всей стране.

После первомайских забастовок стачечное движение не утихло. Крупные стачки произошли в связи с тем, что

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 85.

[2] И. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 222—223, 224.

царское правительство, обвинив севастопольских матросов в подготовке восстания в Черноморском флоте, предало их военно-морскому суду. 17 человек было приговорено к смертной казни, 106 человек к каторжным работам.

Рабочие Петербурга, Москвы, Харькова, Николаева, Риги ответили на расправу с революционными матросами политическими стачками, в которых участвовало 250 тысяч человек. Значительные стачки произошли в связи с отменой выборов на крупных петербургских предприятиях в IV Государственную думу.

Большевистская партия стремилась к тому, чтобы по рабочей курии кандидатами в депутаты IV Государственной думы были выдвинуты большевики. Царское же правительство не хотело допустить в Думу большевистских депутатов и поэтому всякими «разъяснениями» стало отводить большевистских уполномоченных, которые должны были избрать выборщиков. В результате этих «разъяснений» представители многих заводов и среди них Путиловского, Невского судостроительного были лишены полномочий.

И. В. Сталин, лично руководивший подготовкой к выборам в IV Государственную думу по рабочей курии, предложил организовать забастовку протеста против произвола царского правительства.

5 октября забастовал Путиловский завод, к нему примкнули Невский судостроительный и другие. Забастовка приняла широкие размеры. В ней участвовало свыше 100 тысяч рабочих. Правительство вынуждено было отменить свои решения о лишении полномочий представителей рабочих и назначить дополнительные выборы на ряде новых предприятий. Ленин и Сталин считали, что большевистская фракция IV Думы должна сыграть большую роль как общероссийский легальный орган большевиков, при помощи которого можно теснее связаться с широкими массами рабочих.

Отмечая достигнутую победу, И. В. Сталин писал: «8 октября поздно ночью становится известным, что губернская комиссия по выборам кассирует выборы выборщиков, отменяет «разъяснения» уездной комиссии, «восстановляет в правах» путиловцев, привлекает к выборам

большее число предприятий. Рабочие торжествуют победу. Рабочие победили» [1].

17 октября 1912 года на съезде уполномоченных от рабочей курии Петербургской губернии был принят «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», составленный И. В. Сталиным.

В «Наказе» И. В. Сталин указал рабочим — депутатам Государственной думы на важнейшие задачи, стоявшие перед ними, и показал на ярких примерах, что в России назревает новая революция и во главе ее идет пролетариат.

«Мы бы хотели, — говорилось в «Наказе», — чтобы социал-демократическая фракция IV Думы и наш депутат, в частности, высоко держали знамя рабочего класса во враждебном им лагере чёрной Думы.

Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов соц.-дем. фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе, как вожде народного движения, о крестьянстве, как наиболее надёжном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии, как изменнице «народной свободы» [2].

В. И. Ленин придавал «Наказу» большое значение. Направляя его в типографию для напечатания в большевистской газете «Правда», Ленин сделал приписку: «Непременно ***вернуть!!*** Не испачкать. ***Крайне важно*** сохранить этот документ» [3].

«Наказ» был отпечатан также отдельной листовкой и вызвал живейший отклик среди рабочих столицы и других промышленных центров страны. Ликвидаторы пытались затушевать его огромное значение и заменить четкую политическую программу действий рабочего класса расплывчатыми рассуждениями о борьбе за «частичные реформы», о недопустимости «стачечного азарта», но это им не удалось сделать.

В течение всего последующего периода забастовочное движение росло и ширилось. В 1912 году по официальным отчетам бастовало 725 тысяч, а по данным рабочей печати — свыше миллиона рабочих.

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 272—273.
[2] Там же, стр. 252.
[3] «И. В. Сталин. Краткая биография», 1949, стр. 53.

В конце декабря 1912 года И. В. Сталин по поручению В. И. Ленина написал листовку «Ко всем рабочим и работницам России», посвященную восьмой годовщине 9 января 1905 года. Листовка призывала рабочих отметить годовщину организацией собраний, митингов, стачек и демонстраций.

9 января 1913 года, в день годовщины Кровавого воскресенья, в Петербурге произошла большая демонстрация на могиле жертв расстрела. Демонстрации рабочих были и в ряде других городов. Затем в течение всего года стачки шли беспрерывной мощной волной. В 1913 году в забастовках участвовала по официальным данным 861 тысяча человек, а по данным рабочей печати — 1 572 тысячи человек. Так, например, 9 января, в день годовщины Кровавого воскресенья, в стачках участвовало 460 тысяч человек, 4 апреля, в годовщину ленского расстрела, — 140 тысяч человек; в первомайских забастовках и демонстрациях — 420 тысяч человек; в июльских стачках протеста против гонения на рабочую печать — 85 тысяч человек; в стачках солидарности с бастовавшими в августе московскими трамвайщиками — 180 тысяч человек; в стачке протеста против думского законопроекта страхования рабочих — 50 тысяч человек. Большинство стачек этого периода носило ярко выраженный политический характер. Даже статистика Московского общества заводчиков и фабрикантов должна была признать, что из каждых 100 стачечников в 1913 году 70 участвовало в политических стачках.

Политические стачки превратились в серьезную школу революционной борьбы. Пролетариат, участвуя в стачках, готовился к предстоящей решительной революционной схватке с самодержавием. Большевики, умело сочетая экономическую борьбу с политической, втягивали в революционное движение все более широкие слои пролетариата.

Широкий размах стачечного движения приводил в недоумение царское правительство. Оно было уверено, что жестокая расправа с рабочими в годы столыпинской реакции положила конец стачечному движению в России. Буржуазия также надеялась, что рабочие получили достаточный урок от столыпинских молодцов и не посмеют

больше бастовать. Но надежды их не оправдались. Мощное стачечное движение охватило всю страну.

«Революционные массовые стачки пролетариата, — говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — имели *общенародное* значение. Они были направлены против самодержавия. Стачки встречали сочувствие огромного большинства трудящегося населения» [1].

Царское правительство в борьбе против стачечного движения усилило полицейский террор, назвав свой кровавый поход против рабочих курсом «твердой политики».

Суть этой «политики» сводилась к массовым арестам и ссылке большевиков и революционных рабочих, разгрому всех рабочих организаций, «очищению» предприятий от «неблагонадежных». С этой целью фабричной инспекции и администрации было приказано теснее связаться с полицией и немедленно сообщать о всех зачинщиках стачек.

Империалистическая буржуазия, в свою очередь, полностью поддерживая «твердую политику» царизма по отношению к рабочим, всячески мстила рабочим за стачки. Петербургское общество фабрикантов и заводчиков, а вслед за ним и другие общества еще в апреле 1912 года вынесли решения о наложении штрафов на рабочих за участие в политических стачках. В широких размерах применялась «фильтрация» рабочих, расширялась практика применения «черных списков», в которые заносились «неблагонадежные» рабочие.

Особенно усердствовало Петербургское общество фабрикантов и заводчиков в организации и проведении локаутов, в составлении «черных списков».

В июле 1913 года общество создало специальную комиссию по борьбе с рабочим движением. Комиссия должна была разработать технику локаутов, использовав опыт немецких предпринимателей. 14 июля происходило первое заседание комиссии под председательством заводчика Бочманова. На заседании было принято решение не допускать никаких уступок рабочим и на каждое их выступление отвечать «двойным ударом». Кроме того, было принято предложение о посылке в Германию специальной комиссии для изучения и перенесения в Россию опы-

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 143.

та техники локаутов. Во главе комиссии был поставлен специалист по локаутам немец Бартмер. С этого времени локауты широко входят в практику борьбы предпринимателей с рабочим движением [1].

В 1913 году в Московской губернии владельцы текстильных фабрик выбросили на улицу 50 тысяч текстильщиков. В Петербурге в марте 1914 года за один день было рассчитано 70 тысяч рабочих. Локауты широко применялись в Варшаве, Лодзи и в других промышленных центрах.

Несмотря на это, стачечное движение продолжало расти. Стачки экономические под руководством большевиков переплетались со стачками политическими. Это придавало им особую революционную силу.

Революционный подъем рабочего класса оказал глубокое влияние на крестьянство и на армию. Первая русская революция, потерпев поражение, не разрешила аграрного вопроса. Столыпинская аграрная реформа, укрепившая кулаков-хуторян, еще больше обострила классовые противоречия в деревне. Только в европейской части России 30 тысяч помещиков имели 70 миллионов десятин земли. Примерно столько же земли имели 10,5 миллиона крестьянских дворов. Кулаки, выделившись на хутора и отруба, закрепили за собой свыше 12 миллионов десятин лучших общинных земель. Крестьяне страдали от малоземелья, нищали, голодали и все больше попадали в кабалу к помещикам и кулакам. На борьбу против царя, помещиков и кулаков-хуторян поднялись широкие массы крестьянства. С 1910 по 1914 год произошло свыше тринадцати тысяч революционных крестьянских выступлений. В Грузии, на Украине, а также в Воронежской, Курской, Саратовской, Самарской и других губерниях крестьяне разоряли помещичьи имения, забирали скот, хлеб, инвентарь, сжигали кулацкие хутора. Усиление революционной борьбы рабочих и крестьян вызвало ряд революционных выступлений солдат и матросов. Летом и осенью 1912 года вспыхнули волнения в военном лагере около Ташкента, в Балтийском и Черноморском флотах, в частях Киевского гарнизона. Рабочие поддерживали восставших солдат и матросов массовыми политическими стачками.

[1] До этого локауты широко применялись в 1905 г.

«Политическая стачка, — писал В. И. Ленин, — есть единственное серьезное средство расшевелить, раскачать, взбудоражить, поднять на революционную борьбу крестьянство и лучшую часть крестьянского войска!» [1].

С подъемом революционного движения оживилась работа легальных рабочих организаций.

Профсоюзы, разгромленные в годы реакции, восстанавливались. Количество членов в них быстро росло. В Петербургском союзе металлистов на 1 июля 1913 года состояло 3 853 члена, а к моменту закрытия союза в июле 1914 года в нем насчитывалось до 12 тысяч членов. В Петербургском союзе текстильщиков весной 1913 года было 645 членов, а весной 1914 года около 10 тысяч членов. Увеличилось количество членов и в профсоюзах, объединяющих кожевников, печатников, деревообделочников и других рабочих. К началу 1914 года в ста восемнадцати профсоюзах, насчитывавшихся в России, состояло около 150 тысяч членов.

Завоевание легальных рабочих организаций и в первую очередь профессиональных союзов являлось одной из важнейших политических задач большевистской партии в годы революционного подъема. «Это был период, — писал И. В. Сталин, — решительной борьбы большевиков за изгнание ликвидаторов (меньшевики) из легальных форм организаций рабочего класса. Лозунг «снятия с постов» меньшевиков был тогда популярнейшим лозунгом рабочего движения. Страницы «Правды» пестрели сообщениями об изгнании из страховых организаций, больничных касс и профессиональных объединений засевших было там одно время ликвидаторов... без завоевания легальных организаций партия не смогла бы при тогдашних политических условиях протянуть щупальцы к широким массам и сплотить последних вокруг своего знамени...»[2], а это привело бы к отрыву партии от масс. Она «превратилась бы в замкнутый, варящийся в своём собственном соку, кружок» [3]. Профсоюзы, руководимые большевиками, превращались в опорные пункты партии, в связующие звенья между партией и рабочим классом. Профсоюзы прово-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 445.
[2] И. В. Сталин, Сочинения, т. 5, стр. 132.
[3] Там же.

дили сборы средств на революционную работу, создавали стачечные комитеты для руководства забастовками, устраивали рабочие собрания, открывали рабочие клубы.

Искусно соединяя нелегальную работу с легальной, большевистская партия добилась того, что в обеих столицах большинство профессиональных объединений шло за большевиками.

В то время как большевистская партия настойчиво готовила рабочих к новой революции, ликвидаторы рассматривали массовое движение пролетариата как мирную борьбу за реформы в рамках монархического строя. Они «предостерегали» пролетариат от «стачечного азарта». Ликвидаторы позорно отрекались от революционных требований, программы и революционных лозунгов партии, хотели уничтожить, ликвидировать революционную партию пролетариата. Требование демократической республики они заменили требованием «полновластной Думы», конфискацию помещичьих, церковных и других земель «пересмотром земельного законодательства». Они отказывались от требования 8-часового рабочего дня. Своей реформистской и соглашательской тактикой ликвидаторы вносили дезорганизацию в ряды рабочего класса. Они стремились свернуть пролетариат с революционных позиций и направить его на соглашение, на примирение с самодержавием и буржуазией.

Большевики, несмотря на полицейские преследования царских властей и предательскую деятельность ликвидаторов и троцкистов, сохранили нелегальную партию и вместе с тем вели неустанную революционную работу среди широких рабочих масс.

Особенно велика была роль большевистской газеты «Правда» в завоевании большевиками профессиональных союзов. В «Правде» отделом профессионального движения руководил В. М. Молотов. Он принимал непосредственное участие в работе петербургских профсоюзов. В. М. Молотов, например, подготовил выборы правления профсоюза металлистов. Выборы состоялись 25 августа 1913 года. Подавляющее большинство участников собрания голосовало за большевиков. В. И. Ленин так писал по поводу выборов правления Петербургского профсоюза металлистов:

«На собрании металлистов было до *3000 человек*. Из них всего каких-нибудь *150* подали голоса за список ликвидаторов.

Ясно, что воля сознательных и передовых рабочих определилась вполне. Рабочие и слушать не хотят о ликвидаторстве» [1].

Все 12 членов правления профсоюза были избраны по списку большевиков. Решительно порывали с меньшевиками и переходили на сторону большевиков и другие профсоюзы. В Москве, например, только в профсоюзе печатников преобладало влияние ликвидаторов. Но и в этом союзе при выборах правления в 1914 году победили большевики. «Охваченный революционным движением рабочий класс определенно сплачивался вокруг большевиков, отбрасывая прочь меньшевиков» [2].

Революционная борьба рабочего класса особенно усилилась в первом полугодии 1914 года. За первые шесть с половиной месяцев 1914 года бастовало по официальным отчетам около полутора миллионов рабочих, причем 80 процентов стачек были политическими.

9 января бастовало 250 тысяч рабочих, из них 140 тысяч в Петербурге. Особой силой отличалась первомайская забастовка, в которой участвовало свыше 500 тысяч рабочих, из них в Петербурге более 250 тысяч.

В мае 1914 года началась всеобщая забастовка бакинских нефтяников, приковавшая к себе внимание всего пролетариата страны. Всеобщая бакинская забастовка отличалась высокой организованностью. Царское правительство бросило на подавление этой забастовки крупные полицейские силы. Бакинский район был объявлен на военном положении. Туда были стянуты крупные силы полиции, жандармов. Хозяева промыслов прекратили отпуск рабочим топлива, выключили свет, воду, начали выселять рабочих из квартир. Бакинцы обратились за поддержкой к рабочим промышленных центров страны.

Петербургские рабочие под руководством большевиков поддержали бакинскую стачку, способствуя ее превращению во всеобщую всероссийскую стачку. Кампания солидарности с бакинцами в Петербурге началась 1 июля. По

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 19, стр. 421.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 151.

призыву Петербургского комитета большевиков 3 июля состоялся митинг на Путиловском заводе в знак солидарности с бакинцами. Перед окончанием митинга во дворе завода появилась пешая и конная полиция. Жандармский офицер потребовал от рабочих немедленно прекратить митинг и очистить двор. Были пущены в ход нагайки, и несколько первых попавшихся рабочих были арестованы. В ответ на протесты рабочих полиция открыла огонь. Кто-то крикнул: «На баррикады!» Рабочие устремились за прикрытия и начали бросать в полицейских камни. Раздался залп. Двое рабочих были убиты, 50 ранены, а сотни избиты и искалечены. 4 июля в Петербурге по призыву Петербургского комитета партии забастовало в знак протеста 90 тысяч рабочих. 7 июля бастовало уже 130 тысяч, 8 июля — 150 тысяч,11 июля — 200 тысяч. На ряде улиц появились баррикады.

Царское правительство прибегло к жесточайшим репрессиям. 8 июля жандармы разгромили редакцию большевистской газеты «Правда» и арестовали всех сотрудников, а также свыше 30 находившихся в редакции партийных работников. Кроме того, по сведениям охранки в июльские дни в Петербурге арестовано было 530 человек. Одновременно были закрыты профсоюзы и другие рабочие организации. На помощь самодержавию выступила буржуазия. 8 июля Петербургское общество фабрикантов и заводчиков вынесло решение объявить всеобщий локаут и начать немедленно выселять рабочих из занимаемых ими заводских квартир. 9 июля началось массовое увольнение рабочих. Но забастовка продолжалась с неослабевающей силой. Вслед за Петербургом забастовали рабочие Москвы, Иваново-Вознесенска, Харькова, Екатеринослава и других городов. В Лодзи и Варшаве шли баррикадные бои. Стачки и митинги солидарности с бакинцами под лозунгом: «Товарищи бакинцы, мы с вами!», «Победа бакинцев — наша победа!» — охватили все промышленные районы. Страна вступала в новую революцию.

Революционная борьба рабочего класса России в предвоенные годы, направленная на свержение самодержавия, имела огромное значение не только для России. Она превратилась в фактор большой революционизирующей силы для рабочего класса всех капиталистических стран. В Англии, Германии, Франции, Соединенных Штатах Америки и

в ряде других государств начался подъем революционного движения, рабочий класс поднимался на борьбу против капитала. Но антирабочая националистическая политика вождей социалистических партий и II Интернационала ослабляла силы пролетариата Европы и Америки, помогала капиталистам всех стран в подавлении революционного движения, в развязывании грабительской мировой бойни. Только в России ни царское самодержавие, ни капиталисты, ни их агенты — соглашатели не могли сорвать мощного подъема революционного движения накануне первой мировой империалистической войны. Этот факт свидетельствует о боевом революционном духе российского пролетариата, его авангардной роли в международном рабочем движении, о силе большевистской партии. Под испытанным руководством большевистской партии российский пролетариат уже тогда был способен поднять знамя гражданской войны против царизма.

«Но в это время появилась на сцене новая сила международного порядка — империалистическая война, — которая должна была изменить ход событий. Как раз во время июльских революционных событий в Петербург приехал для переговоров с царем о начале предстоящей войны французский президент Пуанкаре. Через несколько дней Германия объявила войну России. Царское правительство воспользовалось войной для того, чтобы разгромить большевистские организации и подавить рабочее движение. Подъем революции был прерван мировой войной, в которой царское правительство искало спасения от революции» [1].

Однако революционный подъем 1912—1914 годов не прошел бесследно. Большевистская партия благодаря умелому сочетанию нелегальной и легальной работы, тесной связи с массами укрепила свои организации, обогатилась новым опытом борьбы против царизма и буржуазии. Большевистская партия, вступив в тяжелую полосу империалистической войны с развернутыми знаменами пролетарского интернационализма, сохранила свое влияние на рабочие массы. Возобновились прерванные войной авангардные бои российского пролетариата. Этими боями руководила большевистская партия.

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 152—153.

Глава вторая

НАЧАЛО ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Первая мировая империалистическая война, начавшаяся во второй половине 1914 года, не была неожиданной.

Ленинизм учит, что развитие капиталистической системы мирового хозяйства неизбежно ведет к обострению противоречий между капиталистическими государствами, к военным столкновениям между ними за рынки сбыта, за источники сырья, за захват и грабеж чужих земель, за завоевание и ограбление колоний. Особенной остроты все эти противоречия достигают в эпоху империализма.

В. И. Ленин и И. В. Сталин дали глубокое научное определение империализма. В первой половине 1916 года В. И. Ленин написал книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма». Эта работа В. И. Ленина, вышедшая во время войны, имела огромное значение для рабочего класса всего мира, составила целую эпоху в развитии марксистско-ленинской теории и в борьбе за социалистическую революцию.

В. И. Ленин показал в этой работе, что в эпоху империализма капиталистический гнет все больше и больше усиливается, растет возмущение рабочего класса против капитализма, нарастают элементы революционного взрыва внутри капиталистических стран. Вместе с тем обостряется революционный кризис в колониальных и зависимых странах, назревают освободительные войны против империализма. Обострение всех противоречий в эпоху империализма дало возможность В. И. Ленину сделать вывод, что «империализм есть умирающий капитализм, канун

социалистической революции пролетариата». Характеризуя империализм как высшую и вместе с тем последнюю стадию капитализма, В. И. Ленин указывает в этой работе, что для эпохи империализма характерно образование международных монополистических союзов капиталистов, делящих мир, и завершение территориального раздела земли крупнейшими капиталистическими державами. Но несмотря на то, что мир уже поделен между отдельными монополиями, финансовыми группами и империалистическими державами, продолжается бешеная борьба за источники сырья, за новые рынки, за чужие территории. Начинается борьба за передел мира.

Открытый Лениным и получивший дальнейшее развитие в работах И. В. Сталина закон неравномерного экономического и политического развития капитализма является ключом к пониманию причин, порождающих империалистические войны. «По смыслу этого закона, — пишет И. В. Сталин, — развитие предприятий, трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит не равномерно, не в порядке установившейся очереди, не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шли все время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой, — а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперед в развитии других стран. При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистических стран являются неминуемой необходимостью» [1].

Закон неравномерного развития привел в конце XIX и начале XX века к изменению соотношения экономических, военных и политических сил главных капиталистических государств. Так, например, в середине XIX века первое место в мировом производстве занимала Англия, а второе — Франция. Германия в это время была страной отстающей. Но в силу скачкообразности развития Германия быстро обогнала Францию и вступила в ожесточенную борьбу с Англией за место на мировом рынке. Обогнали Англию и Францию и Соединенные Штаты Север-

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 85.

ной Америки. Так же неравномерно, скачкообразно развиваются и другие капиталистические государства. Это неизбежно приводит к резкому нарушению равновесия внутри капиталистического мира, к кризису капиталистической системы мирового хозяйства. «В результате этого, — указывает И. В. Сталин, — возникают раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря и война между ними...

Таким образом, в результате первого кризиса капиталистической системы мирового хозяйства возникла первая мировая война...» [1]

Империалистические войны являются продолжением политики империалистической буржуазии, но только иными, насильственными средствами. Первая мировая война продолжала политику империалистических государств, политику захвата чужих земель, грабежа колоний и порабощения чужих народов. Разжигая мировую войну, империалистические правительства преследовали также цель подавления растущего рабочего движения, угрожавшего господству буржуазии.

Отношение большевистской партии к войнам определяется характером этих войн.

Большевики различают войны двух родов: войны справедливые и войны несправедливые. И. В. Сталин в Кратком курсе истории ВКП(б) указывает, что может быть:

«а) война *справедливая*, незахватническая, освободительная, имеющая целью либо защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения, либо освобождение народа от рабства капитализма, либо, наконец, освобождение колоний и зависимых стран от гнета империалистов, и

б) война *несправедливая*, захватническая, имеющая целью захват и порабощение чужих стран, чужих народов» [2].

Справедливыми являются восстания рабов и крестьян против рабовладельцев и помещиков, рабочих против капиталистов.

---

[1] И. В. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., стр. 6—7.

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 161.

Примером справедливых освободительных войн являются войны, которые пришлось вести русскому народу в течение многих веков против различных захватчиков.

Война Александра Невского в первой половине XIII века против немецких псов-рыцарей, напавших на Новгородские земли, была войной справедливой. В XIII—XIV веках русский народ вел справедливые, освободительные войны против монголо-татарских ханов, покорявших русские земли. В начале XVII столетия польские захватчики вторглись в нашу страну. Русский народ под руководством Минина и Пожарского в справедливой, освободительной войне разгромил и изгнал из страны польских поработителей. Отечественная война русского народа в 1812 году против захватнической армии Наполеона, вторгнувшейся в пределы нашей родины, была справедливой войной. Война советского народа в 1918—1920 годах под руководством партии Ленина — Сталина против иностранных интервентов и белогвардейцев была также войной справедливой, освободительной.

Самой справедливой войной из всех войн, какие вел русский народ на протяжении многих веков, являлась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков в 1941—1945 годах.

Национально-освободительные войны, которые ведут колониальные и зависимые страны против империалистических поработителей, также являются освободительными. Многолетняя война китайских трудящихся под руководством коммунистической партии Китая против клики Чан Кай-ши — пособников английских и американских поработителей — война справедливая, освободительная.

Борьба народов Вьетнама, Малайи, Бирмы, Индонезии и других колониальных стран против английских, американских, французских и голландских империалистов является справедливой, освободительной войной.

Отличительной чертой справедливых войн является то, что цели войны совпадают с интересами народа, народ поддерживает эти войны и самоотверженно в них участвует.

Совершенно иной характер носят войны несправедливые. Они всегда преследуют цель захвата чужих территорий, порабощения своего и других народов, подавления революционного движения трудящихся.

Несправедливые войны коренным образом противоречат интересам народных масс, поэтому народ в таких войнах не заинтересован и их не поддерживает; капиталисты вынуждены всячески скрывать, затушевывать истинные цели своих грабительских войн, обманывать народные массы, чтобы привлечь их к участию в войне. В этом позорном деле буржуазии помогают ее агенты в рабочем классе — правые социалисты.

Первая мировая война была войной за передел мира и сфер влияния, войной несправедливой, грабительской. Все империалистические хищники, вступая в войну, намечали себе объекты для захватов и грабежа, все они являлись виновниками разразившейся мировой войны.

«Подготовляясь к империалистической войне, — пишет И. В. Сталин в Кратком курсе истории ВКП(б), — Германия стремилась отнять у Англии и Франции колонии, у России — Украину, Польшу, Прибалтику. Германия угрожала господству Англии на Ближнем Востоке, построив Багдадскую железную дорогу. Англия боялась роста морских вооружений Германии.

Царская Россия стремилась к разделу Турции, мечтала о завоевании проливов из Черного моря к Средиземному морю (Дарданеллы), о захвате Константинополя. В планы царского правительства входил также захват Галиции — части Австро-Венгрии.

Англия стремилась посредством войны разбить своего опасного конкурента — Германию, товары которой перед войной стали все больше вытеснять английские товары на мировом рынке. Кроме того, Англия намеревалась захватить у Турции Месопотамию, Палестину и твердо обосноваться в Египте.

Французские капиталисты стремились захватить у Германии богатые углем и железом Саарский бассейн и Эльзас-Лотарингию, которая была отнята Германией у Франции в войне 1870—1871 годов» [1].

Русский царизм, превративший Россию в полуколонию англо-французского империализма, участвовал в первой мировой войне в одном лагере с Антантой. Вступая в войну, русское самодержавие выполняло заказ своей буржуазии и помещиков. Господствовавшие в России классы

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 155.

помещиков и капиталистов надеялись, участвуя в войне, поправить свои дела за счет захвата чужих территорий и получения высоких прибылей на военных поставках, а также использовать военную обстановку для подавления революционного движения.

Царская Россия по приказу лондонских и парижских банкиров выставила на фронт империалистической войны девятнадцатимиллионную армию. Кровью русского народа платили русские помещики и капиталисты за французское и английское золото.

Международный пролетариат пытался предотвратить надвигающуюся мировую войну. На предвоенных конгрессах II Интернационала социалистические партии принимали под давлением рабочих резолюции, которые призывали к борьбе с назревающей войной и обязывали социалистов в случае возникновения войны направить все усилия рабочего класса на свержение власти капитала.

Штутгартский конгресс II Интернационала, состоявшийся в августе 1907 года, по настоянию В. И. Ленина и его сторонников указал в решении, что важнейшая задача социал-демократии — всеми средствами бороться против военной опасности и возникновения империалистической войны. Конгресс обязывал все рабочие партии, если война все же начнется, использовать создаваемый войной экономический и политический кризис для ускорения свержения буржуазии.

На конгрессе была предложена разработанная делегатами социалистических партий Англии, Голландии, Германии и Франции резолюция об отношении к колониальной политике. В ней протаскивалась мысль о признании колониальной политики империалистических государств. В. И. Ленин разоблачил империалистическую сущность этой резолюции, и при голосовании она получила меньшинство голосов. Штутгартский конгресс, как указывал В. И. Ленин, резко сопоставил по коренным вопросам «оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма» [1].

На очередном конгрессе II Интернационала в 1910 году в Копенгагене были вновь подтверждены решения

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 13, стр. 65.

Штутгартского конгресса, направленные против назревающей империалистической войны. Конгресс обязал исполнительный орган II Интернационала — Международное социалистическое бюро — в случае непосредственной угрозы войны немедленно созвать совещание представителей рабочих партий для согласования совместных действий против войны.

Чрезвычайный конгресс II Интернационала, собравшийся в Базеле в 1912 году, когда уже бушевала Балканская война, грозившая вылиться в мировую войну, издал манифест, в котором призвал социалистические партии использовать вызванный войной экономический и политический кризис, для того чтобы поднять рабочий класс на борьбу и ускорить падение господства капитала.

Конгресс подчеркнул в своих решениях, что назревающая мировая война является империалистической, грабительской, и указал на особо важную роль в борьбе против военной опасности рабочего класса и социалистических партий Германии, Англии и Франции.

Таким образом, конгрессы II Интернационала 1907—1912 годов обязывали социалистические партии в случае возникновения войны держать курс на революцию, на свержение капитализма. Однако В. И. Ленин предупреждал, что, несмотря на то, что на конгрессах решения приняты, верить вождям II Интернационала нельзя, так как у них всегда слова расходятся с делами и в решающий момент они могут изменить принятым решениям и перебежать на сторону врага. Дальнейшие события подтвердили слова В. И. Ленина. Когда наступил момент для непосредственных революционных действий, вожди партий II Интернационала отказались от принятых решений, не проводили их в жизнь и, изменив пролетариату, перешли на позиции защиты интересов империалистической буржуазии.

4 августа фракция немецкой социал-демократической партии в рейхстаге во главе с Шейдеманом и Эбертом голосовала за военные кредиты, за поддержку империалистической войны. Только Карл Либкнехт поднял свой голос против войны.

Французские социалисты Гед, Самба и другие вошли в состав своего империалистического правительства. Не без их участия было спровоцировано убийство француз-

ского революционера Жореса, выступившего против войны. Бельгийский социалист Вандервельде также вошел в правительство его величества бельгийского короля. Так же поступило подавляющее большинство социал-демократов Англии, Франции, Бельгии и других стран.

В этих странах партийный, профсоюзный, кооперативный аппарат, возглавляемый оппортунистами, был поставлен на службу войне. «Социалистическая» печать призывала рабочих прекратить борьбу, отдать все свои силы на «защиту отечества». II Интернационал, давно уже разъедаемый оппортунизмом, распался на воюющие друг с другом социал-шовинистические партии.

Социал-шовинизм появился в результате развития оппортунизма в партиях II Интернационала. Базой социал-шовинизма и оппортунизма является рабочая аристократия.

Империалистические правительства подкупают рабочую аристократию за счет грабежа колониальных народов, поэтому она заинтересована в империалистической политике своих правительств. Таким образом, классовым содержанием социал-шовинизма и оппортунизма является союз рабочей верхушки со своей буржуазией. Политическое содержание социал-шовинизма и оппортунизма — это доверие к буржуазии, отказ от классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Оппортунисты скрывали свою связь с буржуазией, социал-шовинисты сделали этот союз явным.

Поджигатели первой мировой империалистической войны нашли в лице большинства лидеров II Интернационала и вождей крупнейших западноевропейских социал-демократических и социалистических партий верных помощников своему черному делу. С их помощью буржуазии удалось поднять волну шовинизма, захватившую не только мелкую буржуазию, но и значительную часть рабочих западноевропейских государств. В. И. Ленин указывал, что *«социал-шовинизм — прямое продолжение и завершение английской либеральной рабочей политики, мильеранизма и бернштейнианства»* [1].

«Социал-шовинизм, это — завершенный оппортунизм» [2], — писал В. И. Ленин.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 22, стр. 100.

[2] Там же, стр. 101.

История пригвоздила социал-шовинистов к позорному столбу как виновников грабительской, преступной войны наравне с империалистической буржуазией.

Предательство «социалистов» II Интернационала, превратившихся в социал-шовинистов, привело к тому, что первая мировая война развернулась с огромной силой и имела такой разрушительный характер.

В Кратком курсе истории ВКП(б) И. В. Сталин указывает, что

«Война не имела бы такого разрушительного характера и, может быть, даже вовсе не развернулась бы с такой силой, если бы партии II Интернационала не изменили делу рабочего класса, если бы они не нарушили решений конгрессов II Интернационала против войны, если бы они решились активно выступить и поднять рабочий класс против своих империалистических правительств, против поджигателей войны» [1].

Господствовавшие в России классы помещиков и капиталистов встретили начавшуюся войну ликованием. Повсюду устраивались благодарственные молебны, крестные ходы, шумные «патриотические» шествия и манифестации. В день объявления войны группа наиболее реакционной части студенчества высших учебных заведений Москвы собралась у дома генерал-губернатора и, упав на колени, исступленно пела царский гимн.

Буржуазная пресса заполняла свои страницы верноподданническими декларациями и статьями «о народном» характере войны, призывала все классы общества к единению с царским правительством. Инсценировка такого «единения» царя с народом была произведена на заседании Государственной думы 26 июля 1914 года. В своей речи на этом заседании царь призвал всех сплотиться вокруг трона. Все депутаты Думы, за исключением большевиков, ответили на царский призыв восторженными овациями и в заключение отправились в Исаакиевский собор слушать благодарственный молебен. Для закрепления «единения» царь предпринял специальную поездку по крупным городам, посещал даже отдельные фабрики и заводы. Широкая шовинистическая пропаганда захлестнула

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 173.

буржуазные и мелкобуржуазные слои населения и даже некоторую часть неустойчивых рабочих.

Активную роль в шовинистической пропаганде принимали мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров. Российские оппортунисты не отставали в предательстве от своих единомышленников на Западе. Вожди мелкобуржуазных партий: меньшевиков, эсеров, анархистов, маскируясь под флагом социализма,помогали буржуазии обманывать народ, скрывать империалистический характер войны. Они призывали пролетариат установить «гражданский мир» в промышленности, из кожи лезли, чтобы отравить сознание рабочих ядом шовинизма. В кадетской газете «Речь» Плеханов опубликовал письмо, в котором призывал рабочих прекратить на время войны всякую борьбу, подчинить все задачам войны. С таким же письмом выступил и вождь анархистов Кропоткин в газете «Русские ведомости». Меньшевиков и анархистов превзошли эсеры. Керенский выступал в Государственной думе с речами, в которых призывал поддержать войну. Эсеры писали в своих газетах, что рабочие и крестьяне России настроены оборончески, а поэтому народническая партия, чтобы не оторваться от масс, будет также защищать политику оборончества. Эсеры клеветали на крестьян и рабочих, выдавали оборонческие настроения кулачества, интересы которого они выражали, за настроения всех крестьян и рабочих и этим хотели прикрыть свое предательство. Эсеры стремились убедить народные массы в том, что только буржуазия способна привести страну к победе в войне и возглавить борьбу с самодержавием. Отсюда они делали вывод о необходимости поддержки всех мероприятий буржуазии в интересах революции.

Усердие эсеров было должным образом оценено буржуазной прессой. Орган крупной буржуазии — газета «Русское слово» торжественно заявила, что отныне народничество в России перестало быть «пугалом», превратилось в «зрелую политическую партию» и заняло видное место в жизни страны.

Полученный от буржуазии аттестат «политической зрелости» эсеры оправдывали позорным поведением во все последующие годы и полным переходом в лагерь контрреволюции. Откровенных социал-шовинистов всяче-

ски поддерживали злейший враг большевистской партии Троцкий, заядлый меньшевик Мартов и другие центристы. Маскируя свой социал-шовинизм лицемерными фразами о борьбе с войной, эти скрытые социал-шовинисты были наиболее опасными врагами рабочего класса.

Русские социал-шовинисты не могли занять министерские посты в правительстве. Однако охранка предоставляла свободу действий их организациям наравне с организациями буржуазии, не трогала их фракцию в Государственной думе. Они имели возможность издавать легальные газеты и журналы для пропаганды своих оборонческих взглядов.

Война была пробным камнем, испытанием для всех партий и течений, именовавших себя «социалистическими». Только партия большевиков, воспитанная Лениным и Сталиным в непримиримой борьбе с оппортунизмом, выдержала с честью это испытание.

В то время когда социалистические партии, погрязшие в болоте оппортунизма, изменили рабочему классу и превратились в верных слуг империалистической буржуазии, большевики без колебаний подняли знамя борьбы против империалистической войны. На большевиков легла труднейшая задача — в условиях политического, военного и полицейского террора отстоять принципы пролетарского интернационализма, разоблачить предательство и обман социал-шовинистов, вскрыть перед массами правду о войне, поднять их на борьбу с войной, на борьбу с империализмом.

Неоценимое значение для международного революционного движения имели и имеют сейчас работы В. И. Ленина, написанные в период первой мировой войны: «Тезисы о войне», «Война и российская социал-демократия», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Военная программа пролетарской революции», «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и многие другие.

В тезисах о войне, являвшихся первым большевистским программным документом этого периода, В. И. Ленин определил характер первой мировой войны, как войны империалистической, грабительской, разоблачил всю буржуазную ложь о войне, заклеймил измену вождей II Интернационала.

Тезисы о войне легли в основу написанного Лениным в сентябре 1914 года исторического документа — манифеста ЦК большевистской партии об империалистической войне «Война и российская социал-демократия». В этом документе В. И. Ленин выдвинул знаменитые лозунги: превращение войны империалистической в войну гражданскую, в войну против помещиков и капиталистов; поражение своих империалистических правительств; создание нового, революционного, III Интернационала. Лозунги Ленина служили путеводной нитью в борьбе большевиков против империалистической буржуазии и ее агентов — социал-шовинистов.

Величайшим созданием Ленина и Сталина была новая законченная теория социалистической революции, теория о возможности победы социализма в отдельных странах, об условиях его победы, о перспективах его победы. Основы этой теории Ленин наметил в период первой русской революции, в исторической работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Ленин обосновал необходимость гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, союза рабочего класса с крестьянством, обосновал тактику партии большевиков в борьбе за победу над царизмом, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В этих установках Ленина были заложены все основные элементы, необходимые для вывода о победе социализма в одной, отдельно взятой стране. К такому выводу Ленин пришел десять лет спустя в результате глубокого изучения капитализма в его империалистической стадии. В 1915 году Ленин писал:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран...»

В 1916 году в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин указал, что закон неравномерного развития приводит к ослаблению отдельных звеньев

империализма, поэтому возможна победа социализма первоначально в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой стране.

«Развитие капитализма, — писал Ленин, — совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными».

Эта ленинская теория была новым словом в марксизме. Ленин пересмотрел и отверг как устаревшее положение о невозможности победы социалистической революции в одной стране.

В Кратком курсе истории ВКП(б) говорится, что

«Неоценимое значение ленинской теории социалистической революции состоит не только в том, что она обогатила марксизм новой теорией и двинула его вперед. Ее значение состоит еще в том, что она дает революционную перспективу пролетариям отдельных стран, развязывает их инициативу в деле натиска на свою, национальную, буржуазию, учит их использовать обстановку войны для организации такого натиска и укрепляет их веру в победу пролетарской революции» [1].

Ленинская теория о возможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране, развитая И. В. Сталиным, имеет в наше время неоценимое значение для классовой борьбы международного пролетариата, руководимого коммунистическими партиями.

И. В. Сталин в воспоминаниях о В. И. Ленине писал:

«Период 1914—1917 годов, период разгара империалистической войны, когда все, или почти все, социал-демократические и социалистические партии, поддавшись общему патриотическому угару, отдали себя на услужение отечественному империализму. Это был период, когда II Интернационал склонил свои знамёна перед капиталом, когда перед шовинистической волной не устояли даже такие люди, как Плеханов, Каутский, Гед и другие.

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 163—164.

Ленин был тогда единственным, или почти единственным, который поднял решительную борьбу против социал-шовинизма и социал-пацифизма, разоблачал измену Гедов и Каутских и клеймил половинчатость межеумочных «революционеров»» [1].

Война застала И. В. Сталина в далекой Туруханской ссылке. Как только туда дошли вести о начавшейся войне, И. В. Сталин в письме к ссыльным заклеймил позором предательство мелкобуржуазных партий. В письме к В. И. Ленину, написанном в феврале 1915 года, И. В. Сталин с гневом обрушился на русских и европейских социал-шовинистов, ставших на сторону своих империалистических правительств и изменивших делу пролетарского интернационализма.

В начале войны большевики оказались в труднейших условиях. Ленин вынужден был жить в эмиграции. Сталин и Свердлов находились в ссылке. Репрессии чрезвычайно затруднили партийные связи не только между городами, но и в пределах одного города. Связь с центральными органами партии, находившимися за границей, в первые недели войны была прервана.

Но несмотря на постоянные полицейские налеты и оторванность друг от друга, большевистские организации с непоколебимой твердостью продолжали свою революционную работу. Российские большевики неуклонно проводили в жизнь лозунги В. И. Ленина и, руководствуясь его указаниями, отстаивали последовательно интернационалистическую позицию по отношению к войне. В 1914 году В. М. Молотов созвал совещание уцелевших от арестов в июльские дни членов Выборгского районного комитета партии. Выступая перед собравшимися товарищами, В. М. Молотов говорил, что начавшаяся война ведется во имя захвата новых земель и покорения чужих народов. В условиях военного положения и произвола властей работа партии станет необычайно трудной. Но и в этой трудной обстановке большевики должны и сумеют вести самую широкую агитацию против войны и против шовинизма, бороться за низвержение самодержавия. Совещание издало гектографированную листовку, в которой говорилось, «что лозунгами рабочих должны быть не только «Долой

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 59.

войну!», но и «Долой самодержавие!» Листовка призывала рабочих к демонстрациям протеста против войны» [1].

В. М. Молотов организовал систематический выпуск нелегальных листовок от имени Петербургского комитета большевиков. 1 августа вышла листовка Петербургского комитета, призывавшая рабочих к организованности и борьбе с самодержавием. Листовка, вышедшая в середине августа, призывала к борьбе против империалистической войны, за превращение этой войны в гражданскую войну.

Аналогичные листовки были выпущены большевистскими организациями в других городах. В июльской листовке Харьковский комитет большевиков призывал рабочих и крестьян обратить навязанное им оружие против эксплоататорских классов.

Большевистская фракция в IV Государственной думе в декларации от 26 июля 1914 года разоблачала самодержавный строй и истинные цели царского правительства, буржуазии и помещиков в империалистической войне. В этой декларации большевистские депутаты выразили свое резко отрицательное отношение к войне. После того, как декларация была оглашена, буржуазно-черносотенная печать обвинила большевистскую фракцию в государственной измене, требовала немедленной расправы с депутатами-большевиками. Однако это не остановило большевиков. Они продолжали свою революционную работу.

В начале войны, когда партийные организации одна за другой подвергались разгрому, особое значение приобрела деятельность большевистской фракции IV Государственной думы. Помимо использования думской трибуны для призыва к пролетарскому интернационализму и революционной борьбе против империалистической войны, депутаты-большевики предприняли объезд ряда крупных промышленных центров. Они выступали перед рабочими с докладами об отношении большевиков к войне, восстанавливали партийные связи.

Депутат Муранов посетил города Урала и Поволжья, Шагов — предприятия Костромской губернии, Самойлов — фабрики и заводы Иваново-Вознесенского района.

Когда социалист Вандервельде, ставший министром бельгийского короля, обратился к социал-демократиче-

[1] «Исторический журнал», 1940, № 3, стр. 14.

ской фракции в Думе с телеграммой, в которой призывал поддержать войну, депутаты-большевики дали ему отповедь как прислужнику империалистической буржуазии.

Героическая революционная работа большевиков помогала рабочим массам понять смысл шовинистической пропаганды. Проповедь монархической и буржуазной печати об освободительной войне, а также призыв мелкобуржуазных партий к установлению «классового мира» не находили отклика в среде передовых рабочих. За годы предвоенного революционного подъема большевистская партия воспитала новое поколение революционных рабочих. «Этот слой рабочих, — говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — в годы империалистической войны остался верен знамени интернационализма и пролетарской революции» [1].

Царизм, зная о революционном настроении рабочих, еще накануне объявления всеобщей мобилизации окружил фабрики и заводы усиленными нарядами полиции и жандармерии, принимал самые энергичные меры к тому, чтобы предотвратить революционные выступления рабочих против войны.

Когда началась всеобщая мобилизация, царское правительство торопилось призвать в армию наиболее сознательных представителей рабочего класса. Оно не считалось и с тем, что фабрики и заводы лишались квалифицированных рабочих. Призывные комиссии получили задание браковать призываемых только в исключительных случаях. Признанных годными к военной службе сразу же из приемной комиссии направляли под конвоем жандармов в казармы, не разрешая даже проститься с семьей.

Рабочие Петрограда ответили на объявление мобилизации забастовкой, охватившей двадцать одно предприятие. Забастовавшие рабочие во главе с большевиками из-за Невской заставы и из других районов направились к центру столицы. У Николаевского вокзала произошло столкновение рабочих с группами черносотенных манифестантов. Охранявшие манифестацию жандармы пытались оттеснить рабочих, но безуспешно. Манифестация была сорвана.

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 153.

Группа демонстрантов с фабрики Эриксон, увидев партию запасных, следовавшую в сопровождении околоточного надзирателя и двух городовых на сборный пункт, встретила их криками «Долой войну!» и, окружив тесным кольцом, начала петь революционные песни. Затем рабочие потребовали от полицейских роспуска запасных по домам. К рабочим фабрики Эриксон присоединились рабочие завода «Новый Леснер». Околоточный надзиратель и городовые пытались стрелять в рабочих из револьверов, но были обезоружены и избиты. Мобилизованные разошлись по домам.

В Москве рабочие завода «Динамо» 20 июля разогнали шовинистическую манифестацию, втоптав в грязь царские портреты, отобранные у манифестантов. В этот же день рабочие во время черносотенной манифестации у памятника Скобелеву подняли вверх красный платок и запели «Смело, товарищи, в ногу». Пока жандармы сообразили, в чем дело, рабочие разошлись. На третий день мобилизации, во время проводов первых эшелонов, группа рабочих заставила музыкантов в саду «Аквариум» исполнить «Марсельезу».

Несмотря на объявление войны, на ряде фабрик и заводов: на Прохоровской мануфактуре, на металлургическом заводе «Бардорф» и других — продолжались забастовки.

4 августа, в день приезда Николая II в Москву, власти решили продемонстрировать перед царем верноподданнические чувства «всего» московского населения. С этой целью десятки тысяч рабочих были принудительно отправлены на патриотическую манифестацию. Но рабочие шли «встречать царя» с революционными песнями и возгласами «Долой войну!» Жандармам был дан приказ не допускать рабочих к центру.

Антивоенные выступления имели место в Донбассе, на Урале и в других местах. Шахтеры Софиевской и Веровской шахт, в Донбассе, с красными флагами встретились в балке, где должен был состояться митинг. Нагрянувшие отряды конных стражников избили 3 рабочих, несших красные флаги. Рабочие этих шахт в ответ на расправу 23 и 24 июля явились на работу, но не работали. Добычи угля в эти дни не было.

Донесения охранки «об общественных настроениях» были заполнены сообщениями о том, что «низы не спокойны», «низы войной не довольны, воевать не хотят», «об успокоении рабочих не может быть и речи», что «внутренние раздоры не забыты, бунты и забастовки могут разгореться совершенно неожиданно» [1].

Царское правительство с первых дней войны усилило репрессии. Петроград был объявлен на военном положении. Профессиональные союзы, культурно-просветительные и другие легальные организации рабочего класса были запрещены на все время войны. В других городах правительство ввело так называемые «меры ограничения», и в соответствии с правилами, изданными еще в 1906 году, местные власти душили деятельность легальных рабочих организаций. Профессиональные союзы, рабочие клубы и другие организации закрывались, и их руководители, как правило, подвергались аресту. Все большевистские рабочие газеты и журналы были закрыты. Уцелевшие кое-где профсоюзные организации были вынуждены прекратить на время свою деятельность.

С особым ожесточением охранка преследовала большевистские подпольные организации. В ноябре были арестованы все участники совещания, созванного большевистской фракцией Государственной думы для обсуждения вопроса об отношении к войне. Грубо нарушая существовавшие законы о депутатской неприкосновенности, царское правительство арестовало и осудило большевистских депутатов на пожизненную ссылку в Восточную Сибирь.

Арест большевистской фракции в Государственной думе был большим ударом для партии. Узнав об аресте, Владимир Ильич писал:

«Ужасная вещь. Правительство решило, видимо, мстить РС-ДР Фракции и не остановится ни перед чем. Надо ждать самого худшего: фальсификации документов, подлогов, подбрасыванья «улик», лжесвидетельства, суда с закрытыми дверями и т. д. ...

Во всяком случае работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее. И все же мы ее поведем! «Правда» воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых во-

[1] «Революционное движение военных годов», 1925, т. 1, стр. 65.

преки всем трудностям подберется снова коллектив руководителей — русский ЦК партии» [1].

Рабочий класс под руководством большевиков ответил на арест депутатов большевистской фракции в IV Государственной думе забастовками.

На Софиевской шахте, в Донбассе, 19 ноября 1914 года в знак протеста против ареста большевистских депутатов не работала вся дневная смена, около 2 тысяч человек. Прошли забастовки на Веровской, Бунге и других шахтах, а также на Енакиевском заводе. В донесении екатеринославского губернатора на имя министра внутренних дел от 1 декабря 1914 года отмечалось, что «вторая половина ноября с. г. характеризуется снижением добычи угля по всем шахтам в связи с арестом депутатов рабочих в Государственной думе» [2].

Забастовки протеста произошли в Москве, Петрограде, на Урале.

По далеко не полным подсчетам, с 20 июля по 31 декабря 1914 года произошло восемьдесят семь экономических стачек, в которых участвовало 50 700 рабочих, и девятнадцать политических стачек, в которых участвовало 11 720 человек.

В политических стачках второй половины 1914 года участвовали преимущественно металлисты и горняки. В таких условиях, когда политическая стачка считалась государственным преступлением и каждому рабочему грозила расправа со стороны царского правительства и распоясавшихся черносотенцев, стачка была проявлением подлинного героизма рабочих.

Массовые аресты партийных работников, разгром легальных рабочих организаций, мобилизация в армию около 40 процентов кадровых рабочих, жесточайшие преследования за участие в забастовках — все это повлекло за собой резкое падение стачечной борьбы в первые месяцы войны. Несмотря на это, буржуазии и социал-оборонцам не удалось установить «классовый мир в промышленности». Наступило только временное затишье. Оправляясь от тяжелых ударов, рабочий класс под руководством партии большевиков готовился к новому подъему революционной борьбы.

[1] Ленинский сборник, т. II, стр. 211.
[2] Архив Д. П. за 1914 г., дело № 673—69, ч. 2, л. 97.

Глава третья

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Русская буржуазия воспользовалась войной, чтобы еще больше закабалить рабочих. Она выступила инициатором полной ликвидации даже того незначительного законодательства по труду, которое рабочий класс завоевал за десятилетия упорной революционной борьбы. Буржуазные газеты старались убедить рабочих, что во время войны директор предприятия, его помощники и мастера являются офицерами, а рабочие — нижними чинами, значит, и дисциплина должна быть военная. Финансировавшаяся Рябушинским газета «Утро России» требовала, чтобы все рабочие были мобилизованы, переведены на военное положение и прикомандированы к предприятиям. Буржуазная пресса настойчиво добивалась подчинения рабочих неограниченному произволу администрации фабрик и заводов, установлению на предприятиях каторжных порядков, существовавших в царской армии.

Буржуазия ставила в пример русским рабочим поведение европейских социалистов, которые с первых дней войны «забыли классовую вражду» и заняли даже министерские посты.

Буржуазная пресса наперебой комментировала речь французского социалиста Альбера Тома, который занимал пост начальника снабжения французской армии. В речи, произнесенной в конце 1914 года в парламентской комиссии по вопросам труда, этот «социалист» под аплодисменты буржуазных депутатов проповедывал «классовый мир», общность пролетарских и буржуазных интересов.

Лживое утверждение Тома об отказе французских рабочих от своих прав и от борьбы за эти права было напечатано во всех буржуазных русских газетах на видном месте. Вместе с тем буржуазная пресса сокрушалась по поводу того, что призывы русских социалистов об установлении «классового мира» в промышленности не находят отклика в среде рабочих.

Буржуазная пресса объясняла это «несознательностью» русских рабочих и требовала наведения порядка на предприятиях путем правительственных распоряжений. Руководители обществ фабрикантов и заводчиков осаждали министерство торговли и промышленности и требовали введения на предприятиях военного режима, беспрекословного обязательного подчинения рабочих всем распоряжениям администрации.

Механический отдел Петроградского общества фабрикантов и заводчиков разработал проект правительственного постановления, где предусматривалась разбивка рабочих на команды по типу воинских частей. Во главе каждой команды должен был стоять мастер-начальник, наделенный офицерскими правами. Проект предусматривал особую военную форму для рабочих, военную дисциплину, военный суд за нарушение дисциплины. Этот проект, превращавший рабочих в крепостных, вызвал возражения даже у царского министра Маклакова. На одном из заседаний совета министров он заявил, что этот проект является плодом творчества безумных людей, которые совершенно не знают русских рабочих. Введение в жизнь такого постановления грозит неисчислимыми бедствиями. Проект был отвергнут. Но это совсем не означало, что царское правительство шло против предпринимателей. По мнению того же Маклакова, военную дисциплину на предприятиях вводить необходимо, но это нужно делать постепенно, не особенно раздражая рабочих. В первую очередь, говорил он, нужно ввести военную дисциплину для рабочих, которые получают отсрочки по мобилизации.

Царское правительство и буржуазия не могли отправить всех квалифицированных рабочих на передовые позиции, так как от этого страдали бы сами капиталисты.

В конце сентября 1914 года военное министерство разработало нормы и правила отсрочек, предусматриваю-

щие освобождение от призыва от 10 до 25 процентов рабочих, в зависимости от важности предприятия.

Для железнодорожного и водного транспорта, угольной, нефтяной, марганцевой, медной и золотодобывающей промышленности были выработаны особые правила, согласно которым нормы освобождения рабочих от призыва в армию не ограничивались; в каждом отдельном случае военное министерство утверждало списки освобожденных от мобилизации. Организации предпринимателей усиленно стремились все дело по отсрочкам взять в свои руки. Выгодно им это было потому, что право предоставления отсрочек превращалось в руках предпринимателей в оружие борьбы против рабочего класса. Комиссии по отсрочкам были созданы при биржевых комитетах из представителей предпринимательских организаций. Вот, например, состав комиссии Центрального промышленного района: от Московского биржевого комитета — 2 представителя, от общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района — 3 представителя, от общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, фабрикантов суконных фабрик, от Всероссийского союза льнопромышленников, от Московского страхового товарищества и от съезда русских фабрикантов земледельческих машин и орудий по одному представителю.

По такому же принципу были организованы комиссии и в других промышленных районах. Порядок освобождения от призыва в армию был таков: администрация предприятий составляла поименные списки и направляла их на утверждение комиссии по отсрочкам, которая их окончательно утверждала и выдавала на предприятия соответствующее количество бланков-удостоверений, подписанных предварительно воинским начальником. Предприниматель сам заполнял и выдавал удостоверения освобожденным от мобилизации. Таким образом, получая право давать отсрочки, фабриканты и заводчики могли укрыть от войны своих родственников, а также наживаться на взятках за укрывательство дезертиров.

Комиссиям было предоставлено право вырабатывать правила использования рабочих, получивших отсрочки, и они пользовались этим правом в интересах предпринимателей. Правила, выработанные Петроградской комис-

сией по отсрочкам, утвержденные военным министерством и положенные затем в основу правил комиссий других районов, подчинили получивших отсрочки рабочих неограниченному произволу администрации. Рабочим запрещалось переходить на работу из одного предприятия в другое без разрешения, предъявлять какие-либо требования администрации, участвовать в неразрешенных полицией собраниях. Они обязаны были выполнять все распоряжения администрации, установленные нормы выработки, работать сверхурочно без дополнительной оплаты и т. п. Списки рабочих, нарушавших правила или заподозренных «в неблагонадежности», направлялись к воинскому начальнику, который немедленно призывал этих рабочих и направлял в ближайший запасный полк.

Ссылаясь на недостаток рабочей силы, предпринимательские организации добивались отмены ограничений в применении женского и детского труда. Царизм шел навстречу этим притязаниям предпринимателей. 9 марта 1915 года царь утвердил положение совета министров о привлечении женщин и детей к работе в шахтах, рудниках и на вредных производствах. 20 марта этого же года было утверждено положение о применении женского и детского труда в ночное время на всех без исключения производствах и об обязательности сверхурочных работ. Эти положения предоставили капиталистам возможность чудовищной эксплоатации женщин и детей.

Особенно тяжелой эксплоатации подвергались рабочие национальных меньшинств. Из восточных районов империи, в частности из Средней Азии, крестьяне в принудительном порядке направлялись на тыловые работы. Каждый предприниматель был заинтересован в том, чтобы получить как можно больше таких рабочих, так как они обязаны были работать по существу бесплатно, за скудное питание. Утвержденные 25 июня 1915 года правила о порядке использования «инородцев» (так называли тогда всех нерусских. — **Ф. Р.**), привлекаемых для работ внутри империи на государственную оборону, подчиняли рабочих национальных меньшинств безграничному произволу предпринимателей. Рабочие использовались на самых тяжелых и вредных работах, не имели права отказываться от этой работы; за общение с революционно настроенными рабочими, за участие в стачках, за предъяв-

ление требований администрации рабочим грозило тюремное заключение до трех лет. Рабочие, мобилизованные в восточных районах, размещались в грязных, неблагоустроенных бараках, под присмотром особых стражников. Эти рабочие, как и солдаты, не имели права посещать трактиры, чайные, харчевни, кино, народные дома. Царизм смертельно боялся соприкосновения мобилизованных на восточных окраинах крестьян с передовыми рабочими. В правилах для использования «восточных» рабочих наиболее ярко проявлялась колониальная политика царизма.

За использование этой даровой рабочей силы развернулась борьба между предпринимателями. Чиновники военного ведомства, выполняя наряды на посылку рабочих, в первую очередь обеспечивали то предприятие, владелец которого давал большую взятку. Установилась даже своеобразная такса — 10 рублей с человека. Появились агенты, которые за плату брались поставить любое количество «инородцев» на то или иное предприятие. Люди стали предметом купли и продажи.

В погоне за дешевой рабочей силой общества фабрикантов и заводчиков добились беспрепятственного ввоза в Россию рабочих из Китая и Персии. В июле 1915 года совет министров отменил визы на право въезда в Россию китайцев и персов. Предпринимателям было разрешено посылать своих агентов в эти страны для вербовки рабочих. Завербованных китайских и персидских рабочих вынуждали подписывать кабальные договоры, превращавшие их в полукрепостных. Специальными поездами под охраной жандармов их доставляли на Урал, в Донбасс, на строительство стратегических железных дорог, в Баку, в Грозный. По условиям договора рабочие обязаны были проработать у нанимателя не менее двух лет, не предъявлять никаких требований к нанимателям, не входить в связь с русскими рабочими, выполнять беспрекословно все распоряжения администрации и т. д. Наниматель имел право подвергать рабочего аресту, а в случае самовольного ухода рабочего возвращать его на место работы через полицию. «Как-то недавно в газетах сообщалось, — отмечает в рабочей хронике журнал «Вопросы страхования», — что приказом по столичной полиции разыскивается 86 рабочих китайцев, сбежавших от

своих хозяев». «Это пахнет крепостничеством», — делает справедливый вывод редакция журнала.

Для надзора над иностранными рабочими по распоряжению министра внутренних дел от 4 августа 1916 года предприниматели получили право иметь особых стражников по расчету одного стражника на каждые 50 китайцев и персов [1].

Точного учета количества завербованных в Китае и Персии рабочих нет. По данным министерства торговли и промышленности расходы, связанные с вербовкой, обходились по 120 рублей на одного рабочего, а всего было израсходовано на это дело свыше 16 миллионов рублей. Из этого можно сделать вывод, что было завербовано около 136 тысяч человек.

Не менее важным источником дешевой рабочей силы были беженцы из занятой немецкой армией русской территории. Циркуляром правительства от 1 января 1916 года все трудоспособные беженцы и их семьи под угрозой высылки в отдаленные места и лишения пайка обязывались не отказываться от предлагаемой им работы.

Пользуясь безвыходным положением беженцев, фабриканты и заводчики назначали им заработную плату значительно ниже, чем другим рабочим. Так, например, в «Бюллетене Всероссийского бюро труда» читаем: «Ряд комитетов (комитеты по снабжению предприятий рабочей силой. — **Ф. Р.**) устанавливают чрезвычайно низкие твердые цены на беженский труд, от которых беженец под страхом лишения пайка не в праве отказаться». По сообщению этого же бюллетеня комитет Московского промышленного района установил следующие ставки заработной платы для беженцев: «Мужчина — 60 копеек, женщина — 30 копеек, поденно» [2]. За такую оплату рабочий беженец обязан был выполнить установленную норму выработки, являвшуюся средней для обычного рабочего. В случае невыполнения нормы он лишался права на паек. За использование труда беженцев на заводах и фабриках также развернулась борьба между предпринимателями. Комитеты беженцев осаждались агентами по

---

[1] Архив Д. П. за 1916 г., папка № 10—26, л. 17.
[2] «Бюллетень Всероссийского бюро труда», 1916, № 24.

вербовке, каждый агент стремился получить как можно больше беженцев и тут же перепродавал их своему менее удачливому коллеге. Сотни тысяч голодных, раздетых и разутых людей, попав в лапы мародеров, служили, как и мобилизованные среднеазиатские крестьяне, предметом купли и продажи.

Выгодной рабочей силой были военнопленные. Среди них имелось много квалифицированных рабочих и специалистов, но самое главное—работали они бесплатно. В Донбассе во всех отраслях промышленности в 1915 году работало 50 тысяч военнопленных [1]. Кроме этого, в Донбассе половину всего количества рабочих составляли военнообязанные, получившие отсрочки. «Таким образом Донбасс, — как отмечалось на 41 съезде горнопромышленников юга России в декабре 1916 года, — работает в основном на принудительном труде». Это подтверждается анализом состава рабочих в Донбассе на 1 сентября 1916 года:

В каменноугольной промышленности		В горнозаводской промышленности	
категория рабочих	в тыс. чел.	категория рабочих	в тыс. чел.
Военнообязанных с отсрочками—мужчин . .	104,6	Военнообязанных с отсрочками—мужчин . .	37,3
Мужчин без военных отсрочек, взрослых . .	52,5	Мужчин без военных отсрочек, взрослых . .	22,8
Женщин взрослых . . .	12,4		
Подростков и детей . .	17,1	Подростков и детей . .	22,2
Военнопленных	47,9	Военнопленных	29,0
Беженцев	2,5	Беженцев	3,4
Итого:	237,0	Итого:	115,6*

Из таблицы видно, что в каменноугольной промышленности военнообязанные, военнопленные, беженцы составляли 65,3 процента, а в горнозаводской промышленности — 61 процент всего количества рабочих. В неко-

[1] «Экономическое обозрение», 1916, № 2, стр. 3.

* «Материалы 41 съезда горнопромышленников юга России».

торых ведущих категориях рабочих (забойщики, крепильщики, бурильщики) количество военнопленных и военнообязанных составляло 80—90 процентов. Такое же положение было и на Урале [1].

Предприниматели предпочитали из числа вольнонаемных принимать на работу приехавших из деревни женщин и подростков, так как они соглашались работать за самую незначительную плату. К концу 1916 года на предприятиях, подчиненных фабрично-заводской инспекции, количество взрослых рабочих мужчин сократилось на 18,6 процента в сравнении с 1912 годом, а количество женщин и подростков увеличилось более чем в полтора раза.

В текстильной промышленности количество рабочих мужчин сократилось на 47,2 процента за счет увеличения количества женщин и подростков, преимущественно приехавших из деревень.

На предприятия пришло также большое количество мелких хозяйчиков, кулаков, торговцев и т. п., которые за взятки освобождались от призыва в армию. Эти «рабочие» фактически не работали, а если и появлялись на фабриках и заводах, то служили соглядатаями фабрикантов и заводчиков.

Все это приводило к значительному изменению качественного состава пролетариата и росту армии безработных среди кадровых «вольных» рабочих. Ее увеличению способствовало также сокращение производства.

Переоборудование фабрик и заводов шло чрезвычайно медленно, станки и машины нужно было ввозить из-за границы, сразу почувствовался недостаток в сырье и топливе. Редкая сеть железных дорог в царской России не справлялась с усилившимся потоком грузов, не могла доставить во-время сырье и топливо.

Недостаток сырья и топлива приводил к тому, что предприятия легкой промышленности, особенно мелкие и средние, сокращали производство, а иногда и совсем останавливались. С углублением разрухи начали останавливаться предприятия тяжелой индустрии. Сокращение производства вело к сокращению рабочих. Об этом говорит таблица количества промышленных предприятий, под-

[1] «Экономическое обозрение», 1916, № 2, стр. 103.

чиненных надзору фабрично-заводской инспекции, и занятых в них рабочих в 1913—1916 годах:

Годы	Количество предприятий	В % к 1913 году	Число рабочих	В % к 1913 году
1913 г.	17 877	100	2 319 577	100
На 1 января 1917 г.	12 492	69,8	2 093 862	90,2*

Из таблицы видно, что общее количество предприятий на 1 января 1917 года сократилось на 30,2 процента. Количество рабочих сократилось несколько меньше, чем количество предприятий, но все же к концу 1916 года состав рабочих уменьшился почти на 10 процентов, или в абсолютных цифрах на 225 715 человек.

Безработные рабочие целыми месяцами толпились у ворот фабрик и заводов, ожидая приема на работу. Точно выяснить количество безработных не представляется возможным. Наем рабочих, как правило, производился от ворот. Существовавшие при союзах городов биржи труда охватывали незначительную часть безработных, но даже там, по подсчету журнала «Экономическое обозрение», за период с 1 июля 1915 года по 1 июля 1916 года числилось 600 тысяч безработных [1].

Это количество безработных было устойчивым в течение всего года и даже возрастало, так как из каждых 100 записавшихся на биржах труда безработных посылались на работу только 76 человек, а остальные спроса на труд не находили [2]. Но из посланных биржами труда на работу устраивалось только около половины. Петроградская городская биржа труда, например, послала на работу за 1916 год 88 935 человек, а не вернулось обратно на биржу 49 464 человека, или 56,6 процента [3]. На самом деле процент поступивших на работу был еще ниже, так как часто рабочие, получив отказ, не возвращались снова на биржу труда, а искали работу у ворот фабрик и заводов.

Росту безработицы способствовала текучесть рабочей силы. Под влиянием тяжелых условий труда, низкой за-

* «Статистический сборник 1913—1917 гг.», вып. 1-й.

[1] «Экономическое обозрение», 1916, № 2, стр. 103.

[2] Там же.

[3] Архив профсоюзов, фонд 10, дело № 314.

работной платы «вольные» рабочие бросали работу, переходили с предприятия на предприятие, переезжали из города в город в поисках лучших условий труда, но везде находили то же самое. На некоторых предприятиях дело доходило до полной смены всего состава рабочих в течение одного года. На Путиловский завод, например, было принято за 1915 год 27 181 человек и уволено за это время 21 207 человек [1]. Такое же положение наблюдалось и на других предприятиях.

Царизм и буржуазия боялись подъема революционного движения, принимали все меры к предотвращению возможности возникновения стачек.

2 сентября 1915 года командующий Петроградским военным округом генерал Фролов с одобрения военного министерства, а также министерства торговли и промышленности издал чудовищный приказ против бастующих рабочих Петрограда.

По этому приказу за участие в стачках грозила пожизненная каторга рабочим и шесть лет арестантских рот служащим.

7 сентября этого же года министерство внутренних дел созвало совещание для разработки конкретных мероприятий по проведению в жизнь приказа Фролова. На совещание были приглашены представители организаций предпринимателей, старшие фабрично-заводские инспекторы и чины полиции.

Совещание одобрило приказ и признало желательным распространить его действия на все губернии и на всех без исключения рабочих. Затем совещание одобрило правила «О предупреждении и пресечении стачек», выработанные министерством внутренних дел. Суть правил сводилась к следующему: в целях осведомленности устанавливается тесное сотрудничество фабричной и горной инспекций с директорами фабрик и заводов, с прокурорским надзором и местной полицией; устанавливается надзор за появлением среди рабочих агитаторов и распространителей революционных воззваний. Лица, заподозренные в этой деятельности, немедленно арестовываются силами администрации и передаются в руки надлежащих властей. В том случае, если стачка все же состоится

[1] «Отчет больничной кассы Путиловского завода за 1915 г.».

и по некоторым причинам не представится возможным применить приказ Фролова, совещание признало необходимым проводить локаут и немедленно увольнять забастовавших рабочих, не считаясь с важностью предприятия. Совещание признало также желательным возрождение информационных бюро при обществах фабрикантов и заводчиков, где каждый предприниматель мог бы навести справку о благонадежности принимаемого на работу нового рабочего. Таким образом, широкое распространение получали «черные списки», куда заносились все передовые рабочие. Так, например, общество фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района писало своим членам по поводу участников одной из стачек на заводе «Динамо» в Москве:

«Строго конфиденциально. Господам членам О-ва.
Милостивые государи.

При сем имеем честь препроводить вам список формовщиков одного из союзных заводов, которые после упорной стачки объявили литейную под бойкотом, требуя уволить мастера. Мы надеемся, что из чувства солидарности вы не откажетесь со своей стороны воздержаться от приема означенных лиц на работу на вашем заводе» [1]. Затем идет длинный список рабочих. Одновременно администрация завода сообщала в охранку:

«Секретно. Охранному отделению.

Препровождаем при сем продолжение списка рабочих, не принятых администрацией завода Динамо на завод по своим соображениям.

Лица, против которых стоит знак О. З. Ф. — суть таковы, о которых имеются неблагонадежные сведения в О-ве фабрикантов и заводчиков» [2]. К отношению приложен список 63 рабочих.

Охранка не замедлила воспользоваться услугой администрации завода «Динамо». Все рабочие, помеченные в списке таинственными знаками, были арестованы.

Таким образом, предприниматели выступали агентами охранки, сотрудничали с ней в борьбе с революционным движением рабочего класса.

---

[1] Архив профсоюзов, фонд 10, дело № 114, л. 1.

[2] Из рукописного отдела библиотеки Академии наук, папка № 151, стр. 31.

Самодержавие, отменив во время войны законодательство по труду, отбросило рабочих в правовом отношении к шестидесятым—семидесятым годам XIX столетия. Но времена уже были другие. Рабочий класс протестовал теперь против эксплоатации не стихийными бунтами, а организованно, под руководством революционной партии большевиков.

Российский пролетариат прошел прекрасную долголетнюю большевистскую школу борьбы, учился под руководством большевиков искусству революционной борьбы в буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов, учился, сохраняя силы, организованно отступать в годы реакции и снова наступать в годы подъема. И эта большевистская выучка дала свои плоды. Царизму и буржуазии не удалось в годы войны сломить рабочий класс. Свои права рабочие осуществляли революционным путем.

Империалисты Антанты с беспокойством присматривались к развивающимся в России событиям. Они посылали в Россию своих агентов, чтобы помочь царскому правительству и буржуазии «умиротворить» рабочих.

Весной 1916 года в Россию приехал французский министр социалист Альбер Тома. Он имел задание поторопить царское правительство с отправкой русских войск во Францию, а также передать свой опыт работы по организации «классового мира» в промышленности. В беседе с премьер-министром царского правительства Штюрмером Альбер Тома настаивал на милитаризации рабочих. Но царское правительство не в состоянии было выполнить это требование французского министра. Стачки росли. Рабочие, несмотря на то, что царские законы обязывали их работать неограниченное время, явочным порядком прекращали работу.

Волчий закон конкуренции не позволял капиталистам применять в широких размерах локауты и увольнять квалифицированных рабочих, так как уволенных рабочих с одного предприятия часто тайком принимали на другое.

Петроградское общество фабрикантов и заводчиков в августе 1916 года вынуждено было разослать своим членам категорический циркуляр с требованием дать

подписку и денежную гарантию, что они не будут принимать без разрешения общества уволенных с других предприятий рабочих [1].

Председатель заводского совещания Московского промышленного района Чердынцев также был вынужден часто напоминать предпринимателям, чтобы они не принимали на работу без особого разрешения уволенных за стачки рабочих.

Но фабриканты и заводчики мало считались с циркулярами своих обществ и старались переманить друг у друга квалифицированных рабочих.

Буржуазии не удалось сломить рабочий класс каторжными законами и милитаризацией труда, но в области снижения заработной платы рабочих она добилась многого.

Заработная плата рабочих была очень низкой. Капиталисты использовали войну для дальнейшего наступления на жизненный уровень пролетариата. Заработная плата снижалась не только за счет роста дороговизны, но и за счет снижения расценок. Так, например, в середине августа 1914 года в рехтовальное отделение завода «Новый Айваз» в Петрограде стали поступать в обработку вместо сырых каленые прицельные рамки для винтовок. Оплата за обработку каждой рамки не увеличилась, несмотря на то, что работа эта была значительно труднее. Возмущенные рабочие обратились с просьбой об увеличении расценок, но просьба не была удовлетворена. В первых числах сентября рабочим было объявлено, что расценки на выделку прицельных рамок понижаются с $20^1/_2$ копеек до $18^1/_2$ копеек. Это было равносильно издевательству. Рабочие решили объясниться с директором завода. Они доказывали ему, что вследствие новых расценок каждый из них теряет около 50 копеек в день. Директор прибавил им только полкопейки на рамку, установив цену обработки рамки в 19 копеек.

Среди рабочих Путиловского завода также начались волнения. Массовое снижение расценок проходило повсеместно. В Москве, например, снижение расценок прошло на всех предприятиях на 15—20 процентов. Заводчик Гу-

---

[1] Циркуляр напечатан в «Известиях ВПК», 1916, № 2, стр. 279.

жон на заседании общества фабрикантов и заводчиков от 3 сентября 1914 года заявил: «Высокие заработки развращают рабочих». Общество хлопчатобумажных фабрикантов на заседании 23 сентября 1914 года, ссылаясь на тяжелое положение, в котором якобы оказалась текстильная промышленность, предложило своим членам «не останавливаться перед снижением расценок». На рудниках и шахтах Донбасса и Криворожья расценки снизились от 20 до 50 процентов. На заводах Урала, по словам главного окружного инженера, номинальная заработная плата упала к концу 1914 года не меньше чем на 30 процентов.

Таким образом, заработок рабочих уже в первые полгода войны снизился по отношению к первой половине 1914 года в среднем на 20—25 процентов. В то же время изо дня в день росла дороговизна на продукты первой необходимости. По подсчету буржуазного журнала «Новый экономист» уже на 1 января 1915 года цены на продукты значительно повысились. Так, например, цена на муку ржаную повысилась на 18 процентов, муку пшеничную — на 21 процент, крупу разную — на 51 процент, масло — на 30 процентов, мясо — на 26 процентов, молоко — на 25 процентов, сахар — на 14 процентов. Соответственно этому увеличились цены на другие продукты и товары широкого потребления.

Квартирная плата поднялась за этот же период на 50 процентов.

Тем не менее предприниматели утверждали, что рабочие, особенно металлисты, получают слишком высокую заработную плату. Приводились в качестве доказательств случаи, когда отдельные высококвалифицированные рабочие зарабатывали от 5 до 7 рублей в день. Предприниматели требовали снижения расценок законодательным путем. С этой целью московскому губернатору было поручено проверить заработную плату на Коломенском машиностроительном заводе, который по заверению заводчиков был типичен для большинства заводов Московского промышленного района. На завод была командирована комиссия чиновников особых поручений. Как ни старались эти чиновники, но для предпринимателей результат проверки получился неутешительный. Из акта, который вынужден был подписать стар-

ший фабричный инспектор, состоявший на содержании у общества фабрикантов и заводчиков, видно, что из 11 035 рабочих завода получали заработную плату в феврале 1915 года до 1 рубля в день 24 процента рабочих, от 1 рубля до 1 рубля 50 копеек — 26,5 процента, от 1 рубля 50 копеек до 2 рублей 50 копеек — 32,8 процента, свыше 2 рублей 50 копеек — 16,7 процента всех рабочих. Средний заработок всех рабочих завода составлял в июне 1914 года 1 рубль 68 копеек, в феврале 1915 года 1 рубль 62 копейки. Следовательно, номинальная заработная плата не только не увеличилась по сравнению с довоенными годами, а даже несколько снизилась. В то же время цены на продукты в заводской лавке на 1 марта 1915 года выросли на 25 процентов в среднем, а на базаре — на 30 процентов [1].

Комиссия вынуждена была сделать вывод, что заработная плата коломенских металлистов в реальном выражении упала не меньше чем на 25 процентов по отношению к предвоенным месяцам.

Состояние реальной заработной платы рабочих Коломенского завода было характерно для всех предприятий металлообрабатывающей промышленности. Коломенские металлисты находились даже в несколько лучшем положении, чем рабочие других заводов, в особенности расположенных в крупных городах. Коломенские рабочие в большинстве своем происходили из местных крестьян или имели свое небольшое хозяйство и поэтому могли еще кое-как сводить концы с концами. Работавшие в крупных городах рабочие должны были существовать исключительно на заработную плату.

Рост дороговизны вскоре стал настолько очевидным, что на некоторых предприятиях администрация вынуждена была с конца 1914 года ввести военные прибавки. А со 2 марта 1915 года министерство торговли и промышленности обязало фабрикантов и заводчиков ввести систематические военные прибавки на дороговизну, исходя из стоимости продуктов. Рабочие требовали увеличения расценок. Предприниматели считали, что военная прибавка не должна касаться расценок, так как она носит

---

[1] Архив Д. П. за 1915 г., дело № 42, ч. 2, л. 53.

временный характер. На заседании Петроградского общества фабрикантов и заводчиков 13 июня 1915 года было принято решение: «Ни в коем случае не увеличивать расценок, а если возможно, то их сбавлять. Прибавлять по несколько копеек в день «военной прибавки» с таким расчетом, чтобы эту прибавку всегда можно было бы ликвидировать. Если увеличить расценки, то уж потом снизить их по окончании войны будет чрезвычайно трудно» [1].

Это решение о форме и величине «военной прибавки» нашло практическое применение не только в промышленности Петроградского округа, но и по всей России. Распоряжение министерства торговли и промышленности «о военной прибавке, исходя из уровня роста цен», не было реализовано. Вопрос о ее размере на каждом отдельном предприятии решался борьбой. Где упорнее была борьба рабочих, там больше была и прибавка.

На предприятиях Петрограда к концу 1915 года прибавка колебалась от 20 до 25 процентов к месячному заработку, в Москве — от 15 до 20 процентов, на Урале — от 10 до 15 процентов. В металлообрабатывающей промышленности прибавка, как правило, была выше, чем в текстильной. Но во всех случаях военная прибавка компенсировала рост дороговизны в самых ничтожных размерах. Если сопоставить самую высокую прибавку и возрастание цен на 1 декабря 1915 года, то получаются следующие результаты: прибавка 20—25 процентов, а цены в среднем по стране, по отношению к 1913 году, на муку ржаную, муку пшеничную, крупу разную, масло растительное, мясо, сахар выросли на 190 процентов.

В 1916 году в крупных промышленных центрах дороговизна возросла в четыре—пять раз по отношению к довоенному времени. В таких условиях копеечные военные прибавки ничего не давали. О соотношении военных прибавок и роста дороговизны на юге России можно до некоторой степени судить по донесению фабрично-заводской инспекции Таганрога в конце 1916 года. В донесении говорится, что «заработок квалифицированных

---

[1] Архив профсоюзов, фонд 10, дело № 5, л. 19.

рабочих в Таганроге на 10 декабря 1916 года увеличился по сравнению с довоенным временем на 120—150 процентов. Стоимость продуктов увеличилась к этому же времени: хлеб пшеничный на 250 процентов, молоко на 500 процентов, мясо на 100 процентов, масло на 500 процентов, яйца на 500 процентов, сахар на 500 процентов, сало на 160 процентов, мука ржаная на 300 процентов, ситец на 420 процентов, обувь на 400 процентов, галоши на 175 процентов, сукно на 850 процентов, кожа на 400 процентов» [1].

«Положение рабочих совершенно безвыходное»,—добавляет в конце своего сообщения таганрогская инспекция. И это сообщает такая организация, которая полностью стояла на стороне буржуазии и никак не была заинтересована в преувеличении бедствий рабочего класса.

Выяснить реальную заработную плату рабочего класса в целом и в отдельных отраслях промышленности в годы империалистической войны очень трудно. В царской России не было точной статистики по труду, так как буржуазия не хотела обнажать неприглядную действительность. Фабричная инспекция, например, не проводила бюджетных обследований, а брала сведения о заработной плате рабочих у предпринимателей. Предприниматели же показывали заработную плату рабочих выше, чем она была на самом деле. Достигалось это многими путями. В отчетах указывалось меньшее количество рабочих, чем было, а в графу выплаты зарплаты рабочим включалось огромное жалованье директора завода и администрации. Предприниматели и просто увеличивали до нужной величины цифру выплаченной заработной платы, чтобы показать этим, что требования рабочих об увеличении заработной платы неосновательны. Официальные отчеты фабричной инспекции входили в статистические сборники и, становясь официальными материалами, затушевывали истинное положение вещей.

На самом деле рабочие терпели очень большую материальную нужду. О бедственном положении рабочего класса в годы мировой войны свидетельствуют письма

---

[1] Архив профсоюзов, фонд 10, дело № 321, л. 3.

рабочих-корреспондентов в легальные большевистские газеты и журналы, а также отчеты правлений больничных касс. Меньшевики также вынуждены были иногда помещать письма рабочих в своих легальных газетах и журналах. Так, например, рабочие-корреспонденты с текстильных фабрик нередко писали о положении рабочих в легальные журналы «Текстильщик» и «Рабочие ведомости».

Не много могли написать о жизни текстильщиков рабочие-корреспонденты, так как за одно неосторожное слово им угрожал немедленный арест. Несмотря на то, что письма с фабрик проходили царскую цензуру, они рисуют безотрадную жизнь текстильщиков. Например, рабочий Рябовской мануфактуры в Москве писал: «Всего работает рабочих на фабрике 700 человек, большая половина женщин и подростков. Заработная плата у мужчин 88 коп., а у женщин 65 коп., а у подростков 60 копеек в день. На время войны прибавлено: мужчинам 26 коп., женщинам и подросткам 20 коп. за каждый рабочий день. Рабочий день 10 часов. Есть случаи, когда женщины падают в обморок от недоедания и истощения» [1].

Это письмо рабочего-корреспондента оказалось в архиве охранки и в печать не попало. Рабочий-корреспондент катушечного отделения фабрики Морозова в Твери писал в журнал «Текстильщик»: «Работаем две смены по шесть часов. Работаем с выработки: на тонких номерках зарабатываем от 10 до 15 рублей в месяц, а цены на продукты растут с каждым днем, и на наше жалованье прожить невозможно». В журнале «Рабочие ведомости» помещались корреспонденции текстильщиков московских фабрик. С фабрики Мещерина в Москве писали: «Работаем полную неделю. Рабочих всего 6 000 человек. Большинство женщин. Мужской труд заменяется женским, и если мужчина получает 1 рубль 05 копеек, то женщина — 55 копеек в день».

В других рабочих корреспонденциях сообщалось:

«На фабрике Мусси в Москве работает всего 2 200 человек, из них 550 мужчин. Мужчины получают поденно 75 копеек, женщины — 55 копеек в день. Рабочий день

[1] Архив Д. П. за 1915 г., дело № 981, т. 3, л. 19.

десять часов. За порчу товаров штрафуют в размере от 15 копеек до 2 рублей. Это очень отражается на заработках рабочих.

На фабрике Флетчер в Москве всего 700 рабочих, подавляющее большинство женщин. Мужчины получают 80 копеек, женщины — 50 копеек, подростки — 45 копеек. Зачастую на фабрике работает вся семья.

На фабрике товарищества Покровской мануфактуры всего рабочих около 6 тысяч. Из них большинство женщин. Работаем в две смены, вернее сказать через шесть часов, так как иные сутки работаем по восемнадцать часов. Заработок рабочих следующий: ткацкое отделение от 12 до 22 рублей в месяц, а на ватерах даже еще меньше. Женщины получают поденно 80 копеек в день вместе с военной приплатой, прядильщик от 1 рубля 10 копеек до 1 рубля 25 копеек в день».

Рабочих корреспонденций такого характера поступало очень много. Они свидетельствуют о чрезвычайно тяжелом положении, в котором оказался в годы войны крупный отряд российского пролетариата — текстильщики.

В тяжелом положении находились рабочие-нефтяники. Нефтяные магнаты перестали выполнять коллективный договор, заключенный в предвоенные годы. Вновь начало действовать большое количество систем оплаты рабочих: с учетом национальности, возраста и пола. У известного короля нефти Нобеля было во время войны до пятнадцати видов оплаты рабочих, у большинства фирм восемь—десять видов. Рабочие национальных меньшинств, как правило, получали в полтора — два раза меньше русских, женщины в два раза меньше мужчин, несмотря на то, что они выполняли ту же работу.

Если привести многообразные формы заработной платы бакинских рабочих к единой системе, то картина будет такова: накануне войны средний заработок рабочих составлял 27 рублей в месяц. К 1 января 1917 года средняя номинальная заработная плата повысилась до 56 рублей в месяц, или на 207,4 процента, а стоимость продуктов выросла в три—пять раз, следовательно, в среднем реальная заработная плата снизилась в полтора — два раза.

Еще в худшем положении оказались рабочие на железнодорожном транспорте. Распыленные на огромной территории страны, железнодорожники оказывали меньше сопротивления наступлению капитала, чем другие отряды пролетариата. Поэтому у железнодорожников на 1 января 1917 года номинальная заработная плата не только не повысилась, но даже понизилась.

Большевистский журнал «Вопросы страхования» попытался выяснить, на сколько снизилась реальная заработная плата у железнодорожных рабочих за годы войны. Для изучения были взяты наиболее высокооплачиваемые 180 рабочих паровозных бригад, которые работали беспрерывно все годы войны.

Результаты получились следующие:

Годы	Количество изучаемых рабочих	На их иждивении неработающих членов семьи	Их общий месячный заработок (в рублях)	Заработок на каждого члена семьи (в рублях)
1914	180	900	12 060	11,1
1915	180	1 263	13 590	9,4
1916	180	950	11 670	10,3

Увеличение числа иждивенцев в 1915 году объясняется тем, что рабочие вынуждены были брать на свое иждивение детей родственников, призванных на войну. Понижение числа иждивенцев в 1916 году объясняется тем, что некоторые члены семьи под влиянием нужды поступили на работу.

Из приведенной таблицы видно, что номинальный заработок железнодорожников к концу 1916 года не только не увеличился, а даже несколько понизился. В то же время цены на продукты первой необходимости и товары широкого потребления в железнодорожных лавках возросли на 300—600 процентов. Это видно из следующей таблицы:

Цены на продукты первой необходимости:

Годы	Хлеб черный	Хлеб белый	Мука белая	Мука ржаная	Говядина	Свинина	Картофель	Керосин	1 кубическая сажень дров (в руб.)
	За фунт (в копейках)								
1914	2	6	6	3	18	17	1	5	12 р.—
1916	6	22	25	10	100	80	8	25	80 р.—
В % к 1914 г.	300,0	366,7	416,7	333,3	555,5	470,6	800,0	500,0	666,6

Цены на самые необходимые товары широкого потребления (в рублях):

Годы	Шапка	Фуражка	Шуба	Сапоги	Валенки	Брюки	Рубашка теплая	Подметки кожаные
1914	3	1,2	18	10	3	6	1,5	1,2
1916	18	8	80	70	12	30	8,5	10
В % к 1914 г.	600,0	666,6	444,4	700,0	400,0	500,0	566,6	833,3*

Таким образом, реальный заработок рабочих паровозных бригад снизился в три—четыре раза. Снизился он в таких же размерах и у других категорий железнодорожных рабочих. Журнал «Вопросы страхования» сделал правильный вывод, «что такого бедственного состояния, как теперь (т. е. к концу 1916 г. — **Ф. Р.**), железнодорожники не испытывали с момента основания железных дорог в России» [1].

Снижение реальной заработной платы рабочих в горнозаводской промышленности Юга и Урала признает даже горная инспекция. По ее подсчетам, заработная плата рабочих в этой отрасли промышленности составляла к концу 1916 года 93,6 процента по сравнению с дово-

* «Вопросы страхования», 1917, № 4, стр. 13.

[1] Там же.

енным временем. В действительности заработная плата горнозаводских рабочих была значительно ниже.

Вот что рассказывает в своих воспоминаниях рабочий Софиевской шахты, в Донбассе, т. Астахов.

«Я работал с начала войны до февральской революции в качестве крепильщика, а затем забойщика на Софиевской шахте, в Донбассе. При всем напряжении сил больше 45 рублей в месяц заработать не удавалось. В то же время одни только харчи в артели стоили 35 рублей в месяц, — 10 рублей оставалось на все остальные расходы. Несколько больше зарабатывали забойщики, но и у них заработок не превышал 50—55 рублей в месяц. Крепильщики и забойщики находились еще в несколько лучшем положении по сравнению с другими рабочими. Конногоны, например, получали 1 рубль 50 копеек за смену, подкатчики на стволе — 1 рубль 30 копеек, откатчики наверху — 1 рубль 20 копеек, насыпщики — 1 рубль 20 копеек, бурильщики — 1 рубль 60 копеек и т. д. Из разговоров со старыми рабочими выяснилось, что расценки в 1916 году по сравнению с 1914 годом не только не повысились, а даже понизились, в то время как продукты и товары подорожали в три — четыре раза.

Особенно плохо приходилось семейным шахтерам: заработка нехватало даже на скудное питание» [1].

В таком же положении находились рабочие на заводах Урала. Они получали от 65 копеек до 75 копеек в день. В месяц зарабатывали от 6 до 10 рублей. На эти средства трудно было существовать одинокому и совсем невозможно было прокормить семью.

Предприниматели, используя статистические данные фабричной инспекции, твердили о высоких заработках металлистов в годы войны. Меньшевики на все лады перепевали эту лживую буржуазную версию и объясняли причину «высоких заработков» металлистов тем, что они «осознали важность момента» и стали работать во время войны более добросовестно, чем раньше.

Металлисты, являясь передовой частью рабочего класса, в силу своей лучшей сплоченности и организованности, действительно, упорной борьбой добивались

---

[1] «Рабочий класс Урала в годы войны и революций», 1927, т. 1, стр. 122.

несколько большего повышения заработной платы, чем другие отряды пролетариата. Но реальная заработная плата и у металлистов была значительно ниже довоенной.

В отчете больничной кассы Днепровского завода за 1916 год говорится: «Рабочих на заводе 9 283 чел. Рабочий день 10 часов, 49% всех рабочих работают сверхурочно по 20 часов в неделю, средний заработок 1 р. 86 к. По сравнению с 1913 г. зарплата выросла на 10% (дороговизна на 275%). Заработок распределяется следующим образом: до 1 рубля получают 20,7% всех рабочих, от 1 р. до 2 р. — 51%, до 3 руб. — 18,7%, свыше 3-х руб. только 9,5% всех рабочих завода» [1].

А в выдержке из отчета больничной кассы завода Наваль в Николаеве за 1916 год говорится: «рабочих 14 000 чел., заработок рабочих: до 1 р. 50 коп. зарабатывает 21,5%, от 1 р. 50 к. до 2 р. — 15%, от 2-х до 3-х рублей — 27,2%, от 3 до 4 руб. — 19,7%, от 4 до 5 руб. — 16,6%. Заработок увеличился против довоенного в среднем на 11%, дороговизна — в три раза» [2].

В отчетах многих других больничных касс при крупных металлообрабатывающих заводах говорится о незначительном повышении номинальной заработной платы за счет сверхурочных работ и военных прибавок и об огромном росте дороговизны, резко снижающей реальную заработную плату.

Из анализа различных источников (статистики фабрично-заводской инспекции, данных министерства торговли и промышленности, но главным образом — сведений рабочей печати) можно сделать вывод, что к началу 1917 года реальная заработная плата рабочих составляла по сравнению с 1913 годом: в металлообрабатывающей промышленности — 54 процента, в текстильной — 46,3 процента, в деревообрабатывающей — 59,2 процента, в бумажной и полиграфической — 44,6 процента, химической — 55,3 процента, горнодобывающей—44,6 процента, в пищевой — 50 процентов, в других отраслях промышленности — 43,3 процента. В среднем реальная заработная плата рабочих по основным группам произ-

[1] «Вопросы страхования», 1917, № 2, стр. 11.
[2] Дело Государственной думы № 4579, л. 8—11.

водств составляла к началу 1917 года около половины довоенной. Рабочие и их семьи голодали. Возросшая квартирная плата вынуждала рабочих еще больше уплотняться в своих жалких каморках, переселяться в углы.

Бедственное материальное положение рабочего класса усугублялось игнорированием элементарных правил техники безопасности и санитарных условий труда предпринимателями, что неизбежно вело к большому повышению травматизма и заболеваемости рабочих. На Путиловском заводе, например, на каждую тысячу рабочих в 1915 году получили увечье 305 человек против 211 в 1914 году. На судостроительной верфи травматизм был еще выше: из каждой тысячи рабочих получили увечье 443 человека, это было почти в два раза больше, чем в 1914 году. В то же время больничной кассой было зарегистрировано за 1915 год из 19 341 заболевания рабочих 18 828 случаев потери трудоспособности — в полтора раза больше, чем в 1914 году. В 1916 году травматизм и заболеваемость рабочих увеличились еще больше.

«Такая колоссальная заболеваемость и увечность участников кассы, — говорится в отчете больничной кассы Путиловского завода, — находится в связи с увеличением сверхурочных, праздничных и ночных работ, антисанитарными условиями труда и недостаточностью предохранительных мер против опасных механизмов» [1].

На екатеринославских заводах в 1915 году из каждой тысячи рабочих 842 заболевали с потерей трудоспособности и 322 человека получили увечья; около половины всех рабочих переболели брюшным тифом [2].

Из отчета Симоновской больничной кассы в Москве видно, что в 1916 году 93,7 процента всех рабочих — участников кассы заболевали и получали увечье. «Причины столь резкого повышения заболеваемости, — говорится в отчете, — несомненно кроются в тех общих условиях, в каких очутилась рабочая масса во время войны. Дома оказались переполненными, санитарный надзор отсутствует, нечистоты почти не вывозятся. Ко всему этому присоединился недостаток продуктов питания

[1] «Отчет больничной кассы Путиловского завода за 1915 год».
[2] «Вопросы страхования», 1917, № 2, стр. 11.

и все растущая дороговизна. Питание ухудшалось с каждым днем, а переутомление и истощение прогрессировали. Ослабленный организм становится все более восприимчивым к заболеваниям. И в результате этих и многих других причин беспрерывно увеличивается рост заболеваемости» [1].

В текстильной промышленности заболеваемость рабочих и травматизм увеличились в 1916 году в два раза по сравнению с 1914 годом.

В то же время медицинская помощь рабочим почти отсутствовала.

На Днепровском заводе, например, на 9 283 рабочих в 1916 году в заводской больнице было всего три врача, они должны были принимать ежедневно 450—500 больных.

В корреспонденции в журнал «Вопросы страхования» рабочие московского завода «Динамо» писали: «Каждый день на приеме у доктора можно встретить по 50—60 человек. Десятки рабочих остаются по несколько дней без всякой помощи, и болезни затягиваются, принимая хронический характер. На просьбу больных принять доктор отвечает, что примет только тех, у кого температура 40 градусов» [2].

«Медицинская помощь на фабрике плохая, — пишет рабочий-корреспондент с Резвоостровской мануфактуры в журнал «Текстильщик». — Если придет женщина и говорит, что голова кружится, доктор говорит: «Пора тебе на покой, а то упадешь, машину еще сломаешь и мне за тебя отвечать придется». Поэтому рабочие и работницы боятся обращаться к доктору, а то без куска хлеба останутся» [3].

На голоде, эксплоатации и нищете рабочих капиталисты наживали чудовищные прибыли.

«Война, — писал В. И. Ленин, — стоит России теперь 50 миллионов рублей *в день*. Эти 50 миллионов в день идут большею частью военным поставщикам. Из этих 50 миллионов по меньшей мере 5 миллионов *ежедневно*, а вероятнее 10 миллионов и больше, составляют «безгреш-

---

[1] «Отчет Симоновской общей больничной кассы».
[2] «Вопросы страхования», 1917, № 2, стр. 11.
[3] «Текстильщик», 1915, № 1, стр. 6.

ные доходы» капиталистов и находящихся в той или иной стачке с ними чиновников. Особенно крупные фирмы и банки, ссужающие деньги под операции с военными поставками, наживают здесь неслыханные прибыли, наживают именно казнокрадством, ибо иначе нельзя назвать это надувание и обдирание народа «по случаю» бедствий войны, «по случаю» гибели сотен тысяч и миллионов людей» [1].

Некоторое представление об увеличении прибылей капиталистов в годы войны можно получить, проследив рост прибылей отдельных механических и машиностроительных акционерных предприятий. В 1915 году, по официальным отчетам, чистая прибыль в золотом исчислении увеличилась по сравнению с 1913 годом на заводе Бромлей в Москве на 223,3 процента, на брянских заводах — на 216,1 процента, на Коломенском машиностроительном заводе — на 297,2 процента, на заводе Парвиайнен в Петрограде — на 413,1 процента [2]. Так же выросли прибыли и в других отраслях промышленности. Только за первые девять месяцев войны Демидовская мануфактура увеличила прибыль на 82 процента, Нарвская мануфактура — на 60 процентов, Костромская мануфактура — на 83,8 процента, фабрики Рябушинских — на 230 процентов. В не меньшей степени наживались на народной нищете банки, купцы, спекулянты. В годы войны со сказочной быстротой вырастали в результате спекуляции и афер огромные состояния, появлялись новые миллионеры.

Осенью 1915 года стала известна крупнейшая афера с сахаром и мукой. Банки закупили у сахарозаводчиков весь сахар и через комиссионеров приобрели большую часть запасов зерна. Цены на эти продукты выросли сразу в два раза. Эта афера получила огласку. Даже буржуазная печать вынуждена была потребовать суда над спекулянтами. В афере оказались замешанными высокопоставленные лица из правительства. «Скандал» был замят, но снижение цен не произошло.

Царское правительство не хотело, да и не могло пресечь спекуляцию. Члены правительства и царской семьи

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. XXI, стр. 173.
[2] «Новый экономист», 1916, № 24.

сами были связаны «деловыми отношениями» с крупными промышленниками, банками и биржевыми дельцами. В царской России безнаказанно действовали авантюристы и спекулянты из-за границы. Это еще больше увеличивало бедствия рабочего класса и трудящихся масс крестьянства.

Таким образом, империалистическая война тяжелым бременем легла на плечи рабочего класса. Вместе с тем она принесла неслыханное обогащение господствующим классам. На народной крови, нужде и голоде богатели помещики, буржуазия, купцы, спекулянты. Их прибыли за годы войны возросли в три — четыре раза, поэтому все они были кровно заинтересованы в продолжении войны.

Изменение состава рабочего класса осложняло работу большевиков в годы войны, создавало дополнительные трудности по воспитанию рабочих в революционном духе. Но в то же время привлечение новых слоев трудового населения в производство революционизировало их, расширяло фронт борьбы против самодержавия и капитализма. Мобилизация революционных рабочих на фронт, с одной стороны, ослабляла силы пролетариата, с другой — увеличивала пролетарскую прослойку в армии, благодаря чему армия крепче связывалась с революционным движением рабочего класса. Опираясь на солдат-рабочих, большевики развертывали революционную работу в армии.

Резкое ухудшение экономического положения рабочего класса служило одним из источников дальнейшего обострения противоречий между трудом и капиталом, способствовало нарастанию нового революционного подъема.

Глава четвертая

БОЛЬШЕВИКИ—ОРГАНИЗАТОРЫ И РУКОВОДИТЕЛИ СТАЧЕЧНОЙ БОРЬБЫ РАБОЧИХ В 1915 ГОДУ

Несмотря на массовые аресты большевиков в начале войны, нелегальные большевистские организации начали в 1915 году расширять свою деятельность. Заново создавались подпольные партийные группы, партийные комитеты, возобновлялись связи между ними. Энергично развернул свою работу Петербургский комитет большевиков, возглавляемый В. М. Молотовым. Он быстро восстановил районные партийные организации, собрал и сплотил партийный актив и, опираясь на него, повел революционную работу среди столичных рабочих. Петербургский комитет возобновил связь с партийными организациями крупных промышленных центров страны: Москвы, Иваново-Вознесенска, Харькова, Киева, Екатеринослава, Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Царицына, Перми, Екатеринбурга и других.

Через Петербургский комитет шли из-за границы от В. И. Ленина директивы партийным организациям России. В. И. Ленин и И. В. Сталин обращали внимание партийных организаций на необходимость издания легальных и нелегальных большевистских газет и журналов.

Наладить выпуск газет и журналов в условиях чудовищного политического террора в стране было невероятно трудно. Но большевики преодолевали эти трудности. Еще в 1908 году начал издаваться Центральный Орган большевистской партии — газета «Социал-демократ». За пред-

военные годы вышло тридцать два номера. С конца 1913 года выпуск газеты прекратился. И. В. Сталин в известном письме В. И. Ленину из Туруханской ссылки выразил надежду, что скоро появится орган, который начнет войну против распоясавшихся социал-шовинистов [1].

Надежды И. В. Сталина оправдались. 1 ноября 1914 года вышел 33-й номер «Социал-демократа» — первый номер в условиях мировой войны. Это было огромным успехом большевиков. «Социал-демократ» широко освещал работу партийных организаций, ход стачечной борьбы пролетариата, разоблачал оборонцев. В каждом номере печаталась статья В. И. Ленина.

Большой заслугой Петербургского комитета большевиков было возобновление выпуска легального журнала «Вопросы страхования» (с февраля 1915 года по март 1917 года вышло двадцать пять номеров журнала). Этот большевистский журнал вырос из отдела страхования рабочих в газете «Правда». В начале войны царские власти закрыли журнал. В. И. Ленин дал директиву Петербургскому комитету большевиков добиться во что бы то ни стало возрождения журнала. Директива В. И. Ленина была выполнена. Петербургский комитет возобновил выпуск журнала в феврале 1915 года и, несмотря на свирепую военную цензуру, сумел превратить его в орган политического руководства революционной борьбы рабочего класса.

Журнал «Вопросы страхования» систематически освещал злободневные вопросы революционного движения, в каждом номере помещал большое количество рабочих корреспонденций, излагал вопросы социального страхования в связи с общими задачами борьбы пролетариата против империалистической войны. Журнал воспитывал рабочий класс в революционном духе, укреплял связи партии с широкими массами, помогал изгонять оборонцев из легальных рабочих организаций.

И. В. Сталин вместе с группой ссыльных большевиков прислал в редакцию журнала «Вопросы страхования» приветственное письмо, в котором изложил очередные задачи, стоящие перед легальными органами большевистской партии. В письме И. В. Сталин указывал,

[1] «Большевистская печать», 1940, стр. 202.

что журнал «Вопросы страхования» должен приложить «все усилия и старания к делу идейного страхования рабочего класса нашей страны от глубоко развращающей, антипролетарской и в корне противоречащей принципам международности проповеди гг. Потресовых, Левицких и Плехановых» [1].

Издавать революционный легальный журнал в условиях войны было делом очень трудным. За каждое неосторожное слово против царского правительства, против войны или даже против социал-шовинистов журнал мог быть запрещен, а редакция и рабочие-корреспонденты арестованы. Но журнал с честью выполнял возложенные на него задачи, воспитывал рабочий класс в большевистском духе.

Оценивая работу журнала, В. М. Молотов писал: «В годы царской реакции журнал «Вопросы Страхования» вел неустанную борьбу не только за осуществление социального страхования, но и за наши славные «неурезанные лозунги», за свержение буржуазно-помещичьего режима, за полное освобождение рабочего класса» [2].

В феврале 1915 года Петербургскому комитету удалось организовать выход нелегальной газеты «Пролетарский голос». Вышло четыре номера газеты.

Издавались газеты и журналы большевистскими организациями других городов.

Самарский комитет большевиков издавал в 1914 году легальный журнал «Заря Поволжья». Екатеринодарский комитет организовал в конце 1915 года выпуск легального двухнедельного журнала «Прикубанские степи». В начале войны Екатеринославский комитет выпустил один номер нелегальной газеты «Звезда». Полиция разгромила редакцию, и возобновить выпуск газеты не удалось.

В 1915 году Иркутский комитет большевиков выпустил два номера большой нелегальной газеты «Товарищ пролетария».

В 1916 году вышел один номер нелегальной газеты «Голос социал-демократа», выпущенный харьковскими большевиками. В этом же году большевики Донбасса

[1] «И. В. Сталин. Краткая биография», 1949, стр. 56.
[2] «Вопросы страхования», 1923, № 46, стр. 4.

выпустили два номера нелегальной газеты «Правда труда». С ноября 1916 года по январь 1917 года московские большевики выпустили три номера легального журнала «Голос печатного труда».

В январе 1917 года стал выходить в Кинешме большевистский легальный журнал «Наше слово». Сочетая нелегальную работу с работой в легальных рабочих организациях, большевики сумели развернуть революционную деятельность не только на предприятиях столицы, но распространили свое влияние на другие промышленные центры. Особенно большую работу вел Петербургский комитет большевиков.

Центральный орган партии большевиков «Социал-демократ» писал о состоянии партийных организаций в Петрограде, что «...в настоящее время численное соотношение разных социал-демократических групп питерской организации представляется в таком виде: 200 человек сторонников организационного комитета (меньшевиков); 60—80 человек объединенцев; 1 200 человек большевистской организации во главе с Петербургским комитетом...

Петербургский комитет ведет сношение с целым рядом городов, среди них 7 — крупные рабочие центры» [1].

Царское правительство понимало, что петербургские большевики являются серьезной силой. В одном из донесений в 1915 году охранка писала, что большевики-ленинцы, являясь наиболее активной частью социал-демократической рабочей партии, умело проводят политическую работу среди рабочих; «агитацию среди трудящихся масс они ведут на почве близких и доступных последним интересов экономического характера (дороговизна, повышение реальной заработной платы), сочетая их с популяризацией пораженческих настроений, что в сильнейшей степени возбуждает массы и вызывает сочувствие и помощь со стороны инакомыслящих социалистических групп и течений» [2].

В то время как Петербургский комитет большевиков вел большую и напряженную работу, московская организация большевиков переживала серьезные затруднения.

---

[1] «Социал-демократ», 1915, № 47.

[2] Архив Д. П. за 1915 г., дело № 165—57, стр. 31.

В некоторые партийные организации проникли провокаторы. Провалы и аресты следовали один за другим.

Предстояла трудная и сложная работа по собиранию сил Московской партийной организации, по воссозданию Московского комитета.

В марте 1915 года ЦК партии направил на партийную работу в Москву В. М. Молотова. Вскоре после прибытия в Москву В. М. Молотов воссоздал районный комитет партии в Лефортове.

Этот комитет, выполняя длительное время функции общегородского комитета, сыграл большую роль в создании большевистских комитетов в других районах Москвы: Сокольническом, Городском, Замоскворецком, Симоновском и Пресненском.

В. М. Молотов направлял все усилия на создание Московского комитета большевиков. С этой целью созывались партийные собрания, на которых обсуждался вопрос о создании комитета. В целях конспирации они проходили под видом экскурсий и загородных прогулок рабочих, организуемых профсоюзами.

В конце апреля 1915 года под руководством В. М. Молотова состоялись совещания представителей партийных групп, заявивших о полной солидарности с манифестом Центрального Комитета партии о войне. На совещаниях было решено начать подготовку к общемосковской партийной конференции.

В один из воскресных дней середины мая профсоюз кожевников организовал прогулку рабочих в Бескудниково. В ней приняли участие не только кожевники, но и рабочие других профессий. «Во время прогулки в лесу,— говорится в донесении охранки, — одним из участников был сделан доклад о войне, в котором докладчик коснулся вопроса о происхождении войны и указал на причины, их вызывающие. После доклада 14 человек отделились от общей компании и устроили собрание для обсуждения вопроса об использовании настоящей войны в партийных социал-демократических целях... здесь же был поднят вопрос о создании в Москве социал-демократической городской организации и об организации типографии для обслуживания нужд этой организации» [1].

---

[1] Архив Д. П. за 1915 г., дело № 547, л. 2.

1 июня 1915 года было созвано предварительное собрание в Сокольническом лесу, на котором решили созвать под видом увеселительной прогулки 7 июня в Измайловском зверинце конференцию. Это стало известно полиции, и 6 июня В. М. Молотов и ряд видных партийных работников были арестованы. Конференция не состоялась. Но начатая В. М. Молотовым работа по созданию Московского комитета не прекратилась.

В октябре 1915 года по указанию Центрального Комитета партии было создано областное бюро, которое одновременно являлось и городским комитетом партии. К концу октября 1915 года по сведениям «Социал-демократа» в Москве было пять районных комитетов и тридцать одна группа, в которые входило 550 членов партии [1].

Попытки создать Московский комитет не прекращались. 11 ноября 1915 года в Люблино состоялось собрание представителей районных и партийных организаций. На собрании было решено переименовать комитет Пресненской группы в Московский центральный с-д комитет, от имени которого впредь проводить всю работу. Но 17 ноября члены Пресненского комитета были арестованы. После этого руководящая роль переходила от одного районного комитета к другому. Если подвергался разгрому один комитет, работу возглавлял другой. Только в феврале 1916 года по указанию Центрального Комитета партии был создан путем кооптации Московский комитет.

Несмотря на трудности, возникшие при создании Московского комитета, большевистские организации все шире развертывали революционную работу в Москве. Партийные группы при профсоюзах, больничных кассах, рабочих клубах связывались с рабочими массами, руководили стачечной борьбой, выпускали подпольные листовки. Только в первой половине 1915 года Лефортовский комитет выпустил семь листовок; комитет Тверского района выпустил за этот же период девять листовок. Выпускали листовки Симоновский, Пресненский комитеты.

В большинстве пролетарских центров и городов партийные комитеты развернули энергичную деятельность.

Относительно партийных организаций в Поволжье в

---

[1] «Социал-демократ», 1916, № 51.

осведомительном листке бюро Центрального Комитета партии сообщалось:

«В Поволжье в главных центрах имеются социал-демократические организации.

Организации построены следующим образом: заводские ячейки-кружки являются основой. Общее собрание их выбирает руководящий центр — комитет. Число членов кружков колеблется от 8—10 чел. Членский взнос в партийную кассу происходит довольно регулярно. В кружках ведутся занятия, они же являются организационными и деловыми центрами во время выступлений рабочих» [1].

Центром революционной работы в Поволжье была Самара. Здесь работали В. В. Куйбышев и Н. М. Шверник. В Царицыне работал К. Е. Ворошилов.

Весной 1915 года в России свыше сорока партийных организаций большевиков выпускали нелегальные листовки, нередко десятитысячным тиражом каждая. Это свидетельствует о большом размахе партийной работы.

Наряду с укреплением партийных организаций и развертыванием нелегальной работы большевики использовали все легальные возможности, чтобы поднять массы на революционную борьбу.

Влияние большевиков преобладало в уцелевших рабочих организациях, в частности в профсоюзах и больничных кассах, превратившихся в опорные пункты революционной работы. Большевики изыскивали новые пути связи с массами, чутко прислушивались к голосу масс, боролись за их требования, использовали всякий повод для того, чтобы развязать инициативу рабочих.

Большевики были единственной революционной партией в России. Они сумели в условиях жестокого террора сохранить свои силы, правильно учитывали обстановку и на опыте борьбы за повседневные нужды воспитывали массы в революционном духе.

Укрепление большевистских организаций не замедлило сказаться на подъеме стачечной борьбы. Рабочий класс стал переходить от обороны к наступлению. Не могли остановить этого наступления ни угроза ссылки, ни аресты, ни черные списки.

---

[1] «Большевики в годы империалистической войны 1914 — февраль 1917», 1939, стр. 160.

Фабрично-заводская и горная инспекция зарегистрировали в 1915 году на предприятиях, подчиненных их надзору, 819 экономических и 215 политических стачек. В экономических стачках участвовало 367 540 рабочих, в политических 156 124 человека [1].

Количество стачек и бастовавших рабочих возрастало из месяца в месяц. В январе, феврале, марте произошло семьдесят три стачки, в которых принимало участие 43 095 рабочих. За апрель, май, июнь 176 059 рабочих участвовало в четырехстах тридцати стачках.

Стачечная борьба рабочего класса развертывалась интенсивней в тех районах и городах, где лучше была налажена партийная работа большевиков. Наибольшее количество стачек и участвовавших в них рабочих падает на Петроградский и Московский промышленные районы. Так, например, из общего количества стачек и стачечников в 1915 году в Московской губернии произошло двести семь стачек, в которых приняли участие 155 846 рабочих, в Петроградской губернии — сто двадцать пять стачек, в которых приняли участие 130 126 рабочих, по этим двум губерниям произошло 36 процентов всех стачек. В них участвовало свыше 53 процентов всех бастовавших рабочих.

В Московской губернии, где преобладающую массу рабочих составляли текстильщики, стачечная борьба развертывалась главным образом на почве экономических требований; рабочие Петроградской губернии бастовали главным образом по политическим мотивам. Здесь произошло 80 процентов всех политических стачек, имевших место в 1915 году. Таким образом, петроградские металлисты во главе с Петербургским комитетом большевиков шли в авангарде революционной борьбы пролетариата. Это объясняется тем, что петроградский пролетариат был наиболее организованным и сознательным отрядом пролетариата с прочно сложившимися революционными традициями. В. И. Ленин и И. В. Сталин находились в непосредственной близости от петроградского пролетариата в течение многих лет и воспитали его.

Экономическая стачечная борьба развертывалась преимущественно в связи с требованием рабочих повысить

---

[1] «Статистический сборник 1913—1917 г.г.», вып. 1-й, стр. 155.

заработную плату. На этой почве произошло 72,7 процента всех экономических стачек, зарегистрированных статистикой, и только 27,3 процента стачек возникли в связи с требованием сократить рабочее время и улучшить условия труда. Экономические стачки принимали упорный и длительный характер, перерастали в политические. Каждый рабочий, принимавший участие в стачках, бастовал в 1915 году в среднем около четырех дней — почти в два раза больше, чем в 1914 году. Предприниматели надеялись, что царизм репрессиями сломит рабочих, и на уступки шли редко. Только около 25 процентов экономических стачек оканчивалось удовлетворением некоторых требований рабочих. Но это еще больше обостряло борьбу.

Стачечной борьбой рабочего класса руководили большевики. Они концентрировали свои силы на более важных предприятиях, и проведенные здесь успешно стачки служили примером для рабочих других фабрик и заводов.

В Москве, например, таким революционным форпостом служил завод «Динамо», где имелась одна из старейших в России большевистских подпольных организаций. Царские власти знали это и подвергали динамовцев жесточайшим репрессиям. Передовых рабочих арестовывали, увольняли, военнообязанных отправляли на фронт. «Образумить» рабочих на завод неоднократно приезжал московский градоначальник Андрианов. Но ничего не помогало — стачки на «Динамо» не прекращались.

В Петрограде центром революционного движения был Путиловский завод. По путиловцам равнялись рабочие других предприятий Петрограда.

Организуя экономические стачки, втягивая рабочих в активную борьбу, большевики боролись за перерастание стачек экономических в политические. Политические стачки, переплетаясь со стачками экономическими, с демонстрациями, с движением народных масс против войны, придавали политический характер всем формам борьбы.

Особенно важную роль в революционной борьбе рабочего класса играли политические стачки. Они служили наиболее ярким показателем растущей политической зрелости рабочего класса и его непримиримой борьбы против самодержавия и буржуазии.

Наиболее крупными политическими стачками были стачки протеста против войны, стачки, организованные в

память годовщины 9 января, стачки протеста против суда над большевистской фракцией в IV Государственной думе, в ознаменование годовщины Ленского расстрела, в связи с празднованием 1 Мая, в знак протеста против арестов и высылки рабочих, в знак солидарности с забастовавшими рабочими других предприятий и т. п.

В январе и феврале стачки проходили под знаком протеста против суда над большевистской думской фракцией. Членам фракции угрожала смертная казнь. Петербургский комитет большевиков и московские большевистские группы выпустили ряд нелегальных листовок, призывавших рабочих к протесту против насилия над представителями пролетариата в Думе.

В листовке, выпущенной накануне суда, Петербургский комитет заявил от имени пролетариата: «В лице депутатов будут судить нас, пославших их и неоднократно заявлявших о своей полной солидарности с деятельностью фракции... Под гром орудий и лязг сабель думает оно (правительство. — **Ф. Р.**) похоронить заживо еще одну думскую фракцию рабочего класса.

Товарищи рабочие! Докажем, что враги наши ошиблись в расчетах. Докажем, что в грозный час, когда призрак каторги висит над головами наших депутатов, мы с ними...

Товарищи рабочие! Бастуйте в день 10 февраля, устраивайте митинги, демонстрации, протестуйте против наглого издевательства царского правительства над рабочим классом» [1].

С таким же призывом были выпущены листовки в Москве. Призыв большевиков нашел отклик в массах рабочих. В Петрограде и в Москве вспыхнули многочисленные политические стачки протеста. Царское правительство вынуждено было отступить и ограничилось привлечением членов фракции к ответственности за принадлежность к РСДРП. Дело из военного суда было перенесено в гражданский. Но все же большевистские депутаты были сосланы на поселение в Сибирь.

«На суде выяснилась картина деятельности думских депутатов, которая делала честь нашей партии. Мужественно вели себя большевики-депутаты перед царским

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 139—140.

судом, превратив его в трибуну для разоблачения захватнической политики царизма»[1].

Буржуазия встретила приговор царского суда с нескрываемой радостью. Кадеты запретили своим членам-адвокатам выступать на процессе защитниками. Подло и трусливо вел себя на процессе разоблаченный впоследствии как враг народа Каменев. Привлеченный к суду вместе с большевистскими депутатами, он вместо того, чтобы использовать процесс как трибуну для разоблачения захватнических планов царизма и буржуазии, всячески выгораживал себя и отрекался от принадлежности к большевистской партии.

Суд над фракцией наглядно показал пролетариату, что только большевики являются единственной до конца революционной партией, что за большевиками идет абсолютное большинство сознательных рабочих России. В то же время процесс дал значительный толчок дальнейшему развитию революционной борьбы.

Новую волну стачек вызвала подготовка к празднованию 1 Мая. Листовки, выпущенные большевистскими организациями Петрограда, Москвы и других городов, призывали к революционной борьбе. Охранка принимала меры к предотвращению революционных выступлений. Была усилена полицейская охрана предприятий, приведена в боевой порядок жандармерия. Только в Петрограде накануне 1 Мая было арестовано свыше 400 человек, но это не предотвратило революционных выступлений. По данным большевистского центрального органа «Социал-демократ», 1 мая в Петрограде бастовали 35 тысяч рабочих. В политических стачках в Нижнем-Новгороде приняли участие 25 тысяч рабочих[2].

В сентябрьских политических стачках участвовало по всей России свыше 200 тысяч рабочих, в Петрограде — 150 тысяч человек.

Большой размах получила экономическая борьба рабочего класса, причем каждая экономическая стачка под руководством большевиков перерастала в политическую. Стачечники наряду с экономическими выдвигали целый

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 164.
[2] «Социал-демократ», 1915, № 48.

ряд политических требований. Длительная и упорная экономическая стачка проходила в феврале на Коломенском машиностроительном заводе. 3 тысячи рабочих, недовольных расценками, 6 февраля бросили работу и потребовали увеличения зарплаты и увольнения заведующего расценочным бюро инженера Гейнца. Администрация уволила Гейнца, но стачка не прекратилась.

12 апреля забастовали все 11 тысяч рабочих завода. Подпольный стачечный комитет выработал экономические требования рабочих к администрации, в частности повышение заработной платы на 25 процентов. 13 апреля администрация завода объявила локаут, уволила всех рабочих и начала набирать желающих работать на прежних условиях. Завод возобновил работу, но 21 апреля забастовка вспыхнула снова. Рабочие на этот раз выдвинули не только экономическое требование увеличения заработной платы на 25 процентов, но потребовали также возвращения на завод всех уволенных товарищей. В конце апреля администрация повторила локаут, уволила свыше 7 тысяч человек, а военнообязанных отправила к воинскому начальнику. До середины мая завод стоял. Характерна в этой забастовке исключительная солидарность рабочих. На уговоры администрации приступить к работе даже самые отсталые рабочие заявили, что они «не могут подводить товарищей». Работа на заводе возобновилась только после того, как было объявлено о повышении заработка на 10 процентов.

В конце апреля забастовали рабочие Трехгорки. Они потребовали увеличения заработной платы на 20 процентов, выплаты наградных всем рабочим, расширения бани и прачечной. Фабрикант Прохоров, слывший либералом, обратился к рабочим с «воззванием», в котором много говорил о «патриотических чувствах», о «долге перед нацией» и т. д., но в этот же день сообщил в охранку список передовых рабочих с просьбой выслать их из Москвы. Забастовка на Трехгорной мануфактуре окончилась 30 апреля. Прохоров пошел на некоторые уступки: увеличил зарплату мужчинам на 8 копеек, женщинам на 5 копеек, подросткам на 6 копеек в день.

Царское правительство расправлялось с бастующими рабочими вооруженной силой. Начались расстрелы рабочих — участников стачек. Так царские сатрапы учинили

чудовищную кровавую расправу с текстильщиками Костромы и Иваново-Вознесенска.

Положение текстильщиков в этих городах было особенно тяжелым. Даже номинальная заработная плата снизилась в сравнении с довоенным временем. Возросшая дороговизна ввергла рабочих в полную нищету. В начале июня забастовали рабочие большой льняной мануфактуры в Костроме. Они потребовали увеличения заработной платы на 25 процентов и выплаты квартирных по 3 рубля в месяц. Директор мануфактуры, он же городской голова Костромы, черносотенец Шевалдышев объявил, что о прибавке не может быть речи. Сам он потребовал от рабочих добровольного снижения заработной платы на 10 процентов. Возмущенные рабочие 5 июня собрались на Солдатской улице. К ним присоединились забастовавшие рабочие Бельгийской мануфактуры. Несколько тысяч рабочих и работниц направились к фабрике Зотовых, чтобы помочь рабочим этой фабрики выбраться на улицу, так как полиция охраняла выходы из корпусов. Но здесь по распоряжению губернатора полиция устроила засаду. Во дворе фабрики расположился большой отряд пеших и конных городовых, вооруженных винтовками и пулеметами. Когда рабочие подошли к закрытым воротам фабрики и несколько человек перелезло через забор, чтобы открыть их, полицмейстер Делигенский приказал открыть огонь. 12 убитых и 45 тяжело раненных остались на месте. Убегающих преследовали конные городовые, избивая их шашками и нагайками. Рабочие зотовской фабрики пытались вырваться из корпусов во двор, чтобы помочь своим товарищам, но двери оказались запертыми на замок, а по окнам стреляли городовые.

Весть о кровавом преступлении быстро облетела город. 6 июня с утра в знак протеста забастовали все предприятия Костромы. Рабочие решили торжественно похоронить убитых. Царское правительство, узнав об этом, объявило Кострому на военном положении, окружило фабрики плотной стеной войск. Начались аресты рабочих. Когда стало известно, что полиция собирается в ночь с 8 на 9 июня похоронить убитых тайком, несколько тысяч рабочих собралось у здания полиции, требуя выдачи трупов. Палач Делигенский приказал полицейским отрядам разогнать рабочих. Родственников, которые пришли про-

ститься с убитыми, допустили в морг, но тут же арестовали и отправили в тюрьму.

Расстрелами и массовыми арестами царские власти и буржуазия сломили сопротивление голодных рабочих и работниц Костромы. С 10 июня фабрики одна за другой возобновили работу.

Кровавой расправе подвергли царские палачи рабочих Иваново-Вознесенска.

Упорная стачечная борьба иваново-вознесенских текстильщиков вылилась в мае в многотысячную демонстрацию против дороговизны. К августу борьба настолько обострилась, что большевистские организации решили провести 10 августа всеобщую политическую стачку-демонстрацию под лозунгом: «Долой войну!», «Долой самодержавие!»

Охранке стало известно о предстоящей стачке. В ночь на 10 августа полиция арестовала 16 рабочих. В то же время командир расквартированного в городе 199 запасного пехотного полка Смирнов вывел за город ненадежные роты, а из инструкторов и унтер-офицеров сформировал особый батальон и приказал подготовиться к подавлению стачки.

С утра 10 августа стали останавливаться текстильные фабрики. К 12 часам дня забастовка приняла всеобщий характер. К 3 часам дня колонны бастующих рабочих с красными знаменами и пением революционных песен направились на общегородской митинг, организованный на территории кладбища. По окончании митинга многотысячная демонстрация заполонила улицы, ведущие к городской управе. Когда колонна демонстрантов подошла к приказному мосту, отряд жандармов, скрытый в вестибюле Покровских номеров, без всякого предупреждения открыл стрельбу по безоружным рабочим. Демонстранты бросились бежать, преследуемые залпами. В этот день царские палачи по их собственным подсчетам убили 28 и тяжело ранили 39 рабочих и работниц. В действительности число убитых и раненых было значительно больше, многие рабочие с тяжелыми ранениями умерли в больницах. Часть рабочих скрывала свои ранения, так как по приказу командующего Московским военным округом все раненые должны были быть арестованы и преданы военно-окружному суду.

Сотни рабочих были арестованы и отданы под суд. Кровавая расправа в Иваново-Вознесенске глубоко взволновала рабочие массы всей страны.

О расстреле ивановских рабочих стало известно в Москве в тот же день вечером. Комитет тверской группы к утру 11 августа выпустил листовку с призывом к стачкам протеста.

«...Кровавый туман застилает всю Россию. Смерть выглядывает из-за каждого угла. Гибнут миллионы на поле брани за дело своих палачей, тысячи падают, пронзенные пулями царских прислужников здесь на местах. Не остыли еще трупы костромских товарищей, как гулким эхом отдались по России выстрелы по рабочим в Иваново-Вознесенске. Сотни наших товарищей расстреляны за смелость возвысить свой голос над пучиною лжи и бесправия. Вчера Лена и Кострома, сегодня Иваново-Вознесенск, а завтра может быть Петроград и Москва. Нет ни малейшей уверенности, что участь ленских, костромских и иваново-вознесенских товарищей минет нас. Так, неужели, товарищи, будем спокойно смотреть, как из нашей среды вырывают одного товарища за другим, как царские палачи бесцеремонно расправляются с пролетариатом, как в корне стремятся уничтожить освободительное движение. Да можем ли мы молчать, когда затронуты наши жизненные интересы, когда пролетариат истекает кровью. Пролитая кровь наших товарищей взывает к мщению.

Заявим же мощно свой голос протеста против излюбленного правительством средства успокоения — расстрела. Да замолчат фабричные свистки, да высыплет весь рабочий народ на улицу, да увидит Москва грандиозную демонстрацию наших сил, да затрепещут царские палачи!» [1]

Листовка утром 11 августа распространялась на фабриках и заводах Москвы. На ряде предприятий, в частности на заводах «Динамо», Густава Листа, на заводе Посохина в селе Всехсвятском, рабочие пытались выйти на улицу, но усиленные наряды полиции, присланные ночью в рабочие районы, заняли все улицы и избивали собиравшихся рабочих.

---

[1] «Большевики в годы империалистической войны 1914—февраль 1917», 1939, стр. 64—65.

Газета «Вечерние известия» по указанию охранки напечатала провокационное сообщение о захвате войсками союзников Дарданелл. Зазвонили во всех церквах, призывая людей к торжественным молебствам, на улицах появились «патриотические» манифестации. На следующий день 12 августа это сообщение опровергла та же газета «Вечерние известия». Тем не менее провокация сыграла свою роль: острота впечатления от ивановских расстрелов была ослаблена. Все же на Тверской рабочие завода «Дукс» разогнали «патриотическую» манифестацию, измазали навозом портреты царя и водрузили их над городской уборной. Налетевший отряд городовых рабочие встретили градом камней. В результате столкновения шесть городовых были избиты и двое рабочих тяжело ранены сабельными ударами.

В Петрограде известие о расстреле ивановских текстильщиков было получено 12 августа утром.

В этот же день Петербургский комитет большевиков выпустил воззвание к рабочим с призывом к всеобщей стачке протеста. Многочисленные полицейские отряды и воинские части, патрулировавшие по улицам и вокруг предприятий, затруднили организацию всеобщей стачки. Но все же с 13 по 19 августа бастовало около 32 тысяч рабочих сорока трех предприятий. Рабочие Путиловской судостроительной верфи забастовали 18 августа и предъявили ряд политических требований: освободить от высылки 5 членов большевистской фракции Государственной думы, установить свободу печати, ввести всеобщее избирательное право до восемнадцатилетнего возраста включительно, отозвать казаков, охраняющих завод, и т. д. 19 августа директор верфи Куренков вывесил объявление об увольнении всех забастовавших рабочих и направил списки военнообязанных к воинскому начальнику. 20 августа начался новый набор рабочих. Чтобы успокоить остальных рабочих, дирекция объявила об увеличении военной прибавки на 18 копеек в день.

На ряде предприятий Петрограда стачки протеста против расстрелов в Костроме и Иваново-Вознесенске связывались с борьбой за повышение зарплаты, сокращение рабочего дня и т. д. Так, например, на Невском вагоностроительном заводе 17 августа рабочие объявили однодневную забастовку протеста против ивановских и ко-

стромских расстрелов, но 18 августа к работам тоже не приступили и потребовали увеличить заработную плату на 20 процентов. Администрация пошла на уступки, и стачка прекратилась. Такие же требования предъявили рабочие завода «Вулкан» и ряда других предприятий.

Кровавая расправа над текстильщиками, беспрерывные аресты передовых рабочих, особенно в Петрограде, растущая дороговизна все больше волновали рабочих, поэтому Петербургский комитет большевиков решил провести 2 сентября трехдневную всеобщую политическую стачку-демонстрацию, отложив даже назначенную на 3 сентября партийную конференцию.

2 сентября по призыву Петербургского комитета забастовали 150 тысяч петроградских рабочих, преимущественно металлистов. Начались политические демонстрации под лозунгом: «Долой войну», «Долой самодержавие», «Свободу арестованным рабочим», «Свободу рабочим депутатам Государственной думы». Вначале предполагалось, что стачка продлится три дня — с 2 по 4 сентября включительно, но когда на улицах был расклеен приказ генерала Фролова «о предании стачечников военно-полевому суду», Петербургский комитет призвал рабочих бастовать еще один день, чтобы подчеркнуть этим, что пролетариат не повинуется приказам генералов, а верен своему руководителю — большевистской партии. Стачка закончилась 5 сентября.

Эти события активизировали всех трудящихся. Началось брожение в армии. Солдаты и даже некоторые офицеры, побывавшие на фронте, особенно раненые, неприязненно относились к городовым и жандармам. Нередко на этой почве происходили столкновения между фронтовиками и полицией. Одна из таких стычек произошла 14 сентября в Москве, на Страстной площади. В стычке с полицией принимали участие собравшиеся солдаты и даже офицеры.

В конце сентября вспыхнула забастовка на заводе «Динамо». Рабочие потребовали увеличения заработной платы на 30 процентов и отмены обязательности сверхурочных работ. Полицейский надзиратель доносил полиции: «Доношу отделению, что 28 сентября в 3 часа дня на электрическом заводе «Динамо» забастовали 120 человек рабочих подносчиков материала, предъявив эконо-

мические требования. 29 утром все рабочие явились на завод в обычное время, часть из них приступила к работам, а часть требовала сделать на заводе собрание для обсуждения экономического вопроса. Но когда полиция собрания на заводе не разрешила, то все прекратили работу и потребовали фабричного инспектора, который в настоящее время обсуждает вместе с администрацией экономический вопрос всех рабочих, которых имеется 1 800 человек» [1].

Начальник Московской охранки Мартынов срочно запросил департамент полиции и морское министерство, как быть с динамовцами. Директор департамента полиции Молов в этот же день сообщил Мартынову: «Морской министр находит, что возникшая на заводе «Динамо» забастовка вряд ли прекратится, если рабочим не будет объявлен расчет и, как следствие сего, все военнообязанные завода не будут немедленно призваны в строй. Благоволите безотлагательно принять меры к прекращению забастовки. В случае упорства рабочих необходимо прибегнуть к мере, рекомендованной морским министром!» [2]

В начале октября администрация объявила о поголовном увольнении всех рабочих. 170 человек военнообязанных были направлены к воинскому начальнику; начались массовые аресты, многих рабочих занесли в черные списки. Эти списки были разосланы для сведения по другим предприятиям. Вновь принятые на завод рабочие в середине октября опять забастовали, предъявив прежние требования о повышении заработной платы и возвращении на завод всех ранее уволенных за забастовку рабочих.

К динамовцам присоединились рабочие заводов «Сальмсон» и «Гном».

На заводе «Динамо» объявили расчет всем рабочим. Большевики этого завода организовали нелегальный стачечный комитет для руководства стачкой на трех заводах. Стачечный комитет объявил завод «Динамо» под бойкотом и запретил рабочим вести индивидуально переговоры с администрацией.

---

[1] Архив революции за 1915 г., фонд М. О. О., дело № 225, л. 111.
[2] Там же.

«Согласно решения большинства мастерских и совета уполномоченных, — писал в воззвании к рабочим стачечный комитет, — извещаем всех товарищей рабочих завода «Динамо» о том, что никто не должен до субботы 17 октября с. г. работать, входить в завод и брать расчет. Те, кто не подчинится вышеуказанным решениям, будут считаться штрейкбрехерами, изменниками рабочему делу. Товарищей военнообязанных просим присоединиться ко всем рабочим.

Напоминаем товарищам военнообязанным, что солдаты, уже мобилизованные, и те отказались производить работу на заводе» [1].

Забастовки на заводе «Динамо» и раньше проходили почти беспрерывно, но такого упорства рабочих администрация и охранка не ожидали. Волей-неволей пришлось пойти на уступки.

18 октября появилось объявление, что все уволенные рабочие принимаются на работу. Зарплата увеличивается на 28 процентов. Возвращается на завод часть военнообязанных, направленных к воинскому начальнику.

Уступки не успокоили рабочих.

В ноябре динамовцы провели однодневную забастовку солидарности с бастовавшими московскими трамвайщиками.

Не менее упорная стачка произошла на Глуховской мануфактуре, продолжавшаяся с небольшими перерывами с 2 октября по 18 ноября 1915 года. Стачка захватила всех рабочих — около 12 тысяч человек. Стачкой руководила богородская большевистская группа. Здесь так же, как и на заводе «Динамо», был организован нелегальный стачечный комитет. Стачка на Глуховке подготовлялась богородской группой большевиков долго и упорно. Предполагалось совместное выступление с иваново-вознесенскими текстильщиками.

В ночь с 7 на 8 августа на фабриках Богородска, в частности на Глуховке, были разбросаны листовки с призывом к всеобщей политической стачке 10 августа. Охранка, узнав об этом, в ночь на 9 августа арестовала многих

---

[1] Рукописный отдел библиотеки Академии наук, папка № 151, л. 19.

рабочих. Прибывшие из Москвы жандармы заняли фабричные дворы, день и ночь патрулировали по улицам, разгоняя нагайками собиравшихся небольшими группами рабочих. Толчком к стачке послужило известие об избиении жандармами женщин в Павлово-Посаде, выразивших протест против дороговизны. 2 октября утренняя смена глуховцев, обсудив этот вопрос, решила бастовать. В 10 часов утра загудела фабричная сирена, и все рабочие прекратили работу. Женщины-работницы захватили машинное отделение и остановили машины. Директор фабрики Морозов объявил рабочим, что дирекция считает всех рабочих «бунтовщиками-преступниками», ни в какие переговоры вступать не будет, а обратится за содействием к законным властям. Угроза не испугала рабочих. Ночная смена к работам также не приступила.

Одновременно с забастовкой в Богородске начались голодные беспорядки. 4 октября, в 2 часа дня, многотысячная толпа, преимущественно женщины, собралась на базарной площади и начала громить продовольственные магазины. Вызванный для усмирения воинский отряд отказался стрелять в женщин, солдаты помогали даже женщинам ломать двери магазинов. Пришлось срочно заменить солдат казаками. Прибывший вечером этого же дня отряд казаков под командой есаула Байдалакова произвел несколько залпов по толпе.

Директор Глуховской мануфактуры Морозов надеялся, что рабочие испугаются казаков и приступят к работе, но надежды его не оправдались. Утром 6 октября все рабочие на фабрику пришли, но к работе опять не приступили и даже сняли с работы рабочих механического отдела, изготовлявших снаряды. Стачечный комитет разработал требования рабочих, заключавшие в себе шестьдесят пунктов. Главные из них: увеличение заработной платы на 30 процентов, уплата полностью за все время стачки, освобождение арестованных рабочих, отмена сверхурочных и ночных работ, отмена штрафов, выплата полного заработка больным за все дни их болезни. Вызванный на фабрику фабричный инспектор попытался уговорить рабочих приступить к работе, а затем вести переговоры через выбранных уполномоченных. Выступившие вперед женщины категорически заявили, что до тех пор, пока не будут удовлетворены все требования полностью,

никто к работам не приступит. 8 октября правление фабрики объявило расчет всем рабочим, а фабрику закрыло на неопределенный срок. Завязалась жестокая борьба. Администрация начала новый набор рабочих, стачечный комитет объявил фабрику под бойкотом, и даже безработные не шли работать на фабрику. Упорство забастовщиков, особенно активная роль в забастовке женщин, приводило в исступление директора фабрики Морозова.

В ночь на 4 ноября по просьбе Морозова полиция арестовала 40 рабочих, в их числе двух особенно популярных среди рабочих женщин-ткачих — Марию Ивановну Кроликову и Прасковью Никитичну Сухову.

Возмущение рабочих после ареста товарищей достигло крайнего предела. Между тем в город по ночам прибывали все новые и новые отряды жандармов.

Большевистская группа Богородска приложила все усилия к тому, чтобы предотвратить подготовлявшуюся кровавую расправу. Стачечный комитет обратился к рабочим с воззванием не поддаваться на провокацию, не вступать в борьбу с полицией, а продолжать забастовку. «По ходатайству администрации перед жандармскими властями, — говорится в воззвании, — арестованы наши уполномоченные. Этими арестами компания рассчитывает вызвать нас на столкновение с вооруженной силой и тем подвергнуть избиению нас, безоружных рабочих, она думает, что мы соберемся и силой потребуем освобождения арестованных за наши общие интересы товарищей.

Товарищи! Пусть компания ошибается в своих, для нее выгодных, расчетах. Мы не пойдем безоружные против вооруженных, мы не подвергнем себя риску быть расстрелянными как куропатки, мы остановимся на одном уже принятом раньше своем решении: не пойдем на работу до тех пор, пока не удовлетворят наши требования и не освободят всех арестованных товарищей. Нас будут принуждать силой брать расчет, будут разносить по квартирам и подгонять к расписке. Берите деньги, но расписки не давайте никакой, вывесят на воротах фабрик объявление о найме рабочих не ходите тогда. Пусть более твердые и решительные из нас удерживают более слабых и колеблющихся от такого поступка, ибо этот поступок

ничего, кроме плохого, не принесет не только нам самим, но и детям нашим» [1].

Эти простые слова нелегального воззвания стачечного комитета глубоко проникали в сознание рабочих; рабочие не поддавались на провокацию, продолжали стойко держаться. Но борьба была неравной. Силы рабочих истощились, и они стали возвращаться на фабрику. 16 ноября стачка прекратилась.

Стачечная борьба рабочего класса в 1915 году убедительно свидетельствовала о великой мобилизующей и организующей роли большевистской партии. Царизму и буржуазии совместно с социал-шовинистами не удалось сломить революционный дух российского пролетариата, воспитанного и руководимого большевистской партией. Несмотря на большие трудности, большевики умело использовали созданную войной обстановку для нового подъема рабочего движения, для развития революции.

«Классовый мир», которого так жаждала и добивалась империалистическая буржуазия, не наступил. Стачки рабочих влияли на солдат, революционизировали их, держали самодержавие и буржуазию в напряженном состоянии, расшатывали устои, ослабляли позиции империализма. Вместе с тем подъем революционного движения в России в 1915 году имел громадное международное значение. Сам факт стачечной борьбы в России ослаблял позиции международного империализма.

На опыте поднимающегося в условиях войны рабочего движения в России международный пролетариат учился искусству борьбы за превращение войны империалистической в войну гражданскую, за свержение своих империалистических правительств.

С подъемом стачечной борьбы началась активизация деятельности профсоюзов и больничных касс, которые кое-где устояли под ударами полицейских репрессий.

---

[1] Архив революции за 1915 г., делопроизводство 4, № 42, ч. 2, л. 140.

Глава пятая

РАБОТА БОЛЬШЕВИКОВ В ПРОФСОЮЗАХ И БОЛЬНИЧНЫХ КАССАХ

Массовые аресты профсоюзных работников и уничтожение царским правительством в первые месяцы войны почти всех профессиональных союзов ослабили силы профессионального движения. Большевистской партии пришлось приложить немало усилий для его возрождения.

В период первой мировой империалистической войны большевистская партия имела уже стройную, всесторонне разработанную теорию профессионального движения, проверенную на опыте первой буржуазно-демократической революции в России и в последующие годы борьбы с царизмом и оппортунизмом.

Основоположники и вожди большевизма В. И. Ленин и И. В. Сталин еще в период борьбы за создание марксистской партии нового типа разработали все основные положения теории профессионального движения применительно к условиям империализма. В. И. Ленин настойчиво доказывал, что «Профессиональная борьба — одно из постоянных, всегда при капитализме нужных, во все моменты обязательных проявлений всего рабочего движения» [1].

В. И. Ленин и И. В. Сталин учили, что профессиональные союзы — массовые организации рабочего класса. Они должны объединять по производственному принципу всех

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. VIII, стр. 284.

рабочих и служащих независимо от пола, расы, национальности, религиозных и политических убеждений.

Профсоюзы призваны руководить борьбой рабочих за повышение заработной платы, снижение рабочего дня, улучшение условий труда и быта. Однако профсоюзы не могут и не должны ограничиваться экономической борьбой. Они обязаны политически воспитывать рабочих, связывать рабочие массы с революционной марксистской партией, бороться за свержение капитализма и за установление диктатуры пролетариата.

И. В. Сталин в статье «Классовая борьба» дал классическое определение роли и задач профсоюзов в классовой борьбе пролетариата в условиях капитализма, их взаимоотношений с революционной партией рабочего класса. И. В. Сталин указывает, что у пролетариата кроме профессиональных интересов — повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. п. — имеются еще общеклассовые интересы, заключающиеся в социалистической революции, в построении социализма. Но прежде чем совершить социалистическую революцию, пролетариат должен завоевать политическое господство. Для этого необходима политическая борьба и своя политическая партия, которая будет идейно руководить политическим движением.

Профессиональные союзы — организации беспартийные. Но они независимы от политической революционной партии рабочего класса только в том смысле, что они имеют собственные кассы, собственные руководящие органы, проводят свои собственные съезды, то-есть независимы от партии в финансовом и организационном отношениях. Формально профсоюзы не обязаны подчиняться решениям политических партий, но для того, чтобы не дать возможности представителям мелкобуржуазных и буржуазных партий вносить в профсоюзы свои убеждения, роль идейного руководителя профессиональных союзов должна осуществлять политическая партия рабочего класса.

«До сих пор, — пишет И. В. Сталин, — такую роль выполняет **Российская соц.-дем. рабочая партия** и, следовательно, задача профессиональных союзов состоит в том, чтобы принять её идейное руководство.

Как известно, это так и есть на самом деле» [1].

Основоположники большевистской партии показали, что профсоюзы обладают силой и жизненностью только в том случае, если ими руководит революционная партия, без такого революционного руководства со стороны марксистской партии профсоюзы превратятся в придаток буржуазных организаций, станут пособниками буржуазии.

Идеи В. И. Ленина и И. В. Сталина послужили теоретической базой для возникновения революционного профессионального движения в России и глубоко повлияли на развитие профсоюзов в других капиталистических странах.

К концу XIX столетия в крупных капиталистических странах профессиональное движение достигло значительных размеров. Однако оно носило большей частью узкоцеховой тред-юнионистский характер. Буржуазия отдавала себе отчет в том, какой мощной силой явятся профсоюзы, если они объединят по производственному принципу широкие массы рабочих и под руководством революционной партии поведут экономическую и политическую борьбу против капитализма. Поэтому буржуазия всеми мерами стремилась подчинить профсоюзы своему влиянию, превратить их в орудие своей политики. Наиболее откровенными агентами буржуазии в среде рабочего класса выступали вожди английских профсоюзов (тред-юнионов). Английские тред-юнионы возникли в начале девятнадцатого века, значительно раньше партии, когда рабочий класс только формировался и не осознал еще своих классовых задач. Возникновение тред-юнионов было значительным шагом в борьбе английского рабочего класса за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и улучшение условий труда. Английская буржуазия обрушила на тред-юнионы град репрессий и провела в парламенте закон, запрещающий деятельность тред-юнионов. В течение многих лет английские рабочие упорно боролись за свободу своих организаций. В 1824 году под давлением рабочих английский парламент вынужден был разрешить свободное существование тред-юнионов. Однако английская буржуазия, особенно ловкая в проведении политиче-

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 284.

ских комбинаций, решила обходными путями обезвредить тред-юнионы и подчинить их своему идейному влиянию. За счет сверхприбылей от грабежа колоний она стала подкупать верхушку рабочего класса более высокой заработной платой, щедро отпускала деньги вождям тред-юнионов, которые за это усердно проводили буржуазную политику в среде рабочего класса.

Через подкупленных вождей тред-юнионов буржуазия подчиняла рабочий класс своему идеологическому влиянию.

Великие учителя пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс подвергали уничтожающей критике и разоблачали предательскую деятельность подкупленных буржуазией вождей английских тред-юнионов. Маркс в письме к Либкнехту 11 февраля 1878 года писал:

«Благодаря периоду коррупции, наступившему с 1848 г., английский рабочий класс был мало-по-малу охвачен все более и более глубокой деморализацией и дошел, наконец, до того, что стал простым придатком «великой либеральной партии», т. е. партии своих собственных *поработителей,* капиталистов. Руководство английским рабочим классом перешло целиком в руки продажных вождей тред-юнионов...» [1].

Под преступным руководством профсоюзных вождей тред-юнионы забыли свои обязанности передового отряда рабочего класса. Они преследовали узкопрофессиональные цели, ориентировались на стихийное рабочее движение.

Политика тред-юнионизма стала нарицательным именем самого отголтелого оппортунизма в рабочем движении. Тред-юнионисты отказались не только от социалистических задач пролетариата, но и от классовой борьбы вообще. Подкупленные и развращенные буржуазией, вожди тред-юнионов шли на поводу у буржуазных партий при разрешении коренных экономических и политических вопросов рабочего движения.

В наше время вожди тред-юнионов — английские лейбористы, — так же как и другие продажные правые социалисты во всех капиталистических странах, открыто предают интересы рабочего класса, раскалывают мировое

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, стр. 381.

профессиональное движение, стараются превратить массовые организации пролетариата — профсоюзы — в органы, обслуживающие интересы англо-американских империалистических поджигателей новой войны против Советского Союза и стран народной демократии.

В России носителями идеологии тред-юнионизма выступили в конце XIX столетия «экономисты». Они проповедовали стихийность в рабочем движении, отрицали необходимость создания самостоятельной рабочей партии и ее руководящей роли в классовой борьбе пролетариата, отказывались от борьбы за свержение самодержавия и буржуазии. Мелкая, разрозненная стачечная борьба за «пятачок» — вот идеал «экономистов».

В книге «Что делать?» Ленин разгромил «экономизм» и сформулировал задачи революционной социал-демократии в области рабочего движения в целом и профессионального движения в частности. Ленин писал: «...наша задача, задача социал-демократии, состоит в *борьбе со стихийностью,* состоит в том, чтобы *совлечь* рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии» [1]. И. В. Сталин в своей замечательной брошюре «Коротко о партийных разногласиях» и в статье «Ответ социал-демократу» решительно отстаивал и развивал гениальные ленинские идеи.

В статье «Протест российских социал-демократов» В. И. Ленин разоблачил до конца буржуазный характер взглядов «экономистов», сформулировал положение о соотношении между экономической и политической борьбой и определил место и роль профсоюзов в общеклассовой борьбе пролетариата. Ленин указывал, что профессиональные союзы «...не должны сторониться от общего политического и социального движения рабочего класса; их цели не должны быть «узкими», а должны стремиться к всеобщему освобождению угнетенных миллионов рабочего люда» [2].

«Экономизм», подвергнутый в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина уничтожающей критике, как политическое течение не получил в России широкого распространения

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 5, стр. 356.
[2] Там же, т. 4, стр. 158—159.

и вскоре потерял всякое значение. Однако буржуазная идея тред-юнионизма оказалась живуча. После разгрома «экономистов» их преемниками стали меньшевики. Они выступали против большевистской теории построения профсоюзов, стремясь вырвать профсоюзы из-под влияния большевиков, проповедовали «нейтральность» профсоюзов. Под флагом «нейтральности» меньшевики стремились ограничить деятельность профсоюзов мелкой экономической борьбой в рамках существующего строя, оторвать профсоюзы от революционной партии рабочего класса и поставить их в зависимость от буржуазных партий. В. И. Ленин в статье «Нейтральность профессиональных союзов» вскрыл корни и буржуазный характер меньшевистской теории «нейтральности». «Классовые интересы буржуазии, — писал Ленин, — неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отдалить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений» [1].

В профсоюзах индустриальных рабочих меньшевики не имели влияния. Им удалось добиться некоторого успеха лишь в профсоюзах полуремесленных слоев рабочих. Тем не менее тред-юнионистская теория и практика меньшевизма таила большую опасность для рабочего движения. Этим и объясняется та страстность, с которой В. И. Ленин и И. В. Сталин вели борьбу против меньшевиков, разоблачая их как агентов буржуазии и требуя от большевиков повседневной кропотливой работы в профсоюзах.

Революционную линию большевиков в профсоюзном движении подтвердил V Лондонский съезд РСДРП (1907 год). Меньшевики и здесь пытались защищать «нейтральность» профсоюзов. Но съезд принял большевистскую резолюцию, в которой указывалось, что партия должна добиться идейного руководства профессиональными союзами.

Большевики в непримиримой борьбе с меньшевиками и другими врагами рабочего класса отстояли ленинско-сталинскую теорию профессионального движения. Накануне войны профессиональные союзы объединялись вокруг большевистского знамени.

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 13, стр. 428.

Таким образом, самая характерная черта в развитии профсоюзов нашей страны, в отличие от профессиональных союзов Запада, заключается в том, «что они возникли, развивались и окрепли после партии, вокруг партии и в дружбе с партией» [1]. Этим и объясняется, что профсоюзы в России с первых же дней своего существования превратились в боевые организации рабочего класса, умело сочетали борьбу за удовлетворение экономических требований рабочего класса с политической борьбой против царизма и буржуазии.

В условиях царской России, где господствовало политическое бесправие, профсоюзы не могли превратиться в массовые широкие организации. С 1905 года до февральской революции 1917 года профессиональные союзы в нашей стране были организациями неоформленными, зачаточными. Поэтому они не могли взять на себя руководство экономической борьбой рабочего класса. Они помогали большевистской партии, служили опорными пунктами, прикрытием для нелегальных большевистских организаций. «Профсоюзов не было еще у нас, — указывает И. В. Сталин, — когда партия и её организации руководили уже не только политической, но и экономической борьбой рабочего класса, вплоть до мелких и мельчайших забастовок. Этим, главным образом, объясняется тот исключительный авторитет, которым пользовалась наша партия среди рабочих до февральской революции в сравнении с теми зачатками профсоюзов, которые существовали у нас тогда там и сям. Настоящие профсоюзы появились у нас только после февраля 1917 года» [2].

Тем не менее и до февраля 1917 года большевистская партия уделяла большое внимание развитию профессионального движения, использовала малейшую возможность, чтобы организовать профсоюзы, стремилась не допустить к руководству ими агентов буржуазии — меньшевиков и других оппортунистов.

Преобладающее большинство профессиональных союзов в годы первой мировой войны шло за большевистской партией, связывало с рабочим классом нелегальные большевистские организации.

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 7, стр. 104.
[2] Там же, стр. 103.

Оборонцы пытались подчинить профсоюзы своему влиянию.

В одном из посланий в Государственную думу с просьбой о покровительстве профсоюзам оборонцы писали, что профсоюзы, объединяя рабочие массы, без сомнения способны будут уничтожить наблюдающийся стачечный хаос и ввести конфликты между предпринимателями и рабочими в определенное русло.

Меньшевики убеждали царское правительство разрешить им организацию профсоюзов как средство для борьбы со стачечным движением.

Меньшевиков поддерживали фабриканты и заводчики. Ходатаем за «свободу» рабочих организаций выступил также Московский биржевой комитет. В письме на имя министра торговли и промышленности биржевой комитет, пугая царское правительство революционными выступлениями рабочих, просил разрешить создание рабочих легальных организаций под руководством надежных людей, но рабочие не шли в меньшевистские профсоюзы.

Оживление деятельности профсоюзов началось с весны 1915 года в связи с подъемом стачечной борьбы рабочего класса. Официальной статистики о количестве профсоюзов и численности их членов в годы войны не было. В регистрационных книгах «губернских присутствий по делам общественных организаций» за 1915—1916 годы числится около двух тысяч профессиональных обществ. Создается впечатление, что рабочий класс имел в годы войны широкую сеть легальных организаций. На самом деле под рубрикой «Профессиональные общества» регистрировались союзы владельцев трактиров, извозных промыслов, различные общества мастеровых, ремесленников, честных тружеников и т. п., создаваемые черносотенцами. О характере этих «рабочих обществ» можно судить по типовому уставу «общества ремесленников строительных работ», разработанному черносотенным «союзом архангела Михаила». В уставе имеются такие пункты: «общество имеет целью объединить русских православных, преданных самодержавному императору, ремесленников по строительным работам» [1]. Дальше в уставе предусматривается, что члены общества ставят своей задачей все-

[1] Архив профсоюзов, фонд 10, дело 131, л. 9.

мерно защищать монарха и существующий строй, бороться со злонамеренными личностями и т. п. Черносотенцы не питали надежд, что им удастся привлечь в эти общества индустриальных рабочих. Поэтому они делали ставку на отсталые слои полуремесленных рабочих, широко вербовали деклассированные элементы. Буржуазия и особенно купечество охотно выступали учредителями этих обществ и щедро отпускали им деньги. Так, например, казанское «общество ремесленников» выдавало своим безработным членам в 1915 году пособие по 25 рублей в месяц, то-есть не менее среднего заработка квалифицированного рабочего. Московское общество «честных тружеников» получило за первый год войны пожертвований от различных лиц свыше 100 тысяч рублей и выдавало пособие своим членам по 30 рублей в месяц.

Зарегистрировано около тысячи так называемых «хозяйских обществ взаимопомощи служащих и приказчиков торговых фирм». В эти общества входили не только служащие и приказчики, но и хозяева. Последние считались членами-соревнователями, вносили большие единовременные взносы и были фактически руководителями этих обществ. «Хозяйские общества взаимопомощи» были на хорошем счету у охранки. Она не препятствовала их деятельности, заботилась, чтобы губернские присутствия по делам общественных организаций регистрировали их и утверждали уставы без проволочек.

Под рубрикой «Рабочие организации» зарегистрировано немало различных «культурных рабочих обществ», создаваемых наиболее реакционной частью буржуазной интеллигенции. Эти общества ставили своей задачей отвлечь рабочий класс от революционной борьбы путем пропаганды буржуазных вкусов, подражания в одежде, в манерах, в поведении и т. п. «интеллигентным слоям общества».

В Москве, например, действовало общество «маленький человек», организованное сыном известного реакционера Суворина. Общество призывало женщин-работниц не заниматься политикой, так как это их старит и лишает женской миловидности. Мужчинам рекомендовалось отказаться от стачек, так как они не могут принести успеха, а заняться самоусовершенствованием, попристальней приглядываться к жизни культурных людей и стараться во

всем им подражать. Все эти общества были чужды рабочему классу и не находили сторонников в его среде.

На основании регистрационных книг, годовых отчетов легальных профсоюзов, отчетов фабрично-заводской инспекции и горного надзора, донесений охранки и других материалов можно считать, что на 1 января 1916 года действовало в различных городах свыше ста нелегальных и легальных подлинных рабочих профсоюзов, а также два нелегальных центральных бюро (советы профсоюзов) — в Москве и в Киеве.

В Петрограде особым распоряжением царского правительства профсоюзы были закрыты до момента окончания войны. Большую нелегальную работу проводили инициативные группы закрытых профсоюзов металлистов, текстильщиков, печатников, булочников и кондитеров, строителей, торгово-промышленных служащих. Некоторую деятельность проявляли полулегальные профессиональные общества служащих печатных заведений, деревообделочников, работников медико-санитарного дела, фельдшеров и акушеров и ветеринаров-фельдшеров.

В Москве и в других городах профсоюзы формально могли существовать легально. Но местные власти, на основании правил о профессиональных обществах, изданных еще в 1906 году, по своему усмотрению ограничивали, а иногда и совсем приостанавливали деятельность профсоюзов на неопределенное время. В Москве действовали легальные профсоюзы металлистов, текстильщиков, обувщиков, золото-серебряников, фарфоро-стекольщиков, архитектурно-строительных рабочих, кондитеров, профсоюзы рабочих печатного труда, торгово-промышленных и других служащих, официантов, поваров, хлебопеков, портных и другие. В Киеве существовали профсоюзы металлистов, деревообделочников, печатников, портных, булочников, сапожников, маляров, ювелиров. В Ростове-на-Дону — союз металлистов, трамвайщиков, печатников, электриков, деревообделочников, служащих в магазинах, булочников и кондитеров, бухгалтеров и конторщиков, кожевников, служащих строительного товарищества, рабочих мельниц. В Саратове — профсоюз деревообделочников, металлистов, портных. В Самаре — союз портных («Игла»), приказчиков, мукомолов. В Баку — союз печатников, портных, домашней прислуги, приказчиков, контор-

щиков, кроме того в Баку развивал большую деятельность нелегальный союз водников Каспия. В Елизаветграде — союз металлистов, печатников, конторщиков и бухгалтеров, приказчиков торговых заведений. В Луганске — союз рабочих-металлистов завода Гартмана. В Туле — союз металлистов, приказчиков. В Бахмуте — союз печатников, служащих контор. В Пензе — союз рабочих по металлу. В Болхове — союз кожевников, торгово-промышленных служащих. В Витебске — союз печатников, приказчиков. В Екатеринославе — союз печатников.

Существовали профсоюзы в Прибалтике и в других местах. Таким образом, в 1915 году благодаря огромной работе большевиков были восстановлены профсоюзы во многих городах страны.

Наименьшее количество профессиональных союзов было организовано среди рабочих основных отраслей промышленности. У металлистов имелись небольшие профсоюзы в Петрограде (инициативная группа), в Москве, Киеве, Ростове-на-Дону, Саратове, Елизаветграде, Луганске, Туле и Пензе. У текстильщиков было всего два профсоюза — в Москве и Петрограде (инициативная группа). Горняки и железнодорожники вообще не имели профсоюзов. Объясняется это тем, что царское правительство, стремясь подавить рабочее движение, расправлялось в первую очередь с профсоюзами индустриальных рабочих, ликвидировало существовавшие, закрывало все пути для возникновения новых.

Профессиональные союзы в годы мировой войны были организациями зачаточными, местными, часто действовали на одном только предприятии, объединяли незначительное количество членов. По данным ежегодных отчетов легальных профсоюзов, представляемых в обязательном порядке в присутствия по делам общественных организаций, на 1 января 1916 года было во всех профсоюзах только 4 637 членов, платящих членские взносы, а на 1 января 1917 года — 7 220 членов. Особенно мало было членов в профсоюзах индустриальных рабочих. Так, например, Московский профсоюз текстильщиков в отчете за 1915 год показал 15, а за 1916 год — 47 членов. В отчете Киевского профсоюза металлистов числится в 1915 году 12 членов, а в отчете Пензенского профсоюза металлистов за это же время — только 5 членов. В действитель-

ности членов в профсоюзах было несколько больше. Чтобы не привлечь внимания охранки, правления профсоюзов при составлении годовых отчетов скрывали общее количество членов, а включали только членов правления, которые официально регистрировались в полиции. Многие рабочие, особенно военнообязанные, состояли членами профсоюзов, аккуратно платили членские взносы, но, боясь преследования со стороны администрации, скрывали свое членство.

Делегаты с фабрик на заседании правления Московского профсоюза текстильщиков 27 мая 1916 года говорили, что администрация фабрики Прохорова преследует тех рабочих, которые состоят членами профсоюза. На фабрике Мещерина фабричная администрация абсолютно не считается с рабочими, заставляет их без всяких оговорок выполнять любую работу. Рабочие, вступающие в пререкания с администрацией, немедленно увольняются. На фабрике Константинова рабочих, состоящих членами профессионального союза, увольняют с фабрики [1]. Такой же произвол царил и на других предприятиях. Профсоюзы служащих, приказчиков и рабочих второстепенных отраслей промышленности, где сказывалось сильнее влияние оборонцев, подвергались меньшим репрессиям. В таких профсоюзах членов было больше. Так, например, Киевский союз печатников имел на 1 января 1916 года 1 087 членов; Одесский союз портных и модисток на это же время — 1 900 членов. Но такие организации были исключением. В большинстве случаев профсоюзы представляли небольшую группу активистов.

Несмотря на небольшое количество членов, неоформленность, профсоюзы играли большую роль в революционной борьбе рабочего класса.

В гениальной работе «Что делать?» В. И. Ленин указывал, что в условиях царизма оформление профсоюзов — регистрация их членов, выдача билетов, взимание взносов, отчеты и выборы и т. п. — совершенно немыслимо. В. И. Ленин тогда выдвинул идею «создания организации без членов» — законспирированного руководящего ядра профсоюзов, состоящего из самых надежных, опыт-

[1] Рукописный отдел библиотеки Академии наук. Книга протоколов союза мануфактуристов.

ных и закаленных рабочих. Это ядро, имеющее своих доверенных людей в главных районах и связанное по всем правилам конспирации с революционной партией, вполне сможет при широком содействии масс выполнить все функции, возложенные на широкую профессиональную организацию. «Только таким путем, — указывал В. И. Ленин,—и можно достигнуть *упрочения* и развития, вопреки всем жандармам, *социал-демократического* профессионального движения» [1]. Вместо членских взносов В. И. Ленин рекомендовал ввести марки со штемпелем данной узкой организации или просто проводить среди рабочих сборы денег, отчеты по которым печатать с известным условным паролем в нелегальной газете. Эти слова В. И. Ленина полностью применимы к деятельности профсоюзов и в годы первой мировой войны, когда полицейский террор достигал неслыханных размеров. Нелегальные и даже большинство легальных профсоюзов были по существу «организациями без членов», но они успешно выполняли важнейшую функцию — связывали партию с массами. Во многих союзах были свои группы большевиков. Большевистская группа при профсоюзе портных в Москве, например, насчитывала 35 человек, при профсоюзе торгово-промышленных служащих — 20 человек [2].

Профсоюзы пользовались большим авторитетом среди рабочих. Влияние профсоюзов распространялось на широкие массы рабочих, не состоящих членами профессиональных организаций.

Возможности для легальной работы профсоюзов были крайне ограничены. Если профсоюз начинал проявлять энергичную деятельность, то активисты подвергались немедленному аресту. Летом 1915 года небольшая группа рабочих-металлистов Петрограда возбудила ходатайство перед «присутствием по делам общественных организаций» о разрешении открыть общество рабочих по обработке металла. Чтобы получить разрешение на открытие общества, учредители по рекомендации Петербургского комитета большевиков не применили даже слов «профессиональный союз», а писали в ходатайстве, что хотят организовать общество по организации развлечений для ра-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 5, стр. 428.

[2] «Большевики в годы империалистической войны 1914—февраль 1917», 1939, стр. 218.

бочих-металлистов. Был представлен на утверждение безобидный устав. После долгих проволочек устав был утвержден. За короткий срок существования общества в него записалось более 3 тысяч членов, на заводах были выделены уполномоченные. Быстрое развитие общества и его влияние на рабочих встревожило охранку, и все учредители были арестованы, а общество закрыто. Такая же участь постигла и Петроградский союз строителей, который начал легализироваться и проявлять активную деятельность с весны 1915 года. Активисты союза были арестованы, имущество конфисковано, уцелевшая от ареста небольшая группа продолжала работу нелегально. Собрания группы происходили конспиративно на Волковом кладбище.

В конце 1914 года было арестовано большинство членов правления Московского профсоюза печатников. Мотивируя аресты и требуя закрытия профсоюза, полиция сообщала губернатору, что при обыске в правлении найдены большевистские листовки и что «это общество является рассадником революционных идей в среде рабочих. Даже в настоящее время, время всеобщего подъема, это общество всячески стремится провести в жизнь предначертания революционных партий»[1]. Союз не был закрыт. Но в его правлении обосновались оборонцы.

В апреле 1915 года произошли массовые аресты в московских профсоюзах. Было арестовано свыше 100 членов правлений различных профсоюзов. Аресты профсоюзных работников продолжались повсеместно.

Легальным профсоюзам иногда удавалось получать разрешение на созыв общих рабочих собраний. Повестка дня таких собраний предварительно просматривалась и утверждалась полицией. На собрании обязательно присутствовал околоточный надзиратель, который следил за каждым словом выступавших и имел право немедленно закрыть собрание.

2 февраля 1916 года состоялось общее собрание Киевского профсоюза деревообделочников. Собралось 35 человек. Околоточный надзиратель закрыл собрание на том основании, что докладчик допускал недозволенные выражения, как-то: «рабочий класс», «организация», «не-

[1] «В годы империалистической войны», 1924, стр. 81.

обходимо сплотиться для борьбы» и т. п. По таким же мотивам было закрыто общее собрание Московского профсоюза металлистов (17 июля 1916 года). Профсоюзы не имели права допускать посторонних лиц на заседания своих правлений, общаться с рабочими других профессий или не членами союза, собирать без разрешения властей общие собрания, участвовать в стачках и тем более руководить стачками и т. д. Несмотря на все эти ограничения, большевики сумели в полной мере использовать профсоюзы в качестве опорных пунктов для ведения политической работы в массах.

Это особенно наглядно видно на примере деятельности профсоюза металлистов на заводах Гартмана в Луганске. В этом профсоюзе насчитывалось всего около ста членов-активистов, но он все же служил прикрытием для нелегальной большевистской организации и был связующим звеном между партией и массами.

Особенно большую работу провел профсоюз в связи с организацией большевиками общегородской стачки в Луганске летом 1916 года.

Охранка понимала значение профсоюзов в рабочем движении и поэтому требовала закрыть на время войны все профсоюзы, но царское правительство на это не решалось. Оно думало ликвидировать их деятельность массовыми арестами большевиков.

Профсоюзы в своей работе прибегали к различным способам конспирации. Часто проводились собрания под видом загородных увеселительных прогулок. Об одной такой прогулке-экскурсии в Измайловском зверинце 11 мая 1915 года, организованной Московским союзом рабочих по обработке стекла и фарфора, сообщалось: «После прогулки за чаем был произведен сбор денег в пользу арестованных перед днем Первого мая. Затем состоялось нелегальное собрание представителей местного социал-демократического подполья. На этом собрании была прочитана гектографированная листовка под названием «Война и российская социал-демократия», являющаяся перепечаткой из № 33 «Социал-демократа». По прочтении этой листовки говорили о необходимости работы в подполье для сплочения разрозненных пролетарских масс, так как использование в этом отношении легальных возмож-

ностей ввиду непрекращавшихся репрессий невозможно. Указывалось также, что некоторыми наиболее видными и активными социал-демократами уже приняты шаги к созданию особой центральной руководящей группы, которая временно будет исполнять роль Городского комитета» [1].

Летом такие экскурсии и прогулки за город устраивались профсоюзами не только в Москве, но и в Киеве, Одессе, Баку и в других городах. Начальник Самарского губернского жандармского управления 26 октября 1915 года сообщал в министерство внутренних дел:

«...Решив восстановить партийную работу и опасаясь таковую вести в городе, оставшиеся социал-демократы большевики, преимущественно высланные из столиц и других губерний, с 24 мая сего года приступили к устройству на берегу реки Татьянки целого ряда собраний под видом экскурсий членов профессионального общества «Игла». На подобных собраниях, состоявшихся 24 и 31 мая, 14 и 28 июня... [один оратор]... указал, что Российская социал-демократическая рабочая партия решила объявить войну войне, призывал начать агитацию против войны...» [2].

15 февраля 1916 года в помещении Московского профессионального общества рабочих-металлистов состоялось совещание большевиков — рабочих московских заводов. На этом совещании было решено создать особую большевистскую группу, которая руководила бы всеми политическими выступлениями металлистов. Совещание также постановило начать выпуск нелегальных листовок. По доносу 5 членов правления были арестованы и присуждены к четырем годам каторжных работ. Но революционная работа союза не прекратилась. 4 и 11 марта снова состоялись заседания правления, на которых обсуждалась первомайская листовка и способы ее распространения.

Под прикрытием профсоюзов большевикам удавалось время от времени издавать легальные журналы. Так, например, осенью 1916 года группа большевиков в Москве сумела организовать издание журнала «Голос печатного труда». Официально журнал считался органом профсоюза

---

[1] М. О. архив за 1915 г., дело № 499, л. 2.

[2] «Большевики в годы империалистической войны 1914 — февраль 1917», 1939, стр. 191.

печатников. Московский градоначальник, зная, что в профсоюзе печатников было сильно влияние меньшевиков, дал разрешение на издание журнала. Вышло три номера — 15 ноября, 23 декабря 1916 года и 30 января 1917 года. Заслуга журнала заключается в том, что он не замкнулся в рамки чисто профессиональных вопросов и, преодолевая цензурные рогатки, вел борьбу с социал-шовинистами. Журнал был большевистским легальным органом.

В Петрограде в 1915 году вышло два номера журнала «Текстильщик». Журнал издавался инициативной группой Петроградского профсоюза текстильщиков. Журнал широко освещал рабочую жизнь, в отделе хроники помещал многочисленные корреспонденции с фабрик и заводов. В Риге в 1915 году вышло два номера журнала «Рабочий печатного дела». Журнал считался органом Рижского профсоюза печатников, руководила же журналом большевистская группа этого профсоюза.

Профсоюзы не могли открыто руководить стачечной борьбой рабочих. За участие в стачке профсоюз немедленно закрывался, а члены правления подвергались аресту. Большевистская организация, оберегая профессиональные союзы от разгрома, создавала для руководства стачками нелегальные стачечные комитеты. В условиях жесточайших репрессий отдельный профсоюз не мог организовать стачечную борьбу в широких размерах, но он мог принести большую пользу делу рабочего класса, служа прикрытием для нелегальных большевистских организаций.

По царским законам профсоюзы не имели права объединяться и поддерживать связь между собой. Поэтому межсоюзные объединения могли существовать только нелегально. В таком положении находилось Московское центральное бюро профсоюзов, созданное Московским комитетом большевиков еще летом 1905 года. Накануне войны его члены были арестованы, и оно перестало существовать. В сентябре 1914 года группа большевиков профсоюза строителей взяла на себя инициативу воссоздания Центрального бюро, для чего было решено войти в соглашение с другими профсоюзами. В конце сентября состоялось первое организационное совещание. На совещании участвовали представители от десяти профсоюзов: булочников, кондитеров, золото-серебряников, текстильщиков, металлистов и других. Все участники совещания

вошли в состав Центрального бюро. В дальнейшем заседания Центрального бюро проходили под видом культурно-просветительной комиссии сначала клуба «Образование», а затем «Общества народных развлечений».

В октябре 1914 года в Центральном бюро оформилась группа большевиков из 7 человек, которая занялась созданием большевистских групп в московских профсоюзах. В конце 1914 года в состав Центрального бюро проник провокатор. Начались частые провалы. Однако большевики каждый раз восстанавливали деятельность бюро. С небольшими перерывами Центральное бюро существовало до свержения самодержавия. Оно проводило большую нелегальную работу среди рабочих. По его инициативе устраивались экскурсии рабочих за город, проводился сбор денег на нужды нелегальной большевистской печати, распространялись нелегально листовки, проводились различные революционные мероприятия.

Аналогичную работу проводило Киевское центральное бюро профсоюзов, созданное большевиками в начале войны. Заседания его проходили в научно-художественном клубе под видом занятий культурно-клубной комиссии.

Таким образом, профсоюзы, используя все возможности, несмотря на жесточайший террор царизма, боролись под руководством большевиков против войны и самодержавия.

В годы первой мировой войны очень важную роль в революционной борьбе рабочего класса играли больничные кассы. В 1912 году царское правительство, напуганное мощным подъемом рабочего движения, вынуждено было опубликовать страховой закон. Этот закон явился результатом предварительных переговоров и соглашений царизма с буржуазией. Он был рассчитан на то, чтобы обмануть рабочие массы, отвлечь их от революционной борьбы.

Законом предусматривалось лишь два вида страхования рабочих: от несчастных случаев и от болезни. Подлежало страхованию только около 20 процентов рабочих. Закон не распространялся на сельскохозяйственных и строительных рабочих, на железнодорожников, служащих торговых предприятий, прислугу, временных рабочих. Не подлежали страхованию рабочие мелких предприятий (с числом рабо-

чих менее 30, а в предприятиях с механическими двигателями — до 20). Закон не распространялся на Сибирь, Дальний Восток и Среднюю Азию.

Размеры пособия устанавливались нищенские. В случае болезни холостые рабочие получали от одной четверти до половины заработка, женатые — от половины до двух третей своей заработной платы. За первые три дня болезни пособие совсем не выдавалось. Кроме того, пособие искусственно уменьшалось, так как заработок рабочих исчислялся без учета сверхурочных работ, квартирных и других доплат. Главная часть расходов по страхованию была переложена на самих рабочих. Рабочие крупных предприятий вносили в фонд страхования от 1 до 2 процентов, мелких — 3 процента заработка. Предприниматели вносили всего две трети той суммы, которую вносили рабочие. Государство не отпускало в страховой фонд ни копейки.

Реакционный характер царского страхового закона 1912 года выражался и в структуре созданных страховых учреждений. Предусматривалось два типа больничных касс: отдельные фабричные на крупных предприятиях (не менее 200 рабочих) и общие кассы, объединяющие несколько более мелких предприятий. Правления касс избирались на общих собраниях уполномоченных от рабочих и представителей от предпринимателей. Число уполномоченных колебалось от 30 до 100 человек в зависимости от величины предприятия. Для избрания уполномоченных применялись так называемые «немые выборы». Накануне выборов, вечером, рабочим раздавали специальные листки, куда можно было внести фамилию делегата. Утром, идя на работу, рабочие опускали листок в особый ящик. Этим ограничивалось участие рабочих в выборах. Предвыборные собрания по обсуждению кандидатур не допускались. На общие собрания уполномоченных капиталисты посылали своих доверенных — «назначенцев», как их называли. Они на собраниях имели две трети голосов, представители рабочих — только одну треть. Председателем собрания по закону был предприниматель или уполномоченное им лицо. В правлении кассы «назначенцы» имели всего на один голос меньше, чем представители от рабочих. Во главе правления кассы стоял предприниматель. Закон предоставлял ему право отказаться от этой должности, и тогда

председатель избирался на общем собрании. Но это зависело от доброй воли предпринимателя.

Уставы больничных касс разрабатывались обществами предпринимателей. Как правило, они ограничивали права рабочих даже по сравнению со страховым законом. Общее собрание уполномоченных могло внести изменения в устав, но для этого требовалось большинство в две трети голосов. Изменения в уставе подлежали утверждению страхового присутствия. Все это лишало рабочих возможности изменить устав, разработанный предпринимателями.

Еще хуже обстояло дело с представительством рабочих в высших страховых учреждениях — в совете по делам страхования (страховой совет) и в страховых присутствиях (страховые присутствия создавались в губерниях). Страховой совет состоял из 28 членов. Из них: 14 чиновников-назначенцев от правительства, 2 представителя от министерства внутренних дел, по 1 представителю от Петербургской городской думы и губернской земской управы, 5 представителей и 10 к ним заместителей от рабочих (заместители могли участвовать на заседаниях совета только с совещательным голосом). Из представителей от рабочих составлялась рабочая группа страхового совета. Представители рабочих в страховой совет и их заместители избирались на общем собрании уполномоченных от петербургских фабрик и заводов. Рабочие других городов в выборах не участвовали. Возглавлял страховой совет министр торговли и промышленности.

В страховых присутствиях из 15 членов было только 2 представителя от рабочих и 4 к ним заместителя. Избирались они на собрании уполномоченных только от рабочих губернских городов. Возглавляли страховые присутствия губернаторы.

Кроме перечисленных страховых органов были учреждены страховые товарищества, состоявшие исключительно из предпринимателей. Страховые товарищества создавались по одному на промышленный район (Урал, Украина, Донбасс и т. п.). Созданием страховых товариществ ответственность отдельных предпринимателей за увечья рабочих снималась — отвечало все товарищество в целом. Пенсию рабочему, получившему увечье, назначало страховое товарищество по своему усмотрению. К

тому же пенсия назначалась только в том случае, если увечье произошло не по вине рабочего. Страховые товарищества могли через суд доказать, что виновен в увечье сам рабочий. В большинстве случаев суд лишал рабочего даже той жалкой пенсии, которая ему полагалась по закону.

В резолюции Пражской общепартийной конференции, состоявшейся в 1912 году, говорится, что царский страховой закон

«лишает страховые учреждения всякой самостоятельности, отдавая их под перекрестный надзор чиновников (из «присутствий» и «совета по делам страхования»), жандармерии, полиции (которым, помимо общего надзора, предоставляется право направлять их деятельность по существу, влиять на их личный состав и т. д.), хозяев (исключительно предпринимательский состав товариществ, страхующих от несчастных случаев; фабричный тип больничных касс, страхующих от болезней; обеспеченное уставом влияние на них предпринимателей и т. п.)» [1].

Когда этот закон обсуждался в Государственной думе, Пражская общепартийная конференция РСДРП разоблачила его реакционный характер. Конференция указала, что

«Неотложной задачей как нелегальных партийных организаций,так и товарищей, работающих в легальных организациях (в профессиональных союзах, клубах, кооперативах и т. д.), является развитие самой широкой агитации против думского страхового проекта, которым затрагиваются интересы всего российского пролетариата, как класса, и который трубейшим образом нарушает эти интересы» [2].

Конференция обязала партийные организации тесно увязывать агитацию с общими задачами рабочего класса, неустанно разъяснять, что без нового революционного подъема, без свержения самодержавия невозможно действительное улучшение положения трудящихся. В то же время большевики выдвинули свою программу социального страхования, которая была изложена в решениях Пражской конференции.

[1] «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 1940, ч. 1, стр. 186.

[2] Там же, стр. 187.

«Наилучшей формой страхования рабочих, — говорится в решении конференции, — является *государственное* страхование их, построенное на следующих основаниях:

a) оно должно обеспечивать рабочих во *всех* случаях утраты ими трудоспособности (увечье, болезнь, старость, инвалидность; у работниц, кроме того, беременность и роды; вознаграждение вдов и сирот после смерти добытчика) или в случае потери заработка благодаря безработице;

b) страхование должно охватывать *всех* лиц наемного труда и их семейств;

c) все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения *полного* заработка, причем *все* расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство;

d) всеми видами страхования должны ведать *единые* страховые организации, построенные по *территориальному* типу и на началах *полного* самоуправления застрахованных» [1].

Большевики требовали также передачи страховым органам всего дела медицинской помощи рабочим. Хозяева должны были на оказание этой помощи вносить не менее 15 рублей в год за каждого занятого рабочего. Большевистская программа социального страхования легла в основу самого передового в мире советского социального страхования, провозглашенного декларацией советского правительства 30 октября 1917 года.

Большевики знали, что царскому правительству совместно с черносотенной Государственной думой удастся провести свой страховой закон в жизнь. Поэтому Пражская конференция решила «использовать те новые организационные формы, которые устанавливаются им (законом. — **Ф. Р.**) (больничные кассы рабочих) для того, чтобы вести и в этих организационных ячейках энергичную пропаганду с.-д. идей и превратить таким образом и этот закон, задуманный в целях нового закабаления и угнетения пролетариата, в орудие развития его классового сознания, укрепления его организованности, усиления его борьбы за полную политическую свободу и социализм» [2].

---

[1] «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 1940, ч. 1, стр. 186.

[2] Там же, стр. 187.

Меньшевики приветствовали царский страховой закон. Они призывали рабочих добиваться только некоторых поправок к нему, не выходя из рамок легальных возможностей. Меньшевики стремились захватить руководство больничными кассами, использовать их для борьбы против большевиков.

Больничные кассы начали создаваться весной 1913 года. Организация их затянулась на несколько лет. По сведениям большевистского журнала «Вопросы страхования» предполагалось открыть четыре тысячи больничных касс. На 1 января 1916 года функционировало только две тысячи двести пятьдесят касс. Всего в них состояло 1 759 170 застрахованных. В 1916 году было открыто пятьсот пятьдесят касс, главным образом на мелких предприятиях. Около тысячи касс вообще открыты не были [1].

Больничным кассам большевики придавали большое значение. В них вели непосредственную работу М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, А. А. Андреев, Н. М. Шверник и многие другие виднейшие деятели большевистской партии.

Большевики в результате упорной борьбы с меньшевиками и буржуазией уже накануне войны пользовались большим влиянием в правлениях больничных касс, среди уполномоченных, в рабочих группах страхового совета и страховых присутствий.

Рабочие всячески третировали «назначенцев», и в конце концов они вынуждены были отказываться от работы. Председатели правлений больничных касс вопреки закону избирались на общих собраниях уполномоченных.

Закон запрещал выплачивать заработную плату членам правлений из страховых фондов. Рабочие проводили дополнительные сборы денег на оплату своих представителей.

Царское правительство, несмотря на требования буржуазии, не решалось закрыть больничные кассы. Но рабочие страховые деятели — большевики были арестованы и высланы. Из 5 членов и 10 заместителей рабочей группы страхового совета осталось всего 6 человек. В июле 1914 года был выслан из Петрограда Н. М. Шверник, входивший в рабочую группу страхового совета.

---

[1] «Вопросы страхования», 1916, № 4, стр. 5 .

В справке охранного отделения говорится, что «...Николаю Михайловичу Швернику, согласно состоявшемуся 17 июля 1914 года распоряжению Петроградского градоначальника, воспрещено, на основании параграфа 4 статьи 16 Положения о государственной охране, жительство в Петрограде на все время действия в столице исключительного положения.

Названный Шверник принадлежал к числу членов Петроградского комитета РСДРП и состоял в профессиональном союзе металлистов, в исполнительной комиссии Выборгского района» [1].

Подверглись разгрому и рабочие группы страховых присутствий в губерниях. В Петроградском страховом присутствии не осталось ни одного представителя рабочих, в Московском — один. Такое же положение было и в других губерниях.

Пользуясь отсутствием рабочих представителей в страховом совете, предприниматели провели ряд мероприятий, еще более урезавших убогое социальное страхование. На заседании страхового совета от 7 апреля 1915 года было принято решение отсрочить на один год страхование рабочих Иваново-Вознесенским страховым товариществом. Еще ранее страховой совет отсрочил страхование рабочих в Харьковском и в других промышленных районах. Предприниматели этих районов освобождались от ответственности и за увечье рабочих [2].

В начале 1915 года при страховом совете и страховых присутствиях были созданы «частные присутствия», куда входили царские чиновники и представители от предпринимателей. Представители рабочих туда не допускались. Между тем «частные присутствия» решали все важнейшие вопросы рабочего страхования; утверждали уставы и сметы больничных касс, выдачи пенсий по болезни и по увечью и т. п. Решения «частных присутствий» были окончательными и не подлежали даже утверждению страхового совета. Это еще больше ограничивало самодеятельность больничных касс, ставило их под непосредственный контроль правительственных чиновников и предпринимателей.

---

[1] «Профсоюзы СССР», 1940, № 11—12, стр. 65.
[2] «Вопросы страхования», 1915, № 4, стр. 7.

В начале 1915 года крупнейшая организация фабрикантов и заводчиков — совет съездов — возбудила перед страховым советом ходатайство о разукрупнении больничных касс. Мотивировала она это тем, что общегородские кассы не справляются будто бы со своими обязанностями, расходуют средства не по назначению, плохо обслуживают застрахованных. Такая «забота» о застрахованных объяснялась просто. В общегородских больничных кассах влияние предпринимателей было слабее, чем в заводских. По уставу правления больничных касс могли расходовать часть средств на культурно-просветительную работу среди рабочих, на субсидии рабочим клубам, спортивным обществам, народным домам. Поэтому общегородские больничные кассы служили центром притяжения для революционных сил своего города или района. «Частное присутствие» пошло навстречу пожеланиям предпринимателей и 15 июня 1915 года вынесло решение, по которому допускалось разукрупнение общегородских больничных касс и организация их по принципу заводских. Однако полностью провести в жизнь разукрупнение предпринимателям не удалось. Московское, Харьковское, Киевское, Бакинское, Екатеринославское и ряд других страховых присутствий, боясь возмущения рабочих, вынуждены были отложить разукрупнение на неопределенный срок.

Наряду с разгромом рабочих групп в высших страховых учреждениях царское правительство начало аресты работников правлений больничных касс. В первую очередь были разгромлены правления больничных касс крупных предприятий. Охранка ставила себе задачей изъять из больничных касс всех большевиков и сочувствующих им. Особо жестким репрессиям подверглись больничные кассы крупных индустриальных центров.

«В Петрограде в августе (1916 года. — **Ф. Р.**), — говорится в специальном обзоре преследований рабочих организаций, составленном клубом «Солидарность», — был произведен ряд обысков в больничных кассах. 20 августа был обыск в кассе Путиловского завода. Арестовано было 7 человек из состава служащих и 4 рабочих, из них 2 до сих пор в тюрьме и три высланы в места, не объявленные на военном положении. Собрания по мастерским для статистического отчета не разрешаются. Вообще жизнь кас-

сы протекает в самой ненормальной обстановке. С апреля 1914 года арестовано всего 42 уполномоченных и членов правления и 28 служащих — секретарей и конторщиков. Часть их выслана в Иркутскую губернию, другая часть до сих пор в заключении» [1].

В этом же обзоре сообщается, что были произведены обыски и аресты: в больничной кассе завода «Феникс», на металлическом заводе, на фабрике Эриксон, на заводе Парвиайнен, на заводе Леснер. В начале войны обыски и аресты были произведены в шестидесяти восьми кассах из семидесяти девяти существовавших в Петрограде.

Аресты и ссылка работников больничных касс не прекращались до момента свержения самодержавия. Нередко из состава рабочей части правления и служащих кассы не оставалось ни одного человека. Во время обыска 2 ноября 1916 года в больничной кассе Путиловского завода было арестовано 24 человека — все члены правления и служащие, находившиеся во время обыска в помещении кассы [2].

В журнал «Вопросы страхования» поступали многочисленные сообщения рабочих-корреспондентов о повальных обысках и арестах в больничных кассах всех городов России.

Рабочий-корреспондент общей больничной кассы мукомолов в Сызрани писал:

6 апреля 1915 года в 5 часов вечера в нашу кассу нагрянул наряд полиции с жандармским полковником во главе и произвели тщательный обыск. Одновременно с этим был произведен обыск у секретаря кассы на квартире. При обыске ничего не найдено. Но секретарь и конторщик кассы арестованы, препровождены в тюрьму и рассажены по одиночным камерам. Касса прекратила существование [3].

В двадцати пяти номерах журнала «Вопросы страхования», вышедших с февраля 1915 года по март 1917 года, помещено свыше ста рабочих корреспонденций о террористических мерах царского правительства против работников больничных касс. Повальные аресты нередко

---

[1] Архив профсоюзов, фонд 10, дело 317, л. 28—29.

[2] Там же, л. 31—32.

[3] «Вопросы страхования», 1915, № 7, стр. 14.

приводили к тому, что больничные кассы целиком попадали в руки хозяев.

Рабочий-корреспондент из Костромы сообщает:

«В Костроме 4 кассы: 3 фабричных и общегородская. Положение во всех кассах самое безотрадное. Фабричные кассы в руках хозяев; даже на самой крупной *Льняной мануфактуре,* где более 7 000 рабочих, касса представляет из себя отделение хозяйской конторы» [1]. Рабочие считают кассу хозяйской конторой и не хотят итти туда.

Даже в Петрограде отдельными кассами полностью завладели предприниматели.

«В нашей больничной кассе при фабрике «Невка», — сообщает рабочий-корреспондент, — господствуют назначенцы и ставленники предпринимателя. Благодаря этому рабочие и работницы относятся к больничной кассе пассивно и тем дают возможность предпринимателю хозяйничать по своему усмотрению. Пособия выдаются по самой низкой норме и совсем не выдаются за первые три дня. В запасный капитал отчисляются не 5, а 10 процентов. Остаток за 1916 г. около 14 тысяч рублей. На эти деньги куплены облигации внутреннего государственного выигрышного займа» [2].

Так же распорядились рабочими деньгами фабриканты текстильных фабрик Клинского уезда Московской губернии. Владелец Высоковской мануфактуры передал остаток за 1915 год — 14 тысяч рублей — союзу земств и городов на оказание помощи фронту, хотя на этой фабрике женщины-работницы были лишены пособия по родам. Хозяин Клинского стекольного завода передал из средств больничной кассы 3 тысячи рублей на ремонт местной церкви.

Жестокий террор, направленный против большевиков, приводил к тому, что отдельные больничные кассы попадали под влияние меньшевиков и превращались в рассадник шовинизма.

Примером этому служит пятая городская (центральная) касса Москвы. В правление кассы пробрались меньшевики. Они сделали своих ставленников служащими кассы, уполномоченными в ревизионной комиссии. Предпри-

---

[1] «Вопросы страхования», 1915, № 7, стр. 14.

[2] «Вопросы страхования», 1917, № 4, стр. 13.

ниматели в этой кассе не претендовали даже на председательское место в собрании уполномоченных и в правлении кассы. Они предоставляли эти должности меньшевикам. Меньшевистское правление пятой кассы отказалось от большевистской тактики бойкота военно-промышленных комитетов, всячески пропагандировало и поддерживало политику оборонцев. Размер пособий, которые выплачивала пятая касса, был ниже, чем в других московских кассах.

Симоновская городская касса, где преобладало влияние большевиков, выплачивала пособия с первого дня болезни в размере двух третей заработка, а пятая касса — только с третьего дня болезни и лишь половину заработка.

Больничных касс, в которых хозяйничали предприниматели и оборонцы, было немного.

В подавляющем большинстве, несмотря на чудовищный террор, в больничных кассах преобладало влияние большевиков, причем не только в Петрограде, но и в других крупнейших пролетарских центрах. Большевики одержали решительную победу на дополнительных выборах в страховой совет в январе 1916 года.

Большинство членов рабочей группы страхового совета, как уже указывалось выше, было арестовано в начале войны. Страховой совет после ареста членов рабочей группы, выражая интересы предпринимателей, повел широкое наступление на больничные кассы. Это вызвало возмущение рабочих. Царское правительство вынуждено было назначить дополнительные выборы. Нужно было избрать 2 членов и 9 заместителей.

Участвовать в выборах разрешено было только правлениям петроградских больничных касс, которые выделяли уполномоченных на выборные собрания. Предвыборные собрания не допускались. Однако большевики сумели превратить выборы в массовую революционную кампанию.

Накануне выборов Петербургский комитет большевиков выпустил специальную листовку. «Для нас... рабочих, — говорилось в листовке, — выборы представляют собой событие огромной важности. Наши организации задушены, печать нашу сожгли на костре военной реакции, а депутатов в Сибирь загнали. Не только депутатов, но и наших товарищей, заседающих в Совете. Нам раз-

решают вместо арестованных и высланных выбирать других...

Никто из нас не сомневается, что нам надо выбирать. Ведь это единственный, самим врагом нашим устроенный окоп, в который мы должны ворваться со всей силой и во всеоружии нашей классовой солидарности» [1].

Петербургский комитет напомнил рабочим о героической борьбе членов рабочей группы большевиков в страховом совете, арестованных царским правительством, и предательской роли меньшевиков в военно-промышленных комитетах и предупредил, что «...позорная компания Гвоздевых, Емельяновых и прочих гучковских молодцов задвигалась, засуетилась и готовится нанести новый удар рабочему движению. С благословения своих товарищей по военно-промышленному комитету они собираются занять места в Страховом совете...

Пролетариат столицы должен заявить уполномоченным, что этим господам и их защитникам не место в Страховом совете, куда рабочие посылали своих товарищей делегатов последовательной демократии» [2].

Петербургский комитет разработал «Наказ рабочим представителям в страховом совете». Наказ обсуждался не только на заседаниях правлений больничных касс, где происходили выборы уполномоченных, но распространялся также и в виде нелегальной листовки среди рабочих. В наказе рабочим-представителям Петербургский комитет изложил большевистскую программу социального страхования:

1. Социальное страхование всех рабочих и служащих во всех случаях потери трудоспособности и во время безработицы.

2. Социальное страхование полностью за счет предпринимателей.

3. Полное возмещение заработка застрахованным за время потери трудоспособности и во время безработицы.

4. Полное обеспечение членов семейств застрахованных на случай болезни, родов и на случай смерти кормильца семьи.

5. Полное самоуправление больничных касс [3].

---

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 186—187.
[2] Там же, стр. 187—188.
[3] «Вопросы страхования», 1916, № 1, стр. 2.

Таковы были основные требования большевистского наказа рабочим-представителям.

Выборы в страховой совет состоялись 31 января 1916 года. По повесткам старшего фабричного инспектора собрались представители по одному от каждой из семидесяти девяти больничных касс Петрограда.

Меньшевики и эсеры объединились в блок против большевиков. Они внесли провокационное предложение, чтобы члены рабочей группы в страховом совете, не арестованные еще царской охранкой, сложили свои полномочия и признали свою позицию неправильной. Это предложение меньшевиков и эсеров вызвало взрыв возмущения на собрании уполномоченных. Оборонцы, убедившись, что большинство уполномоченных идет за большевиками, хотели сорвать собрание и отложить выборы. Но провокация не удалась, выборы состоялись. Избранными оказались 10 большевиков и только 1 меньшевик. Да и этот единственный представитель меньшевиков оказался избранным случайно: перепутали бюллетени. Уполномоченные потребовали перебаллотировки этого кандидата. Но на сторону меньшевиков стал председательствовавший на собрании старший фабричный инспектор. Он поспешил объявить выборы законченными и закрыл собрание.

Пополненная новыми членами, рабочая группа страхового совета, руководствуясь указаниями Петербургского комитета большевиков, развернула большую революционную работу. Страховой совет и его «частное присутствие» вынуждены были считаться с рабочими-представителями и ограничить свои стремления ликвидировать рабочее страхование. Но центром деятельности рабочих групп был не страховой совет, а больничные кассы. Члены рабочей группы тесно связались с больничными кассами, присутствовали на собраниях уполномоченных, дежурили в дни выдач пособий больным. Если страховой совет готовил решение, отвечающее интересам предпринимателей, рабочие быстро об этом узнавали, и решение волей-неволей приходилось откладывать. В конце апреля 1916 года члены рабочей группы отчитывались в своей деятельности на собраниях правлений больничных касс. Эти отчеты сыграли большую роль в дальнейшей революционной активизации больничных касс столицы, тем более что в журнале «Вопросы страхования» помещались резолюции от-

четных собраний, и таким путем о них узнавали широкие массы рабочих других городов.

Вопреки царскому закону больничные кассы, формально не связанные друг с другом, все больше и больше сближались, объединялись, превращались в единую организацию. Рабочая группа страхового совета, избиравшаяся только больничными кассами Петрограда, превращалась в негласный центр всего страхового рабочего движения. Больничные кассы постепенно освобождались от влияния предпринимателей, становились самостоятельными рабочими организациями. Это дало возможность многим кассам, вопреки царскому закону, производить выплату пособий с первого дня болезни по самой высшей ставке — в размере двух третей заработка. Серьезные успехи были достигнуты и в создании так называемой рабочей медицины. В крупнейших промышленных центрах — Петрограде, Москве, Екатеринославе, Харькове и других городах — были открыты лечебницы для рабочих, которые обслуживали не только рабочих, но и членов их семей. Больничная касса Коломенского машиностроительного завода организовала даже нечто вроде санатория, куда посылались больные рабочие.

Больничные кассы не замыкались в рамках чисто страховых вопросов, они стали центром классовой революционной борьбы пролетариата.

Большое влияние большевиков в больничных кассах объяснялось тем, что страховая программа большевиков отвечала насущным потребностям рабочего класса, задачам его революционной борьбы за свержение самодержавия. Она умело сочетала экономические и политические требования рабочего класса, исходила из общеклассовых задач, открывала перспективы революционной борьбы, звала на борьбу, нацеливала на свержение самодержавия. В этом была сила большевистской страховой программы. Этим объяснялось также и то, что большевистские идеи все больше овладевали массами; формировался слой беспартийных рабочих, которые становились проводниками идей большевиков. Часто в правлении больничной кассы и среди уполномоченных не было ни одного большевика, и все же касса проводила большевистскую линию. Больше того, иногда в правлении кассы сидели меньшевики и эсеры, но под нажимом рабочих

они вынуждены были равняться по большевистским кассам. Примером может служить больничная касса на фабрике Эриксон в Петрограде. Здесь с начала войны было засилие меньшевиков. В первой половине 1915 года члены правления этой кассы собирали среди рабочих деньги в фонд союза земств и городов. Правление кассы было тесно связано с «рабочей группой» при военно-промышленном комитете. Летом 1916 года в правлении кассы не было ни одного большевика, но по требованию рабочих оно вынуждено было проводить сборы в организационный фонд рабочей группы страхового совета и на поддержку большевистского журнала «Вопросы страхования». Вместе с тем члены этого правления продолжали свою оборонческую политику, поэтому большевики настойчиво добивались изгнания меньшевиков из правлений больничных касс.

В каждом городе была больничная касса, которая служила образцом для других. В Петрограде такую роль выполняла больничная касса Путиловского завода, в Москве — общегородская Симоновская касса, которой руководила большевистская ячейка завода «Динамо», и т. д. В таких передовых кассах и члены правления и уполномоченные были большевиками. С этих передовых форпостов и велась в первую очередь атака на царское страховое законодательство. Когда путиловцы ввели у себя выдачу пособий с первого дня болезни по высшей ставке, начали добиваться этого и другие кассы. Собрание уполномоченных Путиловского завода приняло большевистский устав больничной кассы. Несмотря на то, что царские чиновники в страховом совете не утвердили устав, он служил образцом для других касс и распространялся как прокламация. Петроград, этот величайший аккумулятор революционной энергии, служил примером для пролетариата всей России. Революционные начинания питерских рабочих сейчас же находили живейший отклик во всех городах и в первую очередь в Москве. Когда в Московском районе Петрограда была создана независимая рабочая лечебница, того же стала добиваться Симоновская больничная касса в Москве, а за ней больничные кассы других городов.

Царское правительство стремилось помешать связям рабочих различных городов. Это нашло свое отражение

в страховом законодательстве царской России. По царскому закону каждая отдельная больничная касса рассматривалась автономной, самодовлеющей организацией. Объединение касс, как и других рабочих организаций, не допускалось. Но большевики, преодолевая рогатки царских законов, связывали рабочих различных городов и областей, объединяли рабочие легальные организации.

Петербургский комитет большевиков организовал обмен опытом между больничными кассами. Рабочая группа страхового совета назначала собрание членов правления больничных касс того или иного района Петрограда. Объявлялась самая безобидная повестка дня: «О борьбе с травматизмом», «О делопроизводстве» и т. д. На самом деле на этих собраниях страховые работники обсуждали вопросы революционной борьбы рабочего класса.

Широко практиковались поездки страховых работников в лучшие больничные кассы. Весной 1916 года в Петроград приезжали представители больничных касс Украины, Донбасса, Урала и других районов. Эти легальные поездки широко использовались для установления связей между больничными кассами и между большевистскими нелегальными организациями.

Меньшевики, называвшие себя поборниками централизованных рабочих организаций, выступали против объединения больничных касс. Они ссылались на то, что в мелких кассах можно лучше наладить обслуживание рабочих. Нетрудно понять, что точка зрения меньшевиков ничем не отличалась от взглядов царского правительства и предпринимателей. Рабочие крупных предприятий изгоняли меньшевиков из руководства больничными кассами, а поэтому они стремились укрепиться в мелких кассах, но и эти их попытки успеха не имели.

Большую работу проводили большевики при составлении отчетов больничных касс. Отчеты составлялись годовые, но крупные и общегородские кассы могли составлять полугодовые и даже квартальные. Полиция не разрешала обсуждать отчеты на собраниях рабочих. Они раздавались под расписку только членам правления и обсуждались на собрании уполномоченных. После проверки военной цензурой один экземпляр отчета вывешивался в больничной кассе.

Большевики сумели превратить эти отчеты в полулегальные листовки, которые так или иначе попадали в руки многих рабочих.

Сохранился отчет больничной кассы Путиловского завода за 1915 год. Он представляет собой тридцать шесть страниц большого формата, напечатанных убористым шрифтом. По существу это не отчет, а яркая революционная прокламация, рисующая ужасное положение рабочих, призывающая их к борьбе с произволом предпринимателей, к борьбе с самодержавием, к борьбе против империалистической войны. Так, например, в разделе «Число участников кассы» указывается, что за первый год войны количество женщин на заводе увеличилось в двадцать раз. И тут же, как бы мимоходом, делается замечание: «Тяжелый труд предстоит ей (женщине) в душных, пыльных, закопченных мастерских. Но мы приветствуем ее и зовем в наши ряды». В разделе «Приход кассы» отмечается некоторое увеличение поступлений и делается вывод, что, «несмотря на рост доходов, касса не в силах была справиться со страшно выросшими расходами, так как в основе этого роста лежал чрезмерный труд рабочего, вызвавший небывалую заболеваемость и увеличение несчастных случаев». И дальше приведены цифры заболеваний и увечий: «свыше 6 тысяч человек, т. е. чуть ли не половина рабочих, калечится и на каждые 100 рабочих падает 97,3 заболеваний. Такая колоссальная заболеваемость и увечность участников кассы находится в связи с увеличением сверхурочных, праздничных и ночных работ, антисанитарными условиями труда и отсутствием предохранительных мер против опасных механизмов». Составители отчета призывают рабочих бороться с этим злом и «на основе научных данных установить 8-часовой рабочий день, ввести выборную рабочую инспекцию».

В разделах «Характер заболеваний» и «Врачебная помощь» составители отчета делают вывод, что в заводской больнице «не лечат, а калечат, каждый врач принимает в день по 85 больных. Уделом путиловских рабочих являются легочные заболевания, а особенно туберкулез, сводящие их в могилу».

В разделе «Итоги» подробно изложена большевистская программа страхования рабочих. Отчет заканчивает-

ся словами: «ужасающая заболеваемость и увечность ведет к инвалидности, необеспеченной страховыми законами. После смерти рабочего остается без средств осиротелая семья. Измученный тяжелыми условиями жизни и труда, преждевременно впавший в старость рабочий не обеспечен и на краю могилы. Необходимо изменение страхового закона на основе рабочих страховых требований, необходимо введение полного социального страхования — кроме страхования от болезней и несчастных случаев также страхование от инвалидности, старости, вдовства и сиротства, профессиональных болезней и безработицы».

Этот отчет побывал в руках военного цензора, который, исключив из него почти все, превратил отчет в бессмысленный набор фраз и разрешил отпечатать его всего в тридцати экземплярах. Но цензор опоздал — отчет уже сделал свое дело. Цензура требовала, чтобы ей был представлен печатный экземпляр, и держала его у себя по нескольку месяцев. Правление кассы, не ожидая возвращения отчета из цензуры, раздавало оставшиеся у него напечатанные экземпляры для «уточнения» не только членам правления, но и уполномоченным. Через уполномоченных с отчетом знакомились и рабочие. Журнал «Вопросы страхования» систематически помещал выдержки из менее пострадавших от цензуры отчетов. Так были напечатаны выдержки из отчетов завода «Наваль», Днепровского, Брянского, Тульского и многих других крупных заводов и фабрик, расположенных в различных районах страны.

Все эти факты говорят о том, что больничные кассы играли важнейшую роль в революционной борьбе пролетариата. Они служили опорными пунктами, легальной базой для революционной работы большевиков. В этом одна из важнейших функций больничных касс в годы мировой империалистической войны.

Революционная работа большевиков в больничных кассах принимала многообразные формы и велась различными методами. Эта ответственная и опасная работа была под силу только людям, прошедшим великую школу революции, людям, воспитанным Лениным и Сталиным.

Глава шестая

БОЙКОТ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТОВ

Война разгоралась, предприниматели, купцы, биржевые дельцы, спекулянты загребали огромные барыши от поставок на армию. Их интересы защищал царизм. «Русская империалистическая буржуазия, — пишет товарищ Сталин в Кратком курсе истории ВКП(б), — надеялась на царское самодержавие, как на бронированный кулак, который мог обеспечить ей захват новых рынков и новых земель, с одной стороны, и подавлять революционное движение рабочих и крестьян — с другой»[1].

Однако опыт первых месяцев войны показал, что этот «бронированный кулак» оказался не таким крепким, как бы хотелось буржуазии.

Царская Россия вступила в войну неподготовленной. Военных припасов, заготовленных в мирное время, хватило всего на три—четыре месяца. Отсталая промышленность не справлялась с снабжением многомиллионной армии даже самым необходимым. Сельское хозяйство, основанное на полукрепостническом землевладении, влекущем за собой обнищание и разорение крестьянства, также не могло служить прочной основой для ведения продолжительной войны. Союзники не торопились помочь России, упорно торговались из-за каждого заказа. Блокада морских путей (Германия блокировала Балтийское море, Турция — Черное, Мурманск — единственный более или менее безопасный и незамерзающий порт на севере страны — не был соединен еще с центром железной дорогой) не позволяла подвозить даже то военное снаряжение, которое

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 157.

удавалось получить в Англии, во Франции и в Соединенных Штатах Америки.

Русская армия остро нуждалась в артиллерии, в снарядах, нехватало даже винтовок.

Плохо вооруженная царская армия, находившаяся под командованием бездарных генералов и офицеров из дворян, начала терпеть одно поражение за другим. Усиливалась разруха в тылу. Насквозь прогнившее самодержавие неспособно было предотвратить назревавшую военную катастрофу. В правительстве и в штабах армии орудовали изменники и шпионы. Начальник жандармерии на Прусской границе — полковник Мясоедов, начальник личной охраны царя — полковник Спиридович, член царской свиты — немец барон Остен-Сакен, брат министра двора барон Фредерикс и многие другие приближенные царя оказались немецкими шпионами. Военный министр Сухомлинов по заданию германской разведки срывал снабжение армии. Шпионы и предатели находили поддержку в царском дворце. Им покровительствовала царица и окружавшие ее авантюристы — Распутин, Вырубова и другие. Буржуазия все больше убеждалась, что царизм не может успешно вести войну. Она боялась, что царское правительство для спасения своего положения заключит сепаратный мир с немцами. Фабриканты и заводчики были недовольны и тем, что они не распоряжались распределением военных заказов. Самые выгодные заказы уплывали за границу или размещались на казенных заводах.

Все это не могло не тревожить воинственно настроенную империалистическую буржуазию.

Буржуазия не помышляла о свержении самодержавия. Она хотела подобраться сама поближе к власти, заменить кое-кого в царском правительстве своими надежными людьми. В этом направлении велась соответствующая подготовка в Государственной думе и в буржуазной печати.

Империалистическая буржуазия представляла собою значительную силу, так как в ее руках находилась вся промышленность и финансы страны. Буржуазия имела свои политические партии, была объединена в многочисленные общества и союзы. Накануне войны в России насчитывалось несколько десятков организаций предпринимателей: общество заводчиков и фабрикантов Петрограда, общество фабрикантов и заводчиков Московского про-

мышленного района, съезд бакинских нефтепромышленников и т. п. Торговцы группировались вокруг биржевых комитетов. Все эти организации объединялись во всероссийском масштабе советом съездов представителей промышленности и торговли.

В годы войны буржуазия укрепилась экономически и политически. Возникли новые организации буржуазии. 30 июля 1914 года возник Всероссийский земский союз; в этом же году на съезде представителей городского самоуправления был создан союз городов. Несколько позднее, в 1915 году, эти две организации буржуазии слились в одну всероссийскую организацию — союзы земств и городов (земгор). Возглавил эту организацию ставленник буржуазии князь Львов, впоследствии ставший председателем совета министров контрреволюционного Временного правительства. Союз земств и городов всю свою работу проводил на средства, отпускаемые из казны. Под нарядными мундирами «гусар земгора» скрывались от фронта десятки тысяч сынков предпринимателей, купцов, крупных чиновников. Буржуазия стремилась взять снабжение армии военным снаряжением в свои руки, причем раздавались голоса, что нужно не только подчинить всю промышленность нуждам обороны, но и подчинить правительство интересам буржуазии. По предложению миллионера Рябушинского IX съезд представителей торговли и промышленности принял решение в мае 1915 года призвать торгово-промышленные организации к немедленной широкой мобилизации промышленности для работы на нужды армии и с этой целью создать областные и местные военно-промышленные комитеты.

Предприниматели не замедлили откликнуться на призыв съезда. К весне 1916 года было создано двадцать четыре областных и двести пятнадцать местных комитетов, в состав которых вошли представители обществ фабрикантов и заводчиков, представители союзов земств и городов, городских самоуправлений, научно-технических обществ и других организаций буржуазии.

Для координации работы военно-промышленных комитетов и ее согласования с деятельностью высших правительственных учреждений был организован в Петрограде Центральный военно-промышленный комитет. В его состав вошли виднейшие промышленники, банкиры и бур-

жуазные политические деятели. Центральный военно-промышленный комитет возглавляли крупные предприниматели А. Гучков и А. Коновалов. Вожди буржуазии стремились придать военно-промышленным комитетам широкий размах. На эти комитеты возлагалась задача распределять военные заказы, закупать и распределять станки и другое промышленное оборудование, определять потребность промышленности в сырье, топливе, средствах перевозок, рабочей силе, содействовать возникновению новых военных предприятий, принимать необходимые меры для приспособления промышленности к производству военных материалов.

Однако военно-промышленные комитеты являлись не только экономическим объединением империалистической буржуазии. Опираясь на военно-промышленные комитеты, буржуазия хотела усилить свое влияние на государственные дела.

Политические устремления военно-промышленных комитетов полностью совпадали с платформой «прогрессивного блока», представлявшего собой объединение буржуазии и обуржуазившихся помещиков. «Прогрессивный блок» возник летом 1915 года из буржуазно-помещичьих фракций (от националистов до кадетов включительно) в Государственной думе. Цель «прогрессивного блока» заключалась в том, чтобы побудить царизм проводить более гибкую политику, способную предотвратить революцию и довести войну до победного конца. Буржуазия считала, что с этой задачей может справиться только такое правительство, которое будет пользоваться «доверием страны», то-есть буржуазии. В платформе «прогрессивного блока» были пункты и об усилении законности, сохранении внутреннего мира, устранении розни между национальностями и классами, восстановлении деятельности профессиональных союзов, восстановлении рабочей печати и т. п. Это были демагогические требования, рассчитанные на поддержку блока национальной буржуазией и отсталой частью трудящихся.

Под влиянием возросшей экономической мощи буржуазии и военных неудач царское правительство вынуждено было разрешить организацию военно-промышленных комитетов, но стремилось ограничить их функции рамками содействия правительственным учреждениям в

деле снабжения армии. В августе 1915 года царское правительство создало громоздкий бюрократический аппарат контроля и регулирования важнейших отраслей народного хозяйства. Этот аппарат в форме особых совещаний по обороне, по продовольствию, топливу и перевозкам возглавлял военный министр, наделенный диктаторскими полномочиями. Он мог принять любое решение вопреки воле большинства членов совещаний.

Представительство военно-промышленных комитетов в особых совещаниях было ограничено. В совещании по обороне они имели 4 представителей и то только от Центрального военно-промышленного комитета. Им было отказано иметь представителей в совещаниях по продовольствию и перевозкам. Таким образом, военно-промышленные комитеты являлись исполнителями отдельных поручений особых совещаний. Но это не помешало буржуазии использовать военно-промышленные комитеты в своих классовых интересах.

Создавая военно-промышленные комитеты, русская буржуазия стремилась представить империалистическую войну как войну всенародную, а себя в роли спасительницы страны. В буржуазной печати, на всевозможных съездах и совещаниях «общественных деятелей» военно-промышленные комитеты изображались как организации патриотические, всенародные, призванные объединить все общественные силы страны под знаменем войны до победного конца.

Но патриотические фразы скрывали стремление к получению максимальных прибылей. Вздувание цен, организованный грабеж казны — таково практическое содержание деятельности военно-промышленных комитетов. Под предлогом переоборудования фабрик и заводов для выполнения военных заказов военно-промышленные комитеты получали из казны огромные авансы, которые, как правило, употреблялись не по назначению. Каждый военно-промышленный комитет стремился обеспечить себя более выгодными заказами. Центральный военно-промышленный комитет размещал заказы среди крупных предпринимателей, игнорировал среднюю и мелкую промышленность. Так, например, Орловский и Саратовский областные военно-промышленные комитеты не получили за весь 1915 год ни одного заказа. Председатель совета

съездов промышленников Поплавский упрекал на съезде земгора в начале 1916 года руководителей Центрального военно-промышленного комитета, что они, получив от казны около 10 миллионов рублей для субсидирования мелкой промышленности, не дали мелким предпринимателям ни одной копейки.

Мелкие и средние предприниматели требовали предоставления им военных заказов. Уже на первом съезде военно-промышленных комитетов в июле 1915 года представитель мелких промышленников г. Николаева жаловался, что «дело организации промышленности для работы на оборону и распределение военных заказов попало в руки недобросовестных людей, а в результате над мелкими и средними заводами нависла угроза остановки».

Областные и районные военно-промышленные комитеты порывали связь с Центральным военно-промышленным комитетом и самостоятельно заключали договоры с особым совещанием по обороне. Подкупая чиновников особого совещания, областные военно-промышленные комитеты перебивали друг у друга военные заказы, получали под них авансы, но мало заботились о выполнении взятых обязательств. Так, например, Московский военно-промышленный комитет должен был до 1 февраля 1916 года поставить военному ведомству различных материалов на 22 миллиона рублей, сдал же он к этому времени всего лишь на 8 миллионов рублей, причем производство важнейших предметов вооружения армии было выполнено на 1 процент — из 250 400 штук гранат образца 1914 года сделано было только 400, из 300 заказанных минометов не было изготовлено ни одного.

Не лучше выполнял договоры и Центральный военно-промышленный комитет. По подсчету ежегодника «Торговля и промышленность» Центральный военно-промышленный комитет принял в 1915 году военных заказов на 230 миллионов рублей, а выполнил к концу года на 2 300 тысяч рублей, то-есть всего на 1 процент.

В целях наживы предприниматели занимались главным образом выполнением наиболее выгодных военных заказов, в частности заказов на снаряды, не заботясь при этом о рациональном использовании производственно-технической базы своих предприятий. Например, Сормовский завод в десятки раз увеличил выпуск снарядов раз-

личных калибров за счет производства паровозов и вагонов. На Путиловском заводе производство пушек возрастало медленнее, чем изготовление снарядов. Невский судостроительный завод, выпускавший военные суда и подводные лодки, в военные годы в значительной мере переключился на изготовление трехдюймовых шрапнелей.

Стоимость военных материалов, производимых на заводах, объединяемых военно-промышленными комитетами, была значительно выше, чем на казенных заводах. Производство одного пуда колючей проволоки на казенных заводах обходилось в два раза дешевле, чем на предприятиях, объединяемых Центральным военно-промышленным комитетом. Изготовляемые на заводах военно-промышленных комитетов трехдюймовые снаряды обходились военному ведомству дороже шестидюймовых, выпускаемых казенными заводами.

Получив широкие возможности для вмешательства в государственные дела, буржуазия начала искать пути для подчинения рабочего класса своему влиянию. «Буржуазия, — говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — придумала для этого средство — создание «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах. Меньшевики подхватили эту идею буржуазии. Буржуазии выгодно было привлечь в эти военно-промышленные комитеты представителей рабочих, которые агитировали бы среди рабочих масс за необходимость усилить производительность труда на снарядных, пушечных, оружейных, патронных и других фабриках и заводах, работавших на оборону» [1].

«Рабочие группы» призваны были бороться со стачечным движением путем мирного улаживания конфликтов между рабочими и предпринимателями, подчинять рабочие массы влиянию буржуазии и таким образом ослабить классовую борьбу, низвести ее к бесплодным разговорам в примирительных камерах и третейских судах.

Первая попытка привлечения рабочих к сотрудничеству с буржуазией была сделана в начале июня 1915 года в связи со съездом по борьбе с дороговизной. На предварительное совещание по созыву съезда, в котором участвовали представители городских и земских управлений, научных обществ и т. д., были приглашены пред-

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 164.

ставители отдельных легальных рабочих организаций: кооперативов, больничных касс и профсоюзов. Представители рабочих организаций предъявили ряд требований: увеличение количества делегатов на съезд от рабочих, предоставление отдельной комнаты для совещаний рабочих делегатов, организация специальной комиссии из рабочих для руководства рабочими делегатами съезда.

Съезд состоялся в Москве в июле 1915 года. Московские большевики организовали на съезде рабочую группу, которая участвовала в прениях и внесла по всем вопросам самостоятельные резолюции. И в прениях, и в резолюциях рабочие связывали вопрос о дороговизне с социальным неравенством, существующим при капитализме.

Большевистская газета «Социал-демократ» писала по поводу деятельности рабочей группы на съезде: «Июль. Съезд по борьбе с дороговизной. Присутствие рабочей группы, организованной москвичами. Внесение собственных резолюций по всем вопросам, удачное участие в прениях. Декларация в интернационалистическом духе»[1].

Таким образом, попытка буржуазии подчинить своему влиянию рабочих не имела успеха, но она не теряла надежды. Кадетствующий профессор Жуковский на страницах буржуазной печати старался убедить рабочих в том, что лучшими их друзьями являются промышленники, а их опорой должны быть военно-промышленные комитеты. Заводчик Третьяков, выступая в печати, выражал надежду, что «трудовое сотрудничество» рабочих и предпринимателей устранит между ними конфликты, приведет к расцвету промышленности и будет способствовать индустриализации страны.

Первый съезд представителей военно-промышленных комитетов, состоявшийся в июле 1915 года, постановил создать «рабочие группы» при военно-промышленных комитетах. Практическое разрешение вопроса было поручено председателю Центрального военно-промышленного комитета — Гучкову и его заместителю Коновалову.

Среди части рабочих, подвергнувшейся мелкобуржуазному влиянию, были еще сильны оборонческие настроения. Этим не замедлила воспользоваться буржуазия и ее верные прислужники — меньшевики и эсеры. В начале ав-

[1] «Социал-демократ», 1915, № 49.

густа 1915 года Гучков собрал совещание специально подобранных представителей от рабочих петроградских предприятий. На совещание явились преимущественно меньшевики и эсеры и среди них оборонец К. Гвоздев, провокатор Абросимов и т. д. Состав совещания определил характер принятых решений. Совещание высказалось за создание «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах.

Гучков обратился с просьбой к управляющему делами министерства внутренних дел Щербакову и командующему Петроградским военным округом генералу Фролову взять выборы в «рабочие группы» под свое покровительство. Разработанный Коноваловым порядок выборов предусматривал, что все собрания рабочих должны проходить под строгим надзором полиции.

По одобренному в августе 1915 года советом министров «Наказу об образовании комитетов» в их состав включалось 10 рабочих представителей, избираемых на фабриках и заводах по двухстепенной системе. Рабочие на общих собраниях избирали уполномоченных по норме один от каждой тысячи работавших, предприятия с числом рабочих от 500 до 1 000 также выбирали одного уполномоченного. Представители в военно-промышленные комитеты избирались на собраниях уполномоченных. Выборы было решено сначала провести в Петрограде и в Москве, а затем в других промышленных центрах.

Кампания по выборам «рабочих представителей» в Центральный и Петроградский военно-промышленный комитеты началась в конце августа 1915 года. Руководители Центрального военно-промышленного комитета устраивали предвыборные собрания рабочих и пропагандировали выборы в буржуазной печати. Широко распространялось обращение к рабочим с призывом поддержать «начинание общественности».

Меньшевики развернули среди рабочих широкую агитацию за вхождение в военно-промышленные комитеты.

«Рабочее утро», легальная газета оборонцев, писала, что рабочие определенно войдут в военно-промышленные комитеты не только тогда, когда предприниматели предупредительно раскроют перед ними двери, но и в том случае, если эти двери будут закрыты и мозолистым рукам самим придется сдвигать их затворы.

Меньшевики также демагогически утверждали, что военно-промышленные комитеты станут ячейками общеполитической деятельности. Поэтому их необходимо использовать для организации распыленных сил рабочего класса и защиты его экономических и политических интересов. В лице «рабочей группы» рабочие приобретут якобы могущественное орудие борьбы за политическую свободу, которая может быть завоевана только в контакте с буржуазией. Оборонцы договаривались даже до того, что «рабочие группы» помогут усилить позиции международного пролетариата в борьбе за демократический мир, укрепить принципы интернационализма и т. п. «Чтобы влиять на рабочих, буржуа должны, — писал В. И. Ленин, — наряжаться социалистами, эсдеками, интернационалистами и т. д., иначе влиять невозможно» [1].

Нужно было сорвать маску с лакеев буржуазии, раскрыть буржуазную сущность политики оборонцев перед широкими массами рабочих.

В статье «Несколько тезисов» Ленин в следующих словах определил тактику большевиков по отношению к выборам в военно-промышленные комитеты: «Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, напр., за участие на первой стадии выборов *только* в агитационных и организационных целях» [2].

Руководствуясь этой тактикой, большевики приняли участие в выборной кампании. На рабочих собраниях большевики разъясняли империалистический характер войны, разоблачали социал-шовинистов и призывали рабочих бойкотировать военно-промышленные комитеты, вести борьбу за демократическую республику, восьмичасовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель, за превращение войны империалистической в войну гражданскую. В разгоревшейся вокруг выборов в Петрограде острой борьбе с оборонцами победа осталась за большевиками. Подавляющее большинство рабочих решительно осудило идею классового сотрудничества с буржуазией. Не помогла меньшевикам ни их демагогия, ни поддержи-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 21, стр. 394.
[2] Там же, стр. 366.

вавшая их буржуазная печать, ни охранка, старавшаяся всеми мерами преградить большевикам доступ на собрания рабочих.

Первое собрание уполномоченных от заводов и фабрик Петрограда по выборам в Центральный и Петроградский военно-промышленный комитеты было назначено на 27 сентября 1915 года.

Накануне Петербургский комитет большевиков выпустил нелегальную листовку «Наказ выборщикам». Раскрывая империалистический характер войны и призывая рабочих к борьбе за превращение империалистической войны в войну гражданскую, Петербургский комитет писал: «1) Очевидно, речи быть не может об участии представителей рабочих в Центральном военно-промышленном комитете.

2) Подобное участие было бы фальсификацией воли пролетариата, изменой его революционному интернационалистическому знамени.

3) Поэтому рабочие-уполномоченные должны громогласно заявить об отказе участвовать в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне»[1].

На состоявшемся 27 сентября собрании уполномоченных, избранных более чем от 200 тысяч рабочих Петрограда, большинством голосов была принята резолюция Петербургского комитета большевиков об отказе рабочих от участия в военно-промышленных комитетах. Таким образом, несмотря на все попытки меньшевиков подчинить себе волю рабочих, выборы уполномоченных от Петрограда в Центральный и областной военно-промышленные комитеты провалились.

В статье «Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистическими фразами» Ленин писал:

«В жизни российской социал-демократии самый крупный факт теперь — выборы питерских рабочих в военно-промышленный комитет. Впервые за время войны и только эти выборы притянули действительно *массы* пролетариев к обсуждению и решению основных вопросов современной политики, показали нам настоящую картину *того, что есть* в социал-демократии, как массовой партии. Ока-

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 169.

залось, что есть два, только два течения, одно — революционно-интернационалистское, действительно пролетарское, организованное нашей партией, оно было *против обороны*. Другое, «оборонческое» или социал-шовинистское, было блоком «нашедельцев» (т. е. главного ядра ликвидаторов), плехановцев, народников и беспартийных, причем весь этот блок поддерживала вся буржуазная печать и все черносотенцы в России, доказав тем буржуазную, а не пролетарскую, сущность политики этого блока» [1].

Потерпев поражение в Петрограде, оборонцы возложили все свои надежды на Москву. На помощь им пришли московская буржуазия и охранка. Все буржуазные газеты изо дня в день помещали статьи, посвященные предстоящим выборам. Охранка развернула энергичную деятельность, по поводу которой большевистский Центральный Орган «Социал-демократ» сообщал: «Охранка работает как никогда. В одиночках сидят по-двое. Обысков почти не делают. Хватают на улицах, «чистят Москву» [2].

Право входа рабочих на собрания, где выбирались уполномоченные, было затруднено. Подпись рабочего на явочной повестке заверялась мастером и сличалась с подписью в общем списке избирателей. Рабочие не знали, куда производятся выборы.

Массовые аресты нанесли большой урон Московской организации большевиков, но и таким методом буржуазия и ее прихвостни — меньшевики не смогли изолировать большевиков от рабочей массы. Большевики сумели выпустить и распространить среди московских рабочих ряд листовок и специальный наказ уполномоченным по выборам в Московский военно-промышленный комитет.

Одна из выпущенных листовок заканчивалась следующими словами: «Мы, московские рабочие, вместе с российским пролетариатом будем бойкотировать военно-промышленные комитеты... Товарищи! Организациям правительства — их военно-промышленным комитетам мы должны противопоставить прочную пролетарскую организацию. Мы должны готовиться к решительной схватке... Не в военно-промышленных комитетах, а в народ-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 21, стр. 392—393.
[2] «Социал-демократ», 1915, № 49.

ном восстании против самодержавного правительства найдет свое спасение пролетариат» [1].

Преодолевая всевозможные препятствия, большевики достигли того, что большая часть московских рабочих бойкотировала выборы в военно-промышленные комитеты.

Из 90 тысяч рабочих, допущенных к выборам, около 40 тысяч отказалось от выборов, около пяти тысяч бюллетеней было опущено в избирательные урны незаполненными; свыше двух тысяч бюллетеней было опущено с ругательствами по адресу буржуазии и ее пособников — социал-шовинистов. Таким образом, в выборах принимало участие менее половины допущенных к выборам в Москве рабочих. Об отношении московских рабочих к выборам в военно-промышленные комитеты красноречиво говорят и примеры выборов на отдельных предприятиях.

По данным, опубликованным газетой «Социал-демократ», на заводе «Поставщик» из 8 557 рабочих за выборы голосовало менее 300 человек. На фабрике Шредер из 1 105 рабочих голосовало 59 человек, на фабрике Жиро из 3 268 рабочих — 198, на заводе «Динамо» из 1 500 рабочих голосовало только 74 человека и т. д. [2].

Организаторы выборов пошли на подлог. Они объявили, что избрано, как и намечалось, 90 выборщиков. На собрании выборщиков, состоявшемся в ноябре 1915 года в здании биржи, председательствовавший Рябушинский обрывал на полуслове выступавших большевиков и аплодировал оборонцам. Большинством в шестьдесят восемь голосов против двадцати одного собрание высказалось за участие в выборах. Тогда 21 человек, огласив большевистскую декларацию, демонстративно покинули собрание. Оставшиеся оборонцы избрали 10 представителей в Московский военно-промышленный комитет. «Рабочую группу» возглавил меньшевик Черегородцев.

Оценивая «победу» меньшевиков на выборах в Москве, большевистская газета «Социал-демократ» писала: «И в Москве, и в Петербурге за «оборонцами» даже в нынешнее тяжелое время пошло лишь меньшинство рабочих и все-таки они «победили». Почему? Потому, что их поддержала вся буржуазия и царское правительство.

[1] «Листовки Московской организации большевиков 1914—1920 г.г.», 1940, стр. 16.

[2] «Социал-демократ», 1916, № 50.

Потому, что наша печать задушена, а их печати дарована монополия легальности. Потому, что нашу партию преследуют огнем и мечом, а на их улице праздник...»[1].

«Рабочая группа», созданная при военно-промышленном комитете руками агентов буржуазии — меньшевиков, не пользовалась авторитетом среди рабочих. Так, например, культурно-просветительное общество «Единение» организовало совещание представителей правлений московских профсоюзов, больничных касс, рабочих клубов, независимых рабочих кооперативов, созванное нелегальным Центральным бюро профсоюзов. Совещание решило «придерживаться линии большевиков, не признавать «рабочую группу» военно-промышленного комитета, не входить с ней в сношения, выступить с заявлениями протеста».

Отдельные профсоюзы сразу же после этого совещания начали выступать с протестами против организации «рабочих групп». В заявлении профессионального общества портных Москвы указывалось, что выборы рабочих представителей в «рабочие группы» были проведены неправильно, поэтому выборные лица не выражают действительных стремлений рабочих. Исходя из этого, говорится в заявлении, общество рабочих портных не может считать «рабочую группу» Москвы органом защиты интересов московских рабочих.

Профсоюзы и другие рабочие организации направили в адрес военно-промышленного комитета большое количество заявлений с протестом против существования «рабочей группы». Позднее Черегородцев, жалуясь на трудности работы в Москве, говорил, что он получил сотни угрожающих заявлений и писем от рабочих.

«Победа» в Москве вызвала новый прилив энергии у оборонцев Петрограда. Вскоре после провала выборов в Центральный и Петроградский военно-промышленный комитеты меньшевик Гвоздев выступил с открытым письмом, опубликованным всеми буржуазными газетами, в котором заявил, что на собрании выборщиков 27 сентября оказались якобы подставные лица, и настаивал на необходимости производства новых выборов. Заявление Гвоздева было единодушно поддержано буржуазной печатью, и руководители Центрального военно-промышленного комите-

[1] «Социал-демократ», 1916, № 50.

та получили разрешение на возобновление выборов. Новые выборы были организованы по московскому образцу. Повестки уполномоченным вручались под поручительство администрации. Неблагонадежных выборщиков лишали полномочий. Многие рабочие были арестованы.

29 ноября 1915 года состоялись повторные выборы, но и на этот раз, несмотря на полицейский террор и специальный подбор уполномоченных, среди них оказалось немало большевиков. Как только председатель Центрального военно-промышленного комитета Гучков объявил собрание открытым, представитель большевиков выступил с декларацией, в которой говорилось:

«Ввиду того, что кучке самозванцев удалось все-таки сторговаться с буржуазией и созвать сегодняшнее собрание, мы заявляем, что считаем изменниками всех, способствовавших этой закулисной сделке, и с ними поведем самую упорную борьбу во всех слоях рабочих масс, где изменникам не должно быть места»[1].

После оглашения декларации 67 выборщиков, возглавляемых большевиками, покинули собрание. Но это не помешало Гучкову провести выборы. Меньшевик Гвоздев и провокатор Абросимов возглавили избранную «рабочую группу» в Центральный военно-промышленный комитет. Было избрано 6 человек в «рабочую группу» Петроградского областного военно-промышленного комитета.

Буржуазии и социал-шовинистам, несмотря на поддержку царских властей, удалось создать «рабочие группы» только в тридцати шести областных и районных военно-промышленных комитетах, а выборы проводились в семидесяти комитетах.

Бойкот военно-промышленных комитетов был проведен в Екатеринославе, Харькове, Саратове, Нижнем Новгороде, Баку, Луганске и других городах.

В Екатеринбурге из 20 тысяч рабочих участвовало в выборах только 3 500 от тридцати пяти мелких предприятий. В Оренбурге «рабочая группа» была просто подобрана без выборов. В Перми от выборов были устранены рабочие крупнейшего Мотовилихинского пушечного завода, где было сильно влияние большевиков.

В январе 1916 года по указанию Центрального коми-

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 176.

тета партии большевиков началась кампания борьбы за роспуск созданных «рабочих групп». Вышел ряд большевистских листовок, разоблачивших оборонцев как изменников и предателей рабочего класса.

«Кучка изменников, — говорилось в одной из листовок Петербургского комитета, — нарушивших волю большинства петербургского пролетариата, ясно выраженную им на собрании 27 сентября 1915 г., и вошедших в преступную сделку с буржуазией за спиной рабочего класса, продолжает вести свою недостойную игру... Эти назойливые господа лезут всюду, где видят возможность лишний раз безнаказанно подчеркнуть, что они — «рабочие представители»...

Петербургский пролетариат должен активно противодействовать всем попыткам «гвоздевско-гучковской» компании представлять его в каких бы то ни было областях рабочей жизни...

Грязное пятно «гвоздевщины» должно быть смыто с революционной части петербургского пролетариата...»[1].

В адрес «рабочих групп» поступали многочисленные требования о немедленном прекращении ими своей антирабочей деятельности в военно-промышленных комитетах. В Петрограде, в Москве и в других городах рабочие предприятий, от которых были «избраны» представители в военно-промышленные комитеты, выносили решения о лишении полномочий избранных ими представителей. «Рабочие группы» сами вынуждены были признать, что рабочие и профсоюзы относятся к ним враждебно. В отчете «рабочей группы» Московского военно-промышленного комитета от 15 сентября 1916 года говорится: «Рабочая группа с первых же дней своего существования встретила со стороны профессиональных союзов резко враждебное отношение, мотивированное чисто принципиальными соображениями о недостатках выборов, по которым члены группы прошли в военно-промышленный комитет» [2].

Московские профсоюзы подвергались упорной атаке со стороны «рабочей группы», призывавшей их к совместной работе. Однако профсоюзные организации не-

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 189—190.
[2] «Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1929, вып. 3—4, т. XXXIV, стр. 259—260.

изменно отказывались от сотрудничества. В ответ на предложение «рабочей группы» войти с ней в соглашение по вопросу о рабочем представительстве на предполагавшемся Всероссийском съезде по организации Бюро труда правления профсоюзов писали: «Принимая во внимание резолюции организованных рабочих г. Москвы и в частности постановление Общего собрания от 8 декабря 1915 года, не признавших рабочую группу военно-промышленных комитетов своими представителями и выразителями взглядов организованных рабочих, Совет общества... категорически отказывается от всяких обсуждений каких бы то ни было вопросов совместных выступлений и требует от нее немедленного сложения своих полномочий» [1].

Такие послания были отправлены в адрес московской «рабочей группы» от правления профессионального общества по обработке металлов «Единение», профессионального общества рабочих печатного труда, профессионального общества по производству обуви, профессионального общества архитектурно-строительных рабочих и других рабочих организаций.

Энергичные протесты поступали от рабочих других городов. Но оборонцы все же продолжали оставаться в военно-промышленных комитетах и выдавали себя за представителей рабочих. Программа их деятельности, одобренная вторым Всероссийским съездом военно-промышленных комитетов, состоявшимся в конце февраля 1916 года, предусматривала созыв широкого рабочего съезда, создание центрального бюро труда и примирительных камер на паритетных началах, восстановление института старост на основе царского закона 1903 года. Эта программа, преследующая цели борьбы со стачечным движением, являлась ярким выражением предательства социал-шовинистами интересов рабочего класса.

Идея созыва Всероссийского рабочего съезда возникла у меньшевиков еще в 1906 году. Ее выдвинул тогда меньшевик Аксельрод. Несмотря на резкое осуждение V Лондонским съездом РСДРП этой идеи, как вреднейшей попытки ликвидировать социал-демократическую партию, меньшевики не отказались от своих ликвидаторских

[1] «Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1929. вып. 3—4, т. XXXIV, стр. 264.

планов. Они вели борьбу за их осуществление в период столыпинской реакции, а также в годы войны.

По предположениям гвоздевцев Всероссийский рабочий съезд должен был узаконить союз социал-шовинистов с империалистической буржуазией и превратить «рабочую группу» при Центральном военно-промышленном комитете в своего рода ЦК широкой «рабочей» партии.

По поводу развернутой меньшевиками агитации за созыв рабочего съезда Центральный Орган партии большевиков газета «Социал-демократ» писала:

«Товарищи из России спрашивают совета: участвовать ли в рабочем съезде, который готовят господа социал-патриоты? Вопрос вовсе не праздный. Теперь за «идеей» «рабочего съезда» стоят не Аксельрод и Ларин, а Хвостовы и Гучковы... В течение ряда лет они мечтают о создании «своей» рабочей партии. Если у них будут шансы созвать «свой», «гвоздевский» съезд, они не преминут это сделать. Потресов, Засулич, Гвоздев, Плеханов окажутся простыми пешками в руках Хвостовых и Штюрмеров... Как же относимся мы к такому «рабочему» съезду? *Совершенно так же, как к любому другому съезду, организуемому буржуазией и правительством.* Мы участвовали на съездах, которые организовывали кадеты, октябристы. Мы примем участие и на съезде, организуемом социал-патриотами, октябристами и Коноваловым. Для какой цели? Для разоблачения социал-патриотов, для того, чтобы всенародно заклеймить их, как слуг царя и империалистической буржуазии, для того, чтобы с враждебной трибуны демонстрировать в пользу идей революционной социал-демократии, словом для того, чтобы использовать чужой буржуазный съезд в наших агитационных и организационных целях» [1].

В заключение «Социал-демократ» писал:

«Гвоздев и К⁰ — это нынешние зубатовцы. Гвоздевцы и Потресовы будут подделывать и фальсифицировать рабочее мнение всеми правдами и неправдами. Их сообщники — охранка, Гучков, Милюков, Хвостов — окажут им самую деятельную поддержку... Трудности будут велики, но устраняться нам не следует. Возможности сказать с

[1] «Социал-демократ», 1916, № 52.

открытой арены наше слово слишком мало. Мы за участие в готовящемся съезде рабочих-социалистов... мы пойдем туда, чтобы их разоблачить» [1].

Претворить в жизнь идею «рабочего» съезда гвоздевцам и их сообщникам — черносотенцам, октябристам и кадетам — не удалось. Рабочий класс, руководимый большевиками, сорвал эту затею меньшевиков.

Попытки гвоздевцев остановить стачечное движение или по меньшей мере ослабить его остроту посредством создания примирительных камер тоже кончились неудачей. В постановлении второго съезда военно-промышленных комитетов об организации примирительных камер необходимость последних мотивировалась тем, что нужна гибкая политика в отношении рабочих, чтобы расположить их к себе. Однако даже это постановление вызвало резкий протест со стороны обществ фабрикантов и заводчиков и других предпринимательских организаций, которые не хотели отказаться от испытанного средства правительственных репрессий в угоду «либеральным экспериментам». Все усилия Гучкова, Коновалова, Рябушинского и других убедить буржуазию в том, что примирительные камеры создаются исключительно в интересах предпринимателей, не имели успеха. К фабрикантам и заводчикам присоединилось и правительство, признав институт примирительных камер несвоевременным.

Так как в законодательном порядке разрешить вопрос о примирительных камерах не удалось, Центральный военно-промышленный комитет решил стать на путь создания примирительных камер на добровольных началах при военно-промышленных комитетах. Эти камеры организовывались на паритетных началах, то-есть равное число представителей от рабочих и предпринимателей, причем сторону рабочих должны были представлять «рабочие группы». В случае разногласий роль арбитра выполнялась военно-промышленными комитетами. В ряде городов гвоздевцам ценой больших усилий удалось убедить предпринимателей, связанных с военно-промышленными комитетами, дать свое согласие на организацию примирительных камер. Однако эти камеры бездействовали, так как рабочие предпочитали обходиться без их помощи. Яр-

[1] «Социал-демократ», 1916, № 52.

ким показателем отрицательного отношения рабочих к затеям оборонцев служит деятельность Московской примирительной камеры, созданной в 1916 году. За весь 1916 год московские рабочие ни разу не обратились к ее услугам.

Об отношении рабочих к примирительным камерам можно судить также по адресованному Гучкову сообщению военно-промышленного комитета г. Николаева, в котором говорится, что рекомендуемая мера введения примирительных камер при военно-промышленных комитетах встречена в рабочей среде с полным хладнокровием и даже безучастно.

Стремясь всеми способами парализовать стачечную борьбу рабочего класса, гвоздевцы навязывали рабочим свое посредничество в возникавших конфликтах. Призывая рабочих обращаться с петициями в военно-промышленные комитеты, Петроградская «рабочая группа» сорвала назревшую стачку на заводе «Промет» и в мастерских технологического института. Петроградские гвоздевцы старались хотя и безуспешно сорвать стачки на ряде крупнейших предприятий, в частности на Путиловском вагоностроительном, Невском судостроительном и других заводах. Во время февральской забастовки 1916 года на Путиловском заводе «рабочая группа», решив демобилизовать бастующих рабочих, выпустила воззвание, в котором, призывая путиловцев прекратить забастовку, убеждала их в том, что движение рабочих, изолированное от движения всех других прогрессивных слоев общества, идет во вред интересам рабочего класса, а не на пользу. В воззвании подчеркивалось, что подобные стихийные вспышки лишь ослабляют нарастающий конфликт всего русского общества с царской властью. Гвоздевцам не удалось, однако, воздействовать на бастовавших, которыми руководила большевистская партия.

Не имела успеха «рабочая группа» и в борьбе со стачечным движением, охватившим Петроград в 1916 году в связи с готовившимся военно-полевым судом над членами большевистской организации Балтийского флота. Ее воззвания, призывавшие рабочих «не верить ложным слухам», прекратить стачки и приступить к энергичной организованной работе, не оказали никакого воздействия на бастовавших.

Социал-шовинисты, всячески дезорганизуя стачечную

и революционную борьбу рабочего класса, пытались в то же время выдавать себя за верных защитников рабочих интересов. Чтобы поддержать свой авторитет в глазах отсталых рабочих, они были вынуждены иногда выступать за повышение заработной платы. На этой почве среди предпринимателей распространились слухи о том, что «рабочие группы» занимаются подстрекательством рабочих к забастовкам. Подобные слухи вызывали среди гвоздевцев негодование, которое нашло наиболее яркое выражение в следующих строках обращения «рабочей группы» Центрального военно-промышленного комитета на имя Государственной думы летом 1916 года. «Вопреки многочисленным фактам, реакция пыталась превратить рабочие группы при военно-промышленных комитетах в центры стачечной стихии и не побрезгала бросить в нас гнусную ложь о будто бы скрытом нашем пораженчестве» [1].

Подъем стачечного движения в 1916 году сорвал попытки социал-шовинистов установить мир между трудом и капиталом. В поисках средств для обуздания стачечного движения и расширения своих связей с фабриками и заводами гвоздевцы решили использовать давно похороненный в архиве царский закон от 10 июня 1903 года о фабричных старостах, изданный как противоядие против назревавшей первой русской революции.

По этому закону допускалось с согласия отдельных фабрикантов рабочее представительство на фабриках и заводах с целью упорядочения отношений между рабочими и администрацией и предупреждения стачек, но и оно ограничивалось рядом полицейских мер. Старосты назначались заводоуправлениями из числа избранных рабочими кандидатов. Разрешая старостам проявлять инициативу в устранении нарушений условий найма, закон категорически воспрещал им поднимать вопрос об изменении этих условий и таким образом сводил их роль нанет. Собрания рабочих допускались только при обязательном присутствии на них чинов полиции. Губернаторам было предоставлено право отстранять от должности старост, не отвечающих, как сказано в законе, «своему назначению». Совокупность полицейских ограничений обре-

[1] «Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1929, вып. 3—4, т. XXXIV, стр. 233.

кала старост на «роль фабричных дворников». Полицейское назначение этого рабочего представительства было настолько очевидным для всех рабочих, что оно почти не получило практического применения. В течение более чем десяти лет рабочие фактически бойкотировали этот закон.

Наиболее распространенной формой рабочего представительства в годы войны, вопреки террору полиции и предпринимателей, являлись советы депутатов, советы уполномоченных и другие неофициальные организации на предприятиях, возникавшие явочным порядком, с помощью которых рабочие отстаивали свои классовые интересы. Но то были организации, стоявшие на позициях классовой борьбы, а меньшевики стремились во что бы то ни стало добиться тесного сотрудничества рабочих с империалистической буржуазией. Одним из действенных средств для достижения этой цели, с точки зрения социал-шовинистов, являлось широкое применение закона о фабричных старостах. В письме на имя министра торговли и промышленности Гвоздев утверждал, что институт старост «внесет успокоение в среду рабочего класса, предупредит многие возникающие стихийно конфликты, вредные как для рабочих, так и для дела обороны» [1].

Вопрос о восстановлении института фабричных старост был предметом обсуждения второго съезда военно-промышленных комитетов. По предложению «рабочей группы» Центрального военно-промышленного комитета съезд обязал все военно-промышленные комитеты проявить инициативу в осуществлении закона от 10 июня 1903 года. В проекте правил о фабричных старостах, опубликованном отделом промышленного труда Центрального военно-промышленного комитета, предусматривалась несколько бо́льшая в сравнении с законом 1903 года свобода выборов и деятельности старост. Незначительным изменением закона гвоздевцы рассчитывали достигнуть перелома в отношениях рабочих к институту фабричных старост. Однако попытки гвоздевцев несколько расширить круг обязанностей старост, несмотря на всю их ограниченность и благонамеренность, встретили решительный отпор со стороны обществ фабрикантов и заводчиков. Все же Центральный военно-промышленный комитет в июне

[1] Архив Д. П. за 1916 г., дело № 10—23, л. 28.

1916 года разослал всем военно-промышленным комитетам инструкцию об учреждении института старост, в которой говорилось, что границы применения закона от 10 июня 1903 года зависят от местных условий. Но «местные условия» явно не благоприятствовали широкому применению полицейского закона. В то время как фабриканты упорно не желали допустить никаких отступлений от закона, рабочие требовали восстановления профсоюзов, признания заводских комиссий и других боевых рабочих организаций.

Рабочие охотно шли на собрания, созываемые отдельными предпринимателями для выборов кандидатов в старосты, но от выборов, как правило, отказывались. Так, например, на Брянском заводе из 17 тысяч рабочих только 124 человека подали избирательные бюллетени.

29 сентября 1916 года Московское профессиональное общество портных писало «рабочей группе»: «Закон о рабочих старостах является попыткой реакционных сил подчинить своему контролю рабочее движение. Объединить и организовать рабочий класс следует не при помощи реакционного закона, а путем его политической и профессиональной самодеятельности.

Деятельность «рабочей группы» еще лишний раз убеждает нас в том, что занятая ею принципиальная позиция неизбежно приводит к оппортунистическим попыткам сгладить существующие классовые противоречия и тем затемняет классовое самосознание рабочих масс» [1].

Как ни цеплялись «рабочие группы» за закон о фабричных старостах, реализовать его им все же не удалось. Бесплодными оказались и их старания организовать представительство рабочих в бюро труда. Проводимая социал-шовинистами политика предательства интересов рабочего класса способствовала их разоблачению даже среди отсталой части фабрично-заводского пролетариата. Рабочий класс, руководимый большевистской партией, бойкотировал «рабочие группы», парализовал их деятельность.

Попытка буржуазии повести за собой рабочих потерпела крушение благодаря высокой революционной сознательности русского рабочего класса, возглавляемого партией большевиков.

---

[1] «Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1929, вып. 3—4, т. XXXIV, стр. 262.

Глава седьмая

РОСТ СТАЧЕЧНОЙ БОРЬБЫ РАБОЧИХ В 1916 ГОДУ

Продолжавшаяся империалистическая война привела к полному упадку народное хозяйство царской России. Закрывались фабрики и заводы, резко упала добыча угля, нефти, выплавка чугуна и стали. Это можно проиллюстрировать на примере сокращения производства в области тяжелой индустрии страны:

Годы	Действующих доменных печей	Действующих вагранок	Действующих мартенов	Выплавка чугуна, в тыс. пуд.	Железо и сталь, в тыс. пуд.	Добыто каменного угля, в тыс. пуд.	Добыто нефти, в тыс. пуд.
1913	151	283	264	282 960	246 552	2 200 052	563,4
1916	115	243	237	231 865	205 852	1 954 688	492,1
В % к 1913 г.	76,3	86,0	89,8	81,5	83,1	88,7	87,5*

Еще больше сократилось производство в легкой промышленности. В хлопкообрабатывающей промышленности оно составляло на 1 января 1917 года в сравнении с 1913

* «Статистический сборник 1913—1917 г.г.», вып. 1, стр. 76—78.

годом 81 процент, в шерстяной — 52 процента, в шелковой — 77 процентов, в деревообрабатывающей—66,4 процента, в бумажной и полиграфической — 74,7 процента [1].

Сократилось производство в пищевой, кожевенной и других отраслях промышленности.

Катастрофически разваливался железнодорожный транспорт. Уже в первом полугодии 1916 года количество неперевезенных грузов выросло до 127 тысяч вагонов.

Разруха ударила также и по сельскому хозяйству. Деревня лишилась рабочей силы, так как миллионы мужчин были отправлены на фронт. Реквизиция для военных целей свыше двух миллионов рабочих лошадей и не меньшего количества крупного рогатого скота, бесконечные гужевые повинности истощили вконец и без того нищую деревню. Посевные площади значительно сократились, главным образом за счет бедняцких и середняцких хозяйств, снизилась урожайность, увеличилось количество безлошадных крестьянских дворов.

Царское правительство было совершенно не способно предотвратить или хотя бы ослабить грозно надвигающуюся разруху народного хозяйства. Не способны были приостановить разруху и так называемые «общественные силы страны» — многочисленные комитеты, комиссии, совещания и т. п., созданные буржуазией для содействия войне. Упадок промышленности и сельского хозяйства, развал транспорта пагубно действовали на снабжение фронта и тыла. На страну надвигался голод. Армия остро нуждалась в орудиях, снарядах и в другом вооружении и боеприпасах, солдаты на передовых позициях неделями не получали хлеба. Плохо вооруженная царская армия теряла боеспособность и разлагалась, терпела поражение.

«Все это, — говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — вызывало ненависть и озлобление к царскому правительству среди рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции, усиливало и обостряло революционное движение народных масс против войны, против царизма как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах» [2].

Во главе нарастающего революционного движения в стране шел рабочий класс под руководством большевист-

---

[1] «Статистический сборник 1913—1917 г.г.», вып. 1, стр. 76—78.

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 167.

ской партии. Суровая действительность отрезвляюще подействовала даже на самые отсталые слои рабочего класса. Новые рабочие, влившиеся в промышленность и заменившие мобилизованных на фронт, испытав на себе капиталистическую эксплоатацию, стали быстро освобождаться от оборонческих настроений и становиться на путь революционной борьбы.

Большевистские нелегальные организации сплачивали и активизировали рабочие массы. Резко увеличилось количество экономических и особенно политических стачек и демонстраций рабочих против войны и самодержавия.

Царское правительство для предотвращения стачек решило перевести всех рабочих, работающих на оборону, на положение солдат. Министерство торговли и промышленности спешно разработало положение о милитаризации рабочих. Специальная комиссия «особого совещания по обороне» одобрила это положение и вынесла пожелание ввести его в действие незамедлительно законодательным путем. Однако обсуждение проекта в Государственной думе затянулось. Петербургский комитет большевиков организовал на фабриках и заводах столицы митинги протеста против милитаризации труда. На митингах рабочие выносили короткую резолюцию: «Протестуем против милитаризации труда». В середине февраля 1916 года состоялись митинги на заводах «Новый Айваз», «Старый Лесснер», «Новый Лесснер», Парвиайнен и на многих других заводах. Митинги протеста проходили и в других городах. Закон о милитаризации труда провалился.

Стачечная борьба разгоралась. Фабричная инспекция и горный надзор зарегистрировали в 1916 году тысячу двести восемьдесят восемь стачек и 957 075 бастовавших рабочих.

Если в 1915 году забастовками был охвачен главным образом Центральный промышленный район и Петроград, то уже с весны 1916 года вступают в борьбу горнорабочие и металлисты Донбасса, рабочие Урала, Баку, Грозного и других промышленных районов. В январе—феврале 1916 года произошло двести семьдесят четыре экономические и политические стачки. В них участвовало 220 428 рабочих. Количество стачек увеличилось по сравнению с январем—февралем 1915 года почти в шесть раз, а количество бастовавших рабочих — в семь раз.

С апреля по июль 1916 года произошло уже пятьсот восемнадцать стачек, в которых участвовало 297 493 рабочих. По сравнению с соответствующим периодом 1915 года количество бастовавших рабочих выросло в полтора раза. За один октябрь 1916 года зарегистрировано сто девяносто восемь стачек и 187 134 бастовавших рабочих.

Общее количество стачек в 1916 году увеличилось по сравнению с 1915 годом на 26 процентов, количество бастовавших рабочих — на 82 процента, а количество потерянных рабочих дней на каждого бастовавшего рабочего увеличилось почти в два с половиной раза. Следовательно, стачки стали более продолжительными и более массовыми. Особенно показателен рост количества бастовавших рабочих — участников политических стачек. В 1915 году, по официальным данным, принимали участие в политических стачках 156 124 рабочих, в 1916 году — 310 300 рабочих, или почти в два раза больше. Металлисты и текстильщики шли в авангарде рабочего класса. Они дали 93,1 процента всех бастовавших рабочих. На другие отрасли промышленности приходится всего 6,9 процента бастовавших.

Ведущую роль в стачечной борьбе продолжали занимать рабочие Петрограда, Москвы и Центрального промышленного района. Только в пяти губерниях — Петроградской, Московской, Владимирской, Тверской и Костромской — произошли 66,9 процента общего количества стачек, в которых участвовало 77,4 процента общего количества бастовавших рабочих в 1916 году. Особенно упорно бастовали рабочие Петрограда. Здесь произошло триста пятьдесят две стачки, в которых приняли участие 361 867 рабочих, что составляет 27,3 процента общего количества стачек и 37,8 процента бастовавших рабочих в стране.

Во главе петроградских большевиков стоял тогда бежавший из ссылки В. М. Молотов. Заводские партийные организации Выборгского района избрали В. М. Молотова в Выборгский районный комитет партии, который делегировал его в Петербургский комитет большевиков. В августе 1916 года В. М. Молотов был введен в состав Российского бюро Центрального Комитета большевиков. Под его руководством большевики повели еще более энергичную революционную работу на фабриках и заводах.

В 1916 году материальное положение рабочего класса резко ухудшилось. Поэтому борьба за повышение заработной платы занимала главное место в экономических стачках рабочих. 78,6 процента бастовавших по экономическим мотивам рабочих требовали повышения заработной платы.

В то время как царизм, буржуазия и ее приспешники — оборонцы всех оттенков от Плеханова до Троцкого включительно — стремились искоренить стачечную борьбу, большевики выступали инициаторами, руководителями стачек. Под руководством большевиков политические стачки и демонстрации переплетались со стачками экономическими. При ослаблении натиска политической борьбы усиливался натиск борьбы экономической, но самое главное, движение шло беспрерывно, шло по восходящей линии. Большевистское руководство рабочим классом давало свои результаты. Начало 1916 года ознаменовалось многочисленными экономическими стачками петроградских рабочих. В январе забастовали рабочие завода «Айваз», канатной фабрики «Гот», фабрики Паля и многих других предприятий. 19 января впервые за время войны забастовало свыше 2 тысяч рабочих трамвайных парков и электростанций, потребовав увеличения заработной платы на 50 процентов, введения расчетных книжек, бесплатной медицинской помощи и т. д. Городская управа решила рабочим не уступать и обратилась за помощью к властям. Начальник столичной полиции направил в распоряжение управы 300 городовых для замены бастовавших вагоновожатых и кондукторов. Командующий военным округом командировал в каждый парк по 50 солдат из инженерных частей, но трамваи все-таки не шли. 21 января управа объявила об увольнении всех забастовавших рабочих.

Петербургский комитет большевиков придавал большое значение стачке трамвайщиков. Она разоблачила показной либерализм «отцов города», показала их классовое эксплоататорское лицо. 24 января Петербургский комитет обратился с воззванием к рабочим и работницам Петрограда.

«Отцы города», — говорится в воззвании, — извлекая огромные доходы от эксплоатации трамвая, предпочитали затыкать ими все дыры городского бюджета вместо

того, чтобы в интересах беднейших слоев населения понизить проездную плату, непомерно высокую, и соответственно улучшить положение служащих и рабочих. Наоборот, стремясь к извлечению все больших и больших барышей, они все время старались усилить эксплоатацию труда и вместе с тем удержать заработную плату на самом низком уровне» [1].

Дальше Петербургский комитет разоблачал связь «деятелей» городской управы с охранкой, с полицией и призывал рабочих немедленно проводить повсюду сборы для создания фонда поддержки бастующих [2].

Петроградские рабочие откликнулись на призыв большевиков. Сборы провели путиловцы, рабочие завода «Старый Лесснер», «Феникс», Розенкранца, Вестингауз и многих других фабрик и заводов. Объединенным силам буржуазной городской думы и охранки противостояли не только рабочие трамвая и электростанций, а весь петроградский пролетариат, возглавляемый большевиками.

27 января Дума вынуждена была объявить о восстановлении на работе уволенных рабочих и увеличении заработной платы. 28 января стачка прекратилась.

Крупная экономическая стачка произошла в марте 1916 года на заводе Лесснер. Она охватила 7 тысяч рабочих. Забастовавшие предъявили ряд экономических требований: повышение заработной платы на 70 процентов, улучшение условий труда для учеников, признание рабочей расценочной комиссии и т. п. Против забастовавших рабочих применили локаут, около тысячи военнообязанных отправили на фронт, а на их место пригнали солдат. Голод вынудил рабочих вернуться на работу на прежних условиях. 1 апреля стачка прекратилась.

Упорная стачечная борьба рабочих развернулась в провинции на крупных заводах, работающих на оборону.

20 января забастовало свыше 12 тысяч рабочих медно-прокатного и патронного заводов Тулы. Рабочие требовали повышения заработной платы от 40 до 75 процентов, удаления с завода особо ненавистных лиц администрации, вежливого обращения с рабочими. Стачкой руководила небольшая группа большевиков завода, скры-

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 185.
[2] Там же.

вавшаяся под флагом профсоюза металлистов. Переговоры с администрацией закончились безрезультатно. Оборонцы уговаривали рабочих прекратить стачку. Им удалось даже спровоцировать часть рабочих патронного завода стать на работу.

Начались волнения среди рабочих меднопрокатного завода. В ночь на 25 января охранка арестовала свыше 30 передовых рабочих, закрыла профсоюз металлистов. В связи с этим на другой день все рабочие снова прекратили работу, требуя освобождения арестованных товарищей и установления восьмичасового рабочего дня. 27 января по распоряжению правительства завод закрылся, всех рабочих уволили, а около 4 тысяч военнообязанных отправили к воинскому начальнику. На следующий день начался новый набор рабочих. Но оказалось, что завод приступить к работам не может, так как в число военнообязанных и «неблагонадежных», не принятых обратно на работу, попали все основные квалифицированные кадры рабочих. Выход из положения нашел тульский губернатор Трайницкий. Он обратился с ходатайством к министру внутренних дел Хвостову не отправлять мобилизованных рабочих на фронт, а вернуть на завод в качестве солдат, подчинив их военному режиму и поставив таким образом под угрозу предания военно-полевому суду за отказ от работы. Хвостов сообщил это ходатайство Трайницкого председателю совета министров Штюрмеру. Царское правительство одобрило предложение Трайницкого. 30 января все мобилизованные рабочие под командой офицеров вернулись на завод. В первой половине февраля работы на заводе возобновились.

11 января началась длительная и упорная стачка рабочих судостроительного завода «Наваль» в Николаеве. Рабочие утренней смены предъявили администрации ряд экономических требований, в частности повышение заработной платы от 20 до 75 процентов, и, не дожидаясь ответа директора, прекратили работу. Директор завода отказался вести переговоры до тех пор, пока рабочие не приступят к работе. 13 января бастовало уже 12 тысяч рабочих из 14 500. Забастовавшие рабочие ежедневно приходили на завод, устраивали сходки, а к вечеру расходились по домам. Стачка на таком важнейшем предприятии оборонного значения всполошила правительство. Ликвидацию

стачки взяли на себя руководители Центрального военно-промышленного комитета. В сопровождении членов «рабочей группы» чиновники министерства внутренних дел, окружной фабричный инспектор, прокурор военно-морского суда, члены Николаевского военно-промышленного комитета и многие другие представители центральных и местных властей выехали на завод. Все они во главе с градоначальником вице-адмиралом Мязговским посещали собрания рабочих, пытаясь уговорить их вернуться на работу. Царским чиновникам помогали местные оборонцы. Однако ни угрозы, ни уговоры не действовали. Рабочие держались стойко. Бывали случаи, когда местных оборонцев рабочие вывозили на тачке, а нередко и избивали.

В конце января по приказу губернатора полиция заняла заводские корпуса и в ночь на 29 января провела массовые аресты передовых рабочих. Из них 110 человек, заподозренных в руководстве стачкой, были преданы военно-морскому суду. Но и это не сломило рабочих.

21 февраля дирекция решила, наконец, пойти на уступки, объявив о военной прибавке от 2 до 4 копеек в час и отпуске из заводского магазина продуктов и товаров первой необходимости по твердым ценам. Стачка все же не прекратилась. Рабочие требовали освобождения всех арестованных товарищей.

23 февраля морское ведомство распорядилось немедленно закрыть завод, уволить всех рабочих, а военнообязанных отправить к воинскому начальнику. Новый набор рабочих продолжался до конца апреля. Только летом завод приступил к работе.

Не менее упорно бастовали рабочие Брянского завода Орловской губернии. 23 марта забастовали рабочие механической, плужной, мостовой, котельной и вагонной мастерских. Рабочие потребовали увеличить заработную плату на 70 процентов, отпускать продукты из заводской лавки по твердым ценам, улучшить условия труда для женщин, расширить баню, дать гарантию, что за участие в забастовке никто не пострадает. Директор завода Бухгольцев заявил, что он не будет вести переговоры до тех пор, пока не прекратится стачка. В ответ на это 26 марта забастовали все 17 тысяч рабочих. Завод стал. Оборонцы создали совет уполномоченных во главе с владельцем бакалейного магазина, скрывавшимся на заводе от мобили-

зации в армию, Кузнецовым. Совет уполномоченных объявил, что он выражает волю всех рабочих. Директор завода охотно пошел на переговоры с этими «уполномоченными», обещал увеличить заработную плату от 5 до 20 процентов и выполнить некоторые другие требования. Оборонцам удалось обмануть рабочих. 29 марта стачка прекратилась. Но рабочие скоро поняли, что их обманули. Прошло около месяца, а директор и не думал выполнять своих обещаний. Большевики, работая в глубоком подполье, упорно готовили новую стачку. Уже с середины апреля рабочие снова заволновались. Начальник охранки завода полковник Атлантов, пытаясь предотвратить назревающую забастовку, 24 апреля издал приказ, гласивший: «Предлагаю всем военнообязанным, работающим на Брянском заводе, неуклонно иметь на головных уборах присвоенные нижним чинам кокарды, а ратникам ополчения кокарду и крест» [1]. Далее в приказе говорилось, что в случае нарушения порядка на заводе рабочие будут преданы военно-полевому суду и расстреляны. Этот приказ ускорил события. 26 апреля все рабочие завода прекратили работу. На завод приехал орловский губернатор. Но уговорить рабочих ему не удалось. По совету Центрального военно-промышленного комитета оборонцы пытались сорвать стачку выборами старост. Рабочие от выборов отказались. 6 мая на завод приехал особоуполномоченный военного министра генерал Чердынцев. Он распорядился завод закрыть, всех рабочих уволить и начать новый набор. Военнообязанных отправили к воинскому начальнику. 36 передовых рабочих предали военному суду, 9 руководителей стачки без суда были отправлены в Сибирь. Из состава оборонческого совета уполномоченных никто не пострадал: за их благонадежность поручились директор завода и орловский губернатор. Но наем рабочих шел плохо. Большинство рабочих взяло расчет и вновь на работу не записалось. Завод остался фактически без рабочей силы. Предприниматели согласились на прибавку заработной платы от 5 до 20 процентов и увеличение харчевых от 20 до 40 копеек в день. 23 мая работы частично были возобновлены. Но только к концу июня завод стал работать более или менее нормально.

---

[1] Д. Баевский, Антивоенная стачка в Бежице, 1934, стр. 16.

Весной и летом стачки металлистов вспыхивали то на одном, то на другом предприятии. В марте бастовали рабочие завода Густав Лист, в апреле — 7 тысяч рабочих Коломенского машиностроительного завода, 5 тысяч Нижнеднепровского завода, с 27 по 30 июля бастовали 7 тысяч рабочих Сормовского завода. Со все возрастающей силой продолжались экономические стачки текстильщиков Центрального промышленного района. Стачки нередко продолжались две, три недели.

Началось стачечное движение и на уральских заводах. В январе рабочие Сысертского завода потребовали отмены сверхурочных работ и увеличения заработной платы на 40 процентов. Когда администрация отказалась удовлетворить требования рабочих, невоеннообязанные прекратили работу, а рабочие, имевшие отсрочки, на завод являлись, но сами установили восьмичасовой рабочий день. Администрация вынуждена была увеличить заработную плату на 30 процентов. На пятый день стачка прекратилась. Аналогичные требования предъявили рабочие Невьянского завода. Стачка прекратилась только после объявления об увеличении заработной платы на 25 процентов и дополнительной оплате сверхурочных работ. В мае бастовали рабочие Пермского пушечного и Кислинского заводов. Стачки закончились после увеличения заработной платы от 20 до 25 процентов.

Большевики Урала, проводя большую работу среди рабочих, все больше овладевали массами. На Урале долгое время работал Я. М. Свердлов. На Белорецком заводе работал старый большевик П. В. Точисский, который создал на заводе крепкую большевистскую организацию. В Шадринске революционную работу вел А. А. Жданов. Он создал также крепкую большевистскую группу. Немало большевиков было выслано на Урал из столичных городов. Они были организаторами поднимающегося революционного движения рабочих на Урале.

Экономические стачки во время империалистической войны приобретали политическое значение. Экономическая стачечная борьба пролетариата, несмотря на ее распыленность, разрозненность, разновременность, подчас стихийность, несмотря на частые неудачи, поражения, все же углубляла, расширяла общий фронт революционного движения, втягивая в борьбу новые и новые слои рабочих, нано-

сила серьезный удар русскому империализму, ослабляла позиции империализма вообще. Многие экономические стачки перерастали в политические. Это придавало им особую революционную силу. Так, например, 3 февраля рабочие электрического цеха Путиловского завода потребовали увеличения заработной платы на 70 процентов. Начальник цеха инженер Герцель отказался разговаривать с рабочими. 4 февраля 12 уполномоченных от рабочих отправились для переговоров к директору завода генералу Меллеру. Он отказал в прибавке и предупредил, что в случае отказа от работы военнообязанные будут посланы на передовые позиции, а невоеннообязанные — одеты в солдатские шинели.

Утром 5 февраля на стенах завода появился приказ, в котором говорилось, что «забастовавшие рабочие будут немедленно заменены специалистами... из нижних чинов, уже призванных на военную службу, затем все забастовавшие рабочие из числа военнообязанных будут призваны на действительную военную службу и назначены уже в качестве нижних чинов для отбывания своей службы на тех же местах, где они работали прежде».

Приказ вызвал среди рабочих бурю возмущения. В 12 часов дня забастовал электрический цех. Электрики отправились по цехам выключать моторы. В 3 часа дня забастовали пушечная, шрапнельная и механическая мастерские. Стачку возглавили большевики.

5 января вечером в больничной кассе собралась руководящая группа большевиков завода и решила поднять на борьбу всех рабочих. Были выработаны экономические и политические требования: повышение заработной платы от 50 до 70 процентов, введение восьмичасового рабочего дня, демократическая республика, конфискация помещичьих земель, возвращение из ссылки большевиков — депутатов Государственной думы. Вечером во дворе завода состоялся многотысячный митинг. Рабочие единодушно одобрили зачитанные большевиками требования и решили обратиться за поддержкой ко всем рабочим Петрограда. 6 февраля утром весь двадцатитысячный коллектив путиловцев прекратил работу, завод-гигант стал. В этот же день в помещении больничной кассы завода собрался Нарвский районный комитет большевиков для обсуждения вопроса о превращении путиловской стачки во

всеобщую стачку протеста против милитаризации рабочих. С этой целью 7 февраля состоялось заседание Петербургского комитета с представителями от районов. Царизм мобилизовал крупные силы на борьбу с путиловцами. 6 февраля по распоряжению командования военного округа завод был закрыт и все рабочие объявлены уволенными. Начались повальные аресты и отправка военнообязанных рабочих к воинскому начальнику. В ночь на 8 февраля подверглись аресту почти все члены Нарвского районного комитета большевиков и 9 членов Петербургского комитета. На заводе арестовали свыше 250 человек. Во время арестов в руки охранки попала нелегальная типография и только что отпечатанные листовки с призывом к всеобщей стачке солидарности с путиловскими рабочими и протесту против милитаризации труда. Но часть листовок все же удалось спасти и распространить на фабриках и заводах. Организовать стачку не удалось: сказались массовые аресты большевиков.

8 февраля начался прием рабочих на Путиловский завод. Около 6 тысяч «неблагонадежных» осталось за воротами. 9 февраля с помощью присланных солдат завод начал работать. Но на следующий день, 10 февраля, стачка вспыхнула снова, рабочие потребовали возвращения на завод всех уволенных товарищей и военнообязанных, освобождения арестованных. Администрация вынуждена была пойти на уступки. Было расклеено объявление о частичной прибавке заработной платы, приеме на завод всех уволенных рабочих и о возвращении военнообязанных. Однако частичные уступки не удовлетворили рабочих, и 22 февраля забастовка вспыхнула снова.

Рабочие предъявили те же требования, что и в начале февраля. На трехтысячном митинге 23 февраля рабочие приняли резолюцию, которая заканчивалась словами: «...мы присоединяемся к решению Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии противопоставить мобилизации реакционных сил мобилизацию пролетарских сил для *второй российской революции*» [1].

Царское правительство решило на этот раз окончательно сломить упорство путиловцев. 23 февраля завод снова

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 202.

закрылся. Свыше 2 тысяч военнообязанных рабочих под конвоем жандармов отправили в село Медведь и в бывшие Аракчеевские казармы, в Старой Руссе, в дисциплинарные батальоны [1].

Попытки администрации вести переговоры с отдельными группами рабочих были безрезультатны. Завод стоял. В конце февраля Петербургский комитет призвал питерских рабочих к всеобщей стачке солидарности с путиловцами.

«Борьба пойдет в настоящее время, — говорится в воззвании, — не только под флагом освобождения арестованных и сданных в солдаты, но главным образом против покушения на права рабочих, заготовленного в тиши правительственных кабинетов, против мобилизации заводов. В исходе этой борьбы кровно заинтересован весь петербургский пролетариат: победа правительства над путиловцами будет победой над российским пролетариатом, будет началом окончательного закрепощения рабочих. Пусть же он эту борьбу с отживающим строем, с монархией Романовых под старым революционным знаменем превратит в борьбу за республику и социализм» [2].

Угроза всеобщей стачки всполошила весь лагерь империализма. Члены «рабочей группы» при военно-промышленном комитете, члены Государственной думы во главе с Милюковым посещали фабрики и заводы, призывали к «благоразумию» рабочих. Государственная дума срочно в закрытом заседании обсудила вопрос о забастовке на Путиловском заводе.

После погромной речи Маркова 2-го, лицемерных речей Милюкова, Скобелева, Хаустова Дума опубликовала демагогическое воззвание о том, что «и рабочий, и владелец предприятия, производящего предметы обороны, должны быть готовы на всевозможные жертвы и уступки, чтобы ни один день, ни один час не пропал даром для работы, усиливающей наши средства обороны» [3]. Но это не помогло. В конце февраля и в начале марта бастовало в знак солидарности с путиловцами свыше 100 тысяч пет-

[1] Из путиловцев создали несколько особых рот, в которых был введен каторжный режим. Через три месяца их отправили на фронт, распылив по одному—два человека в часть.

[2] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 203.

[3] Стенографические отчеты Государственной думы IV созыва, сессия IV, заседание 32, стр. 2888.

роградских рабочих. Рабочий класс Петрограда еще раз продемонстрировал свою сплоченность под революционным знаменем большевиков.

Чтобы подавить революционное движение, царское правительство решило прибегнуть к крайним мерам: секвестру предприятий и замене рабочих солдатами. 3 марта Путиловский завод был секвестрован и на все время военных действий перешел в казну. Начался новый набор таких рабочих, которые давали обязательство не бастовать. Взамен уволенных с работы и отправленных в армию рабочих пригнали свыше 5 тысяч солдат. 5 марта завод открылся. Новый директор обещал рассмотреть в месячный срок требования рабочих о прибавке заработной платы. Но время шло, а обещанной прибавки не давали.

Присланные солдаты постепенно начали втягиваться в борьбу против предпринимателей. Оправилась от арестов и большевистская организация завода.

Весной начались массовые забастовки на шахтах и заводах Донбасса.

Рост номинальной заработной платы шахтеров значительно отставал от роста дороговизны. Ухудшение материального положения рабочих усугублялось резким ухудшением условий труда, увеличением рабочего дня. Получая огромные барыши, шахтовладельцы экономили на освещении, на крепежном лесе, даже на вентиляции. Завалы, взрывы, отравления газом были частым явлением на шахтах. Все это способствовало росту недовольства среди рабочих.

Большевики были всегда среди рабочих, неустанно звали их на борьбу. В апреле на шахтах и заводах Донбасса распространялась нелегальная листовка Донецкого комитета большевиков, призывавшая рабочих к борьбе. Донецкий комитет, предупреждая рабочих о трудностях борьбы, призывал не бояться этих трудностей, а смело выступить на борьбу с царизмом. В ответ на этот призыв большевиков забастовали рабочие Петрово-Марьевских и Варваропольских объединенных каменноугольных копей, Орлово-Еленовского и Ирминского рудников и многих других шахт. Рабочие требовали повышения заработной платы и улучшения условий труда.

В центре Донбасса, в Горловско-Щербиновском районе, были расположены крупнейшие шахты: Фурсовская, Нелеповская, Горловские № 1, 5 и 8, Государев Байрак, Северо-Никитовская, Софиевская, Веровская. Кроме крупных, имелось большое количество мелких, так называемых «крестьянских шахт», где условия труда были особенно тяжелыми. В районе насчитывалось около 50 тысяч рабочих. Большевики проводили здесь большую революционную работу. На всех крупных шахтах имелись большевистские ячейки, получавшие указания от Макеевского районного комитета, который был связан с Донецким, Екатеринославским и Петербургским комитетами большевиков. Много забот доставляла жандармам нелегальная типография Макеевского комитета. Она помещалась на Фурсовской шахте у одного из забойщиков. Вся типография состояла из самодельного шапирографа и пишущей машинки. Однако макеевские большевики систематически выпускали нелегальные листовки и ухитрялись даже перепечатывать целые номера «Социал-демократа». Жандармы устраивали настоящие облавы, но найти типографию так и не удалось.

15 апреля в балке около Фурсовской шахты по инициативе Макеевского комитета собрались на совещание 150 представителей крупных шахт района. Совещание высказалось за объявление всеобщей экономической стачки с 19 апреля. Здесь же были утверждены требования к шахтовладельцам, разработанные партийной ячейкой Фурсовской шахты. 20 апреля забастовали все шахты района — восемь крупных и более двадцати мелких шахт. Рабочие потребовали увеличения заработной платы на 50 процентов, отмены всяких премий и потогонных систем заработной платы, отмены штрафов, снижения квартирной платы и т. д. 21 апреля состоялось вторичное собрание уполномоченных от шахт. Собрание избрало стачечный комитет, куда вошли преимущественно большевики и в частности старый революционер Петр Моисеенко, работавший в это время столяром в Горловке. Под руководством большевиков стачка протекала дружно и организованно. Стачечный комитет создал нечто вроде рабочей милиции, которая, вооружившись обушками и кайлами, охраняла рабочие поселки и предупреждала штрейкбрехерство. По распоряжению

стачечного комитета особые бригады рабочих дежурили на шахтах, охраняя их от завалов и затопления.

Ежедневно рабочие собирались в степи на сходках для обсуждения своих дел. Здесь происходили митинги, читались нелегальные листовки, большевистская газета «Социал-демократ».

Жандармы не решались пока нападать на рабочих, подготовляя исподволь кровавую расправу. Шахтовладельцы отказались вести переговоры со стачечным комитетом. По распоряжению местных властей были закрыты продовольственные магазины, прекращен подвоз продуктов на местные базары. Силы рабочих истощались. 25 апреля по настоянию рабочих стачечный комитет послал телеграмму министру торговли и промышленности с просьбой прислать комиссию, чтобы разобраться на месте в справедливости требований рабочих. Однако, как и предупреждали большевики, министр торговли и промышленности не ответил на телеграмму, а местные власти использовали факт отправки телеграммы для ареста 11 членов стачечного комитета, подписавших эту телеграмму. Провокационный арест членов стачечного комитета вызвал негодование среди рабочих. Собрания в степи приняли бурный характер. Пополненный новыми членами, стачечный комитет 29 апреля предъявил ультиматум администрации: в течение двенадцати часов выполнить все требования рабочих и освободить арестованных товарищей, в противном случае стачечный комитет угрожал снять с работы машинистов, кочегаров, стволовых, камеровщиков и слагал с рабочих всякую ответственность за сохранность шахт. В этот же день были делегированы в Петербургский комитет большевиков 2 члена стачечного комитета. Решительные требования рабочих вызвали панику среди местных властей. В Горловку спешно выехал Екатеринославский губернатор Колобов. В сопровождении исправника и 2 стражников он явился на собрание рабочих в степи. Губернатор взывал к «патриотическим» чувствам рабочих, упрашивал стать на работу и выдать властям подстрекателей стачки. Свистом и негодующими криками ответили рабочие на речь губернатора.

Вскоре был опубликован приказ о запрещении собраний рабочих и передаче управления районом воен-

ным властям. Однако рабочие собрания продолжались. В Горловку стягивались войска, отряды стражников и жандармов. Узнав, что очередное собрание рабочих назначено на утро 2 мая, местные власти отдали распоряжение отрядам солдат и жандармов занять территорию предстоящего собрания. Ничего не подозревавшие рабочие Щербиновской и Нелеповской шахт, как обычно, шли на собрание. Около шахты № 5 сотня конных жандармов напала на мирно шедших рабочих и начала избивать их нагайками. Рабочие бросились бежать. Однако жандармам удалось окружить и арестовать 65 человек. В это же время в Горловке конные стражники окружили собравшихся на митинг рабочих. Рабочие пытались сопротивляться. Тогда начальник отряда приказал открыть ружейный огонь. На месте остались 4 убитых и 2 тяжело раненных рабочих. Около 300 рабочих было арестовано. На второй день после этой кровавой расправы все рабочие, имевшие отсрочки, получили приказ явиться к воинскому начальнику. Призванных в армию под сильным конвоем демонстративно возили по шахтам и только на пятый день отправили в Бахмут.

Крайняя нужда и голод вынудили рабочих стать на работу, и 11 мая стачка прекратилась. Важнейшим ее результатом было увеличение количества членов большевистских организаций района с 400 до 1 216 человек. Установились прочные связи между партийными ячейками шахт и районным Макеевским комитетом большевиков. Еще больше упрочились связи Макеевского комитета с Донецким, Екатеринославским и, самое важное, с Петербургским комитетом большевиков. Стачка была переломным моментом в борьбе рабочих Донбасса. В конце апреля забастовали рабочие шахты Бунге, в начале мая — шахты Парамоновых. Пришли в движение рабочие металлургических заводов: Петровского, Макеевского, Каменского и многих других. Стачки охватили весь Донбасс, юг России, Закавказье. Фабрично-заводская инспекция и горный надзор зарегистрировали в 1915 году в Баку 960 бастовавших рабочих, а в 1916 году — 11 572. В Грозном только в майских стачках 1916 года участвовало около 9 тысяч рабочих. Большевистская газета «Социал-демократ» сообщала, что «несмотря на все препятствия, большевистское течение заметно растет на

Кавказе. Такие крупные промышленные центры, как Баку и Грозный, находятся под гегемонией почти исключительно большевистского течения» [1].

На железных дорогах во время войны господствовал военный режим в полном смысле этого слова. Администрация железнодорожных мастерских, например, имела право обязать рабочих работать сверхурочно неограниченное количество часов без дополнительной оплаты, а в случае отказа сажать под арест сроком до трех месяцев или штрафовать на сумму до 500 рублей. В случае предъявления «непозволительных» требований администрация также имела право арестовывать рабочих и подвергать принудительным работам здесь же в мастерских сроком до одного месяца. На железных дорогах даже экономические стачки считались государственным преступлением и карались военным судом. Казалось, что при таком режиме стачки невозможны. Тем не менее рабочие в железнодорожных мастерских бастовали довольно часто. Рабочие требовали повышения заработной платы от 20 до 100 процентов, отмены обязательных сверхурочных работ без дополнительной оплаты, отмены военного режима в мастерских.

Царское правительство подавляло стачки в железнодорожных мастерских еще более свирепо, чем в промышленных предприятиях. За каждой стачкой неизменно следовали массовые аресты, военный суд, сдача забастовавших рабочих в дисциплинарные батальоны. Положение машинистов, кочегаров, кондукторов, станционных рабочих и служащих было особенно тяжелым, потому что они были разбросаны на больших пространствах, не представляли тесно сплоченного коллектива и были удобным объектом для неограниченной эксплоатации. В таких условиях организовать широкое стачечное движение было трудно. Но и одиночные, разрозненные стачки имели большое значение.

Большевики вели среди железнодорожников упорную революционную работу. Петербургский комитет организовал железнодорожную организацию РСДРП, которая создала большевистские ячейки во всех крупнейших железнодорожных узлах. Железнодорожная организация

[1] «Социал-демократ», 1916, № 51.

большевиков выпускала нелегальные листовки, неустанно звала рабочих на борьбу.

«Нас отгородили от наших товарищей китайской стеной, чтобы обессилить рабочий класс России..., — говорится в одной листовке, но, — ...В огне и пороховом дыму зреет новая русская революция, и мы должны к ней подготовиться, чтобы в великие дни революции ни один паровоз бы не двинулся с места.

Мы также члены «великой армии труда» и будем солидарны с нашими товарищами рабочими»[1]. Железнодорожники жадно прислушивались к голосу большевистского подполья, включались в общий поток пролетарской борьбы против империалистической войны, против самодержавия.

Громадную роль в революционной жизни России в годы империалистической войны играли политические стачки. Они составляли 19 процентов от общего количества стачек и участвовало в них 32,5 общего количества бастовавших рабочих в 1916 году. Политические стачки проходили в течение всего года. За первые три месяца (январь—март) зарегистрировано восемьдесят восемь политических стачек и 113 582 бастовавших рабочих, а в октябре и ноябре зарегистрировано сто тридцать четыре политические стачки и 241 894 бастовавших рабочих. Такого размаха политические стачки достигли впервые за все время империалистической войны. Это свидетельствовало о неуклонном росте политической сознательности рабочего класса, о растущем влиянии большевиков на рабочий класс.

В политических стачках участвовали преимущественно металлисты Петрограда и Москвы. Они дали свыше 90 процентов всех участников политических стачек, текстильщики — около 7 процентов и только около 3 процентов — рабочие всех других отраслей промышленности.

Начало 1916 года ознаменовалось политическими стачками петроградских рабочих в день годовщины 9 января 1905 года. Эту стачку большевики подготовляли долго и упорно. Еще в начале декабря Петербургский комитет большевиков разработал план проведения однодневной стачки-демонстрации. Районные комитеты этот

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 149—150.

план обсудили и одобрили. Решено было всем рабочим в обычном порядке притти на предприятия, но к работам не приступать, а провести митинги и, соединившись с рабочими соседних заводов, направиться к центру города. Накануне стачки Петербургский комитет большевиков выпустил нелегальную листовку, в которой призывал рабочих организоваться для борьбы с царизмом и доказать свою силу однодневной стачкой в день годовщины 9 января. «В день 9 января, — говорится в листовке, — ...российский пролетариат еще раз подчеркнет свою международную солидарность и сквозь грохот пушечных канонад мощно воскликнет:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Долой царское самодержавие! Да здравствует всеобщая забастовка в день 9 января! Да здравствует вторая Российская революция! Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!» [1].

В это же время были изданы листовки, призывавшие солдат и матросов к единению с пролетариатом и всеми трудящимися. 8 января после работы были организованы летучие митинги. Ораторы-большевики призывали рабочих к всеобщей стачке 9 января. Митинги состоялись во дворе заводов «Айваз», Лесснер, Эриксон, «Трубочный», «Феникс» и на многих других предприятиях. Оборонцы выступили против политической стачки, прилагали все усилия, чтобы ее сорвать.

Старания оборонцев по достоинству оценила петроградская охранка. Она доносила министру внутренних дел: «...отношение различных течений революционного подполья к вопросу о выступлениях 9 января в настоящее время вполне определилось и представляется в следующем виде: социал-демократы меньшевики и инициативная группа социал-демократов ликвидаторов решили воздержаться от всяких выступлений, даже хотя бы в виде однодневной забастовки...

Что же касается социал-демократов большевиков, то последние стоят на крайней точке зрения, агитируя не только за проведение однодневной забастовки, которую они предполагают перевести в общеполитическую, но и за

---

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 181.

уличные демонстрации, оказывая вооруженное сопротивление чинам полиции при разгоне ею демонстрантов» [1].

Охранка с тревогой отмечала, что агитация большевиков хорошо воспринимается рабочими, что рабочие уверены в поддержке войск, в частности Новочеркасского полка, расположенного на Охте.

Полиция заблаговременно принимала меры к тому, чтобы «ослабить» политические стачки и демонстрации. В конце декабря и в начале января охранка арестовала членов Петербургского комитета и представителей военно-морской организации Балтийского флота. Это значительно ослабило размах стачки. Но все же забастовали рабочие многих заводов.

Наряду со стачками рабочим удалось организовать несколько демонстраций с красными флагами и пением революционных песен. Рабочие завода «Старый Лесснер», выйдя из заводских ворот, двинулись с красными флагами к рабочим расположенного по соседству завода Нобель. Рабочие завода «Новый Лесснер», построившись в колонны, с двумя красными флагами и пением Марсельезы прошли по всему Большому Сампсониевскому проспекту. Вслед за ними шла другая колонна от клиники Вилье. Сюда же направлялись с красными флагами и рабочие завода Нобель. Только в конце проспекта дорогу демонстрантам преградил большой отряд конных жандармов. Однако стрелять в рабочих жандармы не решились и не пытались даже отнять красные флаги.

Такую же демонстрацию в несколько тысяч человек организовали рабочие металлического завода на Полюстровской набережной. Рабочие завода «Айваз» вышли из заводских ворот с тремя красными флагами. Отряды жандармов окружили демонстрантов и оттеснили обратно во двор завода. На следующий день было сделано несколько попыток организовать демонстрацию. Петроградский корреспондент большевистской газеты «Социал-демократ» так описывает одну из этих демонстраций:

«10 января, вечером, по Большому Сампсониевскому проспекту шествовала громадная колонна работниц, рабочих и солдат. Пели революционные песни, были речи

[1] «Рабочее движение в годы войны», 1925, стр. 233—234.

и крики «долой войну». Полиция все время держалась в сторонке, уговаривала ходивших «разойтись». Присутствие в более чем тысячной толпе 300—400 солдат действовало на полицию «успокоительно» — она не только не пыталась «разгонять», но даже не угрожала словами. Демонстрация длилась более часу и за поздним временем (11 часов вечера) окончилась в данном квартале»[1].

Стачки в ознаменование годовщины 9 января проходили не только в Петрограде. Большевистские организации Москвы, Саратова, Златоуста, Твери и других городов выступили с нелегальными листовками. В Москве бастовали рабочие завода «Динамо», Люберецкого машиностроительного завода. В Твери бастовало около 4 тысяч рабочих Рождественской мануфактуры, в Ревеле — 1 300 рабочих Русско-Балтийского судостроительного завода. Все политические стачки и демонстрации прошли под большевистскими лозунгами «Долой войну!», «Долой самодержавие!».

С начала февраля 1916 года царское правительство начало широко применять систему замены забастовавших рабочих солдатами, не считаясь даже с тем, что среди солдат, присланных на заводы, было большинство крестьян, никогда не работавших на заводах. Правительство и предприниматели готовы были заменить всех рабочих солдатами, беженцами, женщинами, детьми, лишь бы прекратить стачки. Но эта «мера» приводила к тому, что производительность предприятий катастрофически падала, тем более что солдаты оказывались ненадежными и часто примыкали к стачечной борьбе рабочих. Так, например, когда рабочие завода Лесснер в ответ на призыв Петербургского комитета большевиков забастовали в начале апреля в ознаменование годовщины Ленского расстрела, доставленные на завод солдаты в знак солидарности с бастовавшими рабочими к работе не приступили. В этот день в Петрограде бастовали, кроме рабочих завода «Новый Лесснер», рабочие завода «Феникс», Русско-Балтийского, воздухоплавательного завода, завода Семенова, Невского судостроительного завода. На многих фабриках и заводах состоялись митинги.

[1] «Большевики в годы империалистической войны 1914 — февраль 1917», 1939, стр. 95.

Первомайские стачки в 1916 году не приняли широких размеров. Охранка хорошо знала революционный календарь и заранее готовилась к тому, чтобы не допустить первомайских стачек и демонстраций. Еще накануне 1 Мая во всех более или менее крупных пролетарских центрах были приведены в боевую готовность жандармский корпус, полиция, казаки, конвойные команды. Было установлено особое наблюдение за местами предполагаемых сходок рабочих и демонстраций.

Петербургский комитет большевиков отметил 1 Мая специальной листовкой, призывая рабочий класс России продемонстрировать свою солидарность с международным пролетариатом в борьбе против войны, против самодержавия. Во многих городах состоялись маевки и политические демонстрации. В Петрограде состоялась значительная демонстрация на Большом Сампсониевском проспекте. Рабочие с красными флагами и пением Марсельезы двинулись по проспекту. Наряд конных жандармов врезался в ряды демонстрантов, пытаясь отобрать красные флаги. Демонстрация рассеялась, но флаги рабочие спрятали.

Рабочие Витебска отметили 1 Мая сбором денег в пользу революционной печати. В Киеве профсоюз печатников устроил собрание своих членов, где был прочитан доклад о 1 Мая. Рабочие завода «Столль» (Челябинск) 30 апреля устроили шествие по улицам города с пением Марсельезы, а 1 Мая провели собрание в лесу, за городом. Внушительная демонстрация состоялась в Сормове. Прошли демонстрации в Прибалтийском крае и во многих других местах России. Но все же стачечное движение в этот период страдало рядом недостатков.

В одной из июньских нелегальных листовок Петербургский комитет, давая характеристику стачечному движению 1916 года, писал:

«Основные черты совершающегося движения — его стихийность, распыленность и преимущественно экономический характер. Движение открыто еще не вышло из стадии экономической борьбы за повышение заработной платы как следствия растущей дороговизны. Массы еще недостаточно сознают, что при настоящих условиях всякое движение пролетариата должно неизбежно вылиться в

протест против войны и требование немедленного прекращения ее» [1].

Раздробленность и распыленность экономических стачек облегчали правительству возможность их подавления. Петербургский комитет призывал партийные организации к укреплению экономического фронта борьбы, превращению разрозненных экономических стачек в общегородские, общерайонные. Петербургский комитет указывал партийным организациям, что «...из экономической борьбы с капиталом в стенах фабрик и заводов движение должно превратиться в борьбу широко политическую, в борьбу за власть, в гражданскую войну. Лозунги «долой войну» и «долой царскую власть» должны быть провозглашаемы при каждой стачке и должны выноситься на улицы демонстрациями» [2].

Решающим средством для осуществления этой задачи Петербургский комитет считал создание и укрепление уже существующих партийных групп на всех фабриках и заводах, массовый выпуск нелегальных листовок, воззваний, разъясняющих цели борьбы и тактику партии.

Результатом работы большевиков явились октябрьские политические стачки и демонстрации в Петрограде.

Стачкам предшествовали продовольственные беспорядки, в частности на Выборгской стороне в Петрограде. Петербургский комитет большевиков осудил эти действия: «Чтобы дать толчок растущему на этой почве (на почве растущей дороговизны. — **Ф. Р.**) глухому недовольству, — указывал в инструкции Петербургский комитет, — и направить его на путь действительной борьбы, партия должна немедленно приступить к устройству митингов как на заводах, так и за их пределами, стараясь вовлечь в это движение возможно более широкие демократические круги. На этих митингах мы должны указать массам, что вопрос о дороговизне тесно связан с борьбою за демократическую республику и скорейшее прекращение войны... Мы должны также указать массам на то, что действительным средством является

---

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 219.
[2] Там же, стр. 220.

только революционная борьба, а не случайные погромы, которые ведут к бесплодной растрате революционных сил и дезорганизации движения. Дав толчок движению масс, мы должны придать ему организованный характер и способствовать его дальнейшему развитию»[1].

Получив такую директиву, петроградские большевики повели упорную разъяснительную работу, готовили рабочих и солдат к предстоящей стачке. 14 октября на фабриках и заводах проходили митинги. Рабочие принимали резолюции, призывавшие к стачке, и с пением Марсельезы расходились по домам.

Стачка началась 17 октября. Прекратили работу заводы «Старый Лесснер», «Новый Лесснер», «Айваз» и другие крупнейшие предприятия. 18 октября бастовали уже 43 тысячи, а 19 октября — около 70 тысяч рабочих. С 20 октября стачки пошли на убыль. 21 октября бастовало около 20 тысяч человек, 22 октября рабочие по призыву Петербургского комитета большевиков прекратили стачки и стали на работу.

Стачки сопровождались политическими демонстрациями. В них участвовали не только рабочие, но и солдаты. Особенно глубоко революционные настроения проникли в 181-й пехотный запасный полк.

На усмирение этого полка был послан Московский полк. Ему удалось запереть солдат в казармах, военные власти арестовали и предали суду 30 солдат. Но волнения в полку не прекратились. Департамент полиции потребовал немедленного вывода из Петрограда мятежного полка. В связи с этим премьер-министр Протопопов поручил командующему военным округом генералу Хабалову срочно разработать план эвакуации части солдат из Петрограда. Осуществлению этого плана помешала революция.

Во время стачек и демонстраций 18 и 19 октября имели место многочисленные стычки рабочих с полицией.

Столкновение с полицией произошло у фабрики Эриксон, а также на Выборгской стороне. 20 октября рабочие остановили паровоз, следовавший по Путиловской ветке, сняли сигнальные флаги и устроили демонстрацию.

---

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 222.

Рабочие рвались в бой. Охранка всячески провоцировала их на преждевременное вооруженное выступление. У рабочих не было оружия, связь с солдатами еще была недостаточна. Солдаты колебались, и царское правительство могло еще двинуть некоторые полки на подавление восстания рабочих. В таких условиях восстание пролетариата было обречено на неминуемое поражение. Петербургский комитет во-время предотвратил угрожавшую опасность, призвал рабочих прекратить борьбу, на время вернуться к станкам. В листовке к рабочим и солдатам Петербургский комитет писал:

«Товарищи рабочие и солдаты! Покажите, что напрасны надежды ваших врагов, ждущих, чтобы выступили вы в схватку с ними теперь, когда еще не собраны ваши силы...

Читайте наши воззвания, устраивайте митинги, выносите резолюции, стремитесь к организации демонстраций и стачек, но не принимайте каждую демонстрацию, каждую стачку протеста за начало последней схватки в нашей трудной войне против царской монархии. Да здравствует эта война, начавшаяся давно, по временам затихавшая! Она принесет нам действительную победу, если мы сумеем во всеоружии согласованности развивать ее. Возвращайтесь теперь к станкам, с тем чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм за низвержение самодержавия, за установление демократической республики, 8-часового рабочего дня, конфискацию помещичьих земель» [1].

По призыву большевиков стачка прекратилась. Это показывает, как умело и обдуманно руководили большевики борьбой рабочего класса, как они терпеливо учили рабочих не только искусству наступления на царизм и буржуазию, но и умению отступать в нужный момент, чтобы сохранить кадры и накопить силы для нового наступления. Затишье продолжалось недолго. Стало известно, что 26 октября состоится суд над арестованными в декабре 1915 года 20 матросами, членами большевистской военной организации Балтийского флота. Матросам угрожала смертная казнь. Петербургский комитет призвал рабочих высту-

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 225—226.

пить со стачками протеста против суда над матросами. Рабочие дружно откликнулись на призыв большевиков. За три дня, с 26 по 28 октября, бастовали 130 тысяч человек. Забастовали все крупнейшие предприятия. Стачки сопровождались митингами и политическими демонстрациями. Демонстрация состоялась у минного завода, на полотне Финляндской железной дороги, в Бабуринском переулке, около Путиловского завода, на 12-й линии Васильевского острова. Мощная волна пролетарского протеста заставила царский суд исключить из приговора смертную казнь. Военно-морской суд приговорил 4 матросов к каторжным работам, а остальных оправдал.

29 октября политическая стачка рабочих по призыву Петербургского комитета большевиков прекратилась. Царское правительство совместно с обществом фабрикантов и заводчиков решило закрыть бастовавшие заводы. На арматурно-электрическом заводе, «Старом Лесснере», «Новом Лесснере», на автомобильном заводе Рено, на фабрике Эриксон, на машиностроительном заводе Нобеля, на минном заводе и на многих других предприятиях уже были вывешены объявления о немедленном увольнении всех рабочих. Подготовлялся грандиозный локаут. Петербургский комитет большевиков призвал рабочих к новой политической стачке протеста. Царское правительство испугалось, что может подняться еще более мощная стачечная волна. 31 октября все фабрики и заводы были открыты.

1 ноября после перерыва возобновились заседания Государственной думы. Вожди «прогрессивного блока» Шидловский, Милюков, Шульгин и другие произносили в Думе «оппозиционные» речи, требуя замены царских министров министрами «общественного доверия», которые образуют «правительство спасения страны». Эти речи были рассчитаны на то, чтобы одурачить народные массы, скрыть истинные намерения империалистической буржуазии. Меньшевики и эсеры оставались верными оруженосцами буржуазии. Они призывали рабочих и солдат поддержать требования «прогрессивного блока», предлагали открыть кампанию поддержки Государственной думы.

Большевики решительно разоблачали оборонцев. Вместо поддержки Государственной думы Петербургский ко-

митет призвал рабочих бороться за свержение самодержавия, за демократическую республику, за создание временного революционного правительства, способного покончить с войной и обеспечить борьбу пролетариата за социализм. На фабриках и заводах прошли многочисленные митинги, где рабочие принимали резолюцию, предложенную Петербургским комитетом большевиков. Резолюция гласила:

«Мы, рабочие..., обсудив настоящее положение страны, постановили:

1) Установление условий мира, заключенного при помощи современных правительств, обрекает нас на новые войны и потребует новых жертв.

2) Для предотвращения этого мы теперь же должны направить свои усилия на борьбу за политический переворот с целью немедленного прекращения войны, свержения царской монархии и замены ее демократической республикой, могущей обеспечить развитие борьбы пролетариата за социализм.

3) Приветствуя товарищей рабочих Германии и других воюющих стран [борющихся] против своих поработителей, мы призываем их тесно сомкнуть свои ряды под знаменем революционной борьбы III Интернационала» [1].

Резолюцию Петербургского комитета принимали рабочие на митингах в Москве, Харькове, Екатеринославе, Баку и в ряде других городов.

Мощный подъем политических стачек и демонстраций в октябре 1916 года был грозным предвестником надвигающейся революции. Политические стачки продолжались и в ноябре. В декабре официальная статистика не зарегистрировала ни одной политической стачки. Но это было затишье перед бурей. Рабочий класс собирался с силами для того, чтобы двинуться на решительный штурм самодержавия.

* * *

Царское правительство старалось приуменьшить размах и значение революционной борьбы рабочего класса в годы войны. С этой целью статистика сознательно сокращала цифры, показывающие количество рабочих — участников стачек и демонстраций. В статистику вклю-

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 241—242.

чались только стачки, происходившие на предприятиях, подчиненных фабрично-заводской инспекции и горному надзору. Стачки на железных дорогах, казенных заводах, на речном транспорте, на предприятиях, обслуживающих городское хозяйство и т. п., вообще не учитывались и в статистику не входили. Фабрично-заводские и горные инспекторы, чтобы выслужиться перед царскими властями, сознательно давали приуменьшенные сведения о количестве бастовавших рабочих на предприятиях, подчиненных их надзору.

Так, например, на Коломенском машиностроительном заводе в феврале 1915 года бастовало 11 тысяч рабочих, а официально было зарегистрировано всего 2 657 бастовавших рабочих. 1 мая 1915 года в Петрограде, по подсчету корреспондента большевистской газеты «Социал-демократ», бастовало 35 тысяч рабочих [1], фабрично-заводская инспекция зарегистрировала только 605 человек. По подсчету этого же корреспондента газеты «Социал-демократ» в политических стачках в сентябре 1915 года в Петрограде участвовало 150 тысяч, а по всей России свыше 200 тысяч рабочих. Статистика же зарегистрировала только 62 290 бастовавших рабочих. В секретном донесении охранки сообщалось, что в Петрограде только с 1 по 8 марта 1916 года бастовало 67 500 рабочих, а зарегистрировано было за весь март 48 тысяч бастовавших рабочих. В Горловско-Щербиновском районе в Донбассе в апреле и мае 1916 года бастовало свыше 40 тысяч шахтеров, а горная инспекция зарегистрировала 11 тысяч. Таких фактов много. Несмотря на это сведения фабрично-заводской инспекции и горного надзора вошли в статистику и стали официальными статистическими материалами.

В условиях империалистической войны каждая стачка, даже экономическая, приобретала политическое значение. Экономические стачки, сочетаясь со стачками политическими, с демонстрациями, нарастая из месяца в месяц, из года в год, революционизировали рабочий класс, солдатские массы, крестьянство, подрывали силы царизма и империалистической буржуазии.

Бурный рост стачечной борьбы в России имел огромное международное значение, помогал борьбе против

[1] «Социал-демократ», 1915, № 48.

империализма во всем мире. Российский рабочий класс, руководимый большевистской партией, шел в авангарде международного пролетариата в его борьбе против империалистической войны. Под влиянием революционного движения российского пролетариата начались антивоенные выступления рабочих и в других государствах.

В Германии с антивоенной пропагандой выступили Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг и Клара Цеткин. В начале марта 1915 года произошла в Германии первая за время войны забастовка на экономической почве. Бастовали 80 рабочих на шахте «Примсерк» в Силезии. 18 марта этого же года несколько сот рабочих демонстрировали перед зданием рейхстага, требуя прекращения войны. 28 мая у здания рейхстага собралось около 1 500 женщин-работниц, требуя возвращения мужей с фронта. При арестах у женщин была отобрана листовка Карла Либкнехта, озаглавленная «Враг находится в своей стране». Зимой 1915/16 года в Германии происходили продовольственные беспорядки. 1 мая 1916 года в Берлине состоялась внушительная антивоенная демонстрация, организованная спартаковцами. 28 июня этого же года в Берлине бастовали 55 тысяч рабочих, требуя освобождения Карла Либкнехта, присужденного за революционную работу германским военным судом к четырем годам каторжных работ. Состоялись стачки и митинги в Киле, Мюнхене и в других городах. Осенью 1916 года происходили экономические стачки, но они не приняли такого массового характера, как в России.

Во Франции в 1915 году бастовало около 10 тысяч, а в 1916 году около 40 тысяч рабочих. Имели место забастовки и в Англии, в частности забастовки горняков в южном Уэльсе. Но стачечное движение в Англии, как и в других западноевропейских странах, не приняло широких размеров. Это не значит, конечно, что в Германии, Франции и Англии господствовал «гражданский мир», как это утверждала буржуазия и ее приспешники—социал-шовинисты. Рабочий класс протестовал против войны, порывался к борьбе. Но все же борьба пролетариата в западноевропейских воюющих странах значительно отставала от борьбы российского пролетариата. Объясняется это тем, что пролетариат Германии, Франции,

Англии и других стран не имел еще своих сложившихся коммунистических партий, которые смогли бы организовать, возглавить революционную борьбу против империалистов.

В. И. Ленин проделал гигантскую работу по собиранию сил III Интернационала, критиковал, направлял революционную работу левых групп, отколовшихся от социал-демократических партий. Но эти группы не были еще большевистскими партиями, допускали немало ошибок. Причина слабости революционного движения в западноевропейских странах заключалась в первую очередь в том, что социал-предателям удалось окутать пролетариат густой пеленой шовинистского тумана.

Российский пролетариат находился в более выгодном положении, чем его зарубежные братья по классу. В России задолго до войны сложилась могучая сила — ленинско-сталинская партия большевиков. Под руководством большевиков рабочий класс прошел суровую школу революционной борьбы. У рабочего класса России, руководимого большевиками, сложились прочные революционные традиции.

Таким образом, главная и решающая причина авангардной роли российского пролетариата заключалась в наличии большевистской партии, партии нового типа, воспитанной в духе непримиримой борьбы с оппортунизмом и руководившей революционной борьбой рабочего класса. Большевики неустанно вели героическую революционную работу в армии, среди крестьян и других слоев трудящегося населения, разоблачали предательство меньшевиков, эсеров, центристов и других социал-шовинистов, умело направляли разнородные потоки революционного движения в один общий мощный поток революционной борьбы, вылившейся в февральскую революцию 1917 года.

Глава восьмая

ПОБЕДА ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1917 ГОДУ

Империалистическая война потрясла до основания все народное хозяйство страны. Разруха с каждым днем становилась острее. Железнодорожный транспорт находился накануне полного развала. Это привело к остановке предприятий оборонного значения. В конце декабря 1916 года в Петрограде стали чугунолитейный и механический завод Сен-Галли, заводы Франко-русского общества, Тенделевские химические заводы, машиностроительный завод Вельц и многие другие крупные предприятия. Значительно сократили производство Путиловский завод, Ижорский, Невский, Тюдор, «Атлас», завод Барановского и другие. В Москве работали с значительными перебоями заводы «Дукс», «Динамо», «Земгор», фабрики Гюбнера, Бебишева, Даниловская мануфактура, Трехгорная мануфактура. Под угрозой остановки были заводы-гиганты Коломенский, Мытищинский, Люберецкий, Бромлей. Остановились предприятия в Донбассе. На крупнейшем в Екатеринославе Брянском заводе действовали всего две домны, остальные были потушены, остановились сталелитейная, мостовая, рельсопрокатная мастерские. С перебоями шли работы на Днепровском металлургическом заводе. Один за другим выходили из строя действующих предприятий заводы Урала, Сибири, Закавказья. По всей стране десятки и сотни тысяч рабочих простаи-

вали без работы. Фабриканты и заводчики отказывались платить рабочим за простои.

В городах и рабочих поселках не было дров, керосина, нехватало хлеба. В крупные пролетарские центры подвоз продовольствия почти прекратился. У булочных, магазинов, на базарах день и ночь стояли огромные очереди. Быстро росли цены на продукты. Необычайно холодная зима 1916/17 года обостряла лишения и невзгоды рабочих.

Тяжелое положение было на фронте. Отсталая промышленность, сельское хозяйство и транспорт царской России не справлялись с задачей обеспечения фронта вооружением, боеприпасами, обмундированием и продовольствием. Царская армия терпела одно поражение за другим. Бездарное командование не было способно добиться перелома и обеспечить военный успех. Продажные генералы на ряде участков сами содействовали успехам немецкой армии. Солдаты находились в исключительно тяжелых условиях. Нехватало оружия и боеприпасов. Норма солдатского пайка была урезана наполовину. Свирепствовала эпидемия тифа и испанки. Солдаты не хотели воевать за интересы помещиков и капиталистов. Многие из них покидали фронт и скрывались в тылу. Среди солдат быстро росло недовольство царским правительством. Они требовали прекращения войны.

Поднималась волна возмущения среди крестьян. Война разорила крестьянское хозяйство. В деревне нехватало рабочих рук. Посевные площади сокращались. Реквизиции скота для армии оставили крестьян без живого тягла. Крестьяне голодали. Они проклинали войну, эксплоатировавших их кулаков, помещиков и царское правительство.

Наступил тяжелый кризис царизма. Царское правительство, пытаясь спасти самодержавие, стремилось к заключению сепаратного мира с Германией. Это дало бы возможность бросить освободившиеся силы на борьбу с начинавшейся революцией.

Вместе с тем усилилась реакция в стране. Были закрыты даже некоторые буржуазные организации, запрещены съезды союза земств и городов, съезд военно-промышленных комитетов, прерваны заседания Государственной ду-

мы. Намечалось выбрать новую, еще более послушную царизму Государственную думу, установить военную диктатуру, сосредоточив всю полноту власти в руках одного «полномочного лица». Жандармы запасали в надежных местах оружие, тайком расставляли пулеметы на колокольнях церквей, на крышах домов, прилегающих к правительственным учреждениям. Принимались меры для вооружения немецких пленных офицеров, которые должны были быть брошены на подавление революции.

Царские палачи обрушились на большевиков. В декабре 1916 года был арестован почти полностью Петроградский комитет большевиков. В январе 1917 года в Москве подверглись аресту 35 видных большевиков. Происходили аресты большевистских работников и в других городах.

Царское правительство объявило о прекращении деятельности профсоюзов. По заранее составленным спискам члены правлений профсоюзов и рабочей части больничных касс подвергались аресту и высылались в отдаленные места. По данным анкеты III Всероссийской конференции профсоюзов, состоявшейся в июне 1917 года, к моменту свержения самодержавия уцелело всего лишь около двух десятков профсоюзов. В Москве, например, уцелело всего три профсоюза: текстильщиков, официантов и фармацевтов. В последних двух профсоюзах преобладало влияние меньшевиков и эсеров, поэтому полиция относилась к ним снисходительно. Профсоюз текстильщиков насчитывал всего несколько десятков членов, не имел помещения и находился по существу на нелегальном положении. В таких условиях союз не мог проявить активной деятельности. Он стремился только сохранить организацию, чтобы после свержения самодержавия сразу же приступить к возрождению и расширению своей деятельности.

В начале января по доносу провокатора были арестованы члены нелегального Московского центрального бюро профсоюзов.

Громя большевистские профсоюзы, охранка доброжелательно относилась к тем организациям, которые находились под влиянием социал-шовинистов, и даже заботилась о расширении деятельности таких организаций. В Киеве, например, охранка выследила и арестовала

всех членов нелегального Центрального бюро профсоюзов, а также большевистское ядро легального профсоюза металлистов. После ареста большевиков в правлении этого профсоюза обосновались меньшевики, и репрессии прекратились. В декабре 1916 года меньшевистское правление профсоюза металлистов в послании председателю Государственной думы Родзянко обещало полную поддержку Думе в борьбе со старым порядком [1]. В Одессе охранка разгромила большевистские профсоюзы металлистов, портных, но не тронула меньшевистский профсоюз модисток, который в начале 1917 года насчитывал свыше тысячи членов. Так же охранка поступала и в других городах.

У буржуазии был свой план ликвидации наступившего кризиса. Она всеми силами стремилась предотвратить революцию, но вместе с тем буржуазия не хотела кончать войну, так как это лишило бы ее огромных прибылей. Царизм не оправдывал больше ее надежд. В Кратком курсе истории ВКП(б) И. В. Сталин пишет, что империалистическую буржуазию «...озлобляло то обстоятельство, что при царском дворе хозяйничали пройдохи, вроде Распутина, которые явно вели линию на заключение сепаратного мира с немцами. Она все больше убеждалась, что царское правительство неспособно вести успешную войну. Она боялась, что царизм, чтобы спасти свое положение, может пойти на сепаратный мир с немцами. Поэтому русская буржуазия решила провести дворцовый переворот с тем, чтобы сместить царя Николая II и вместо него поставить царем связанного с буржуазией Михаила Романова. Этим она хотела убить двух зайцев: во-первых, пробраться к власти и обеспечить дальнейшее ведение империалистической войны, во-вторых — предупредить небольшим дворцовым переворотом наступление большой народной революции, волны которой нарастали» [2].

Для осуществления дворцового переворота буржуазия поставила на ноги все свои организации: общества фабрикантов и заводчиков, союзы земств и городов, военно-промышленные комитеты, своих представителей

---

[1] Архив профсоюзов, фонд 10, дело № 325, стр. 93.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 167.

в Государственной думе. Русскую буржуазию поддерживали правительства Англии и Франции, которым было выгодно, чтобы Россия продолжала войну. Оборонцы помогали буржуазии ослабить начинающуюся революцию. В конце декабря 1916 года петроградская «рабочая группа» обратилась с воззванием ко всем рабочим России не верить «вздорным слухам» о революции, а продолжать спокойно работать.

Чтобы отвлечь рабочих от революции, меньшевики пропагандировали лозунг буржуазии — установление «ответственного правительства». Гвоздевцы в многочисленных посланиях председателю Государственной думы, выступая якобы от имени всего рабочего класса России, протестовали против мер царизма, направленных на заключение сепаратного мира с Германией, и призывали Думу продолжать борьбу за включение в правительство «ответственных лиц», то-есть представителей буржуазии. Они обещали поднять весь рабочий класс на защиту и поддержку Государственной думы.

Таким образом, против революции составились два заговора: заговор царизма и заговор буржуазии. Но оба эти заговора были сметены мощным революционным движением.

Поднимающуюся революцию возглавляли большевики. Практической революционной работой руководило Русское бюро Центрального Комитета большевистской партии. Бюро восстанавливало разгромленные партийные организации, выпускало листовки, направляло всю революционную борьбу пролетариата. Вместо разгромленных профсоюзов большевики начали создавать на фабриках и заводах «Комитеты делегатов».

Делегаты избирались по цехам — от 20 рабочих один делегат. На собрании делегатов избирался комитет в составе 5—7 человек. В начале 1917 года «Комитеты делегатов» были созданы на многих крупных предприятиях Петрограда и Москвы. Они распространяли большевистские нелегальные листовки, выполняли функции стачечных комитетов. «Комитеты делегатов» были прообразом фабзавкомов, которые возникли после свержения самодержавия.

6 декабря 1916 года состоялось совещание Петербургского комитета с представителями районных комитетов и

партийных организаций фабрик и заводов. Совещание утвердило проект резолюции, которая должна была приниматься на митингах и собраниях рабочих. Было решено также выпустить серию нелегальных листовок с призывом к однодневной политической забастовке. Аресты помешали районным комитетам распространить листовки массовым тиражом, а листовка Петербургского комитета не была издана. Тем не менее подготовительная работа принесла свои плоды.

1917 год начался грандиозной политической стачкой 9 января. Особенно широкие размеры приняла эта стачка в Петрограде.

9 января с утра остановились почти все предприятия Выборгского, Невского и Городского районов. Широкие размеры приняли стачки и в других районах Петрограда. По подсчету корреспондента «Осведомительного листка» бюро ЦК РСДРП, 9 января бастовало в Петрограде около 300 тысяч рабочих [1]. Стачки сопровождались митингами и демонстрациями. На Выборгском шоссе к демонстрации присоединились солдаты.

По указанию бюро Центрального Комитета большевиков в день памяти жертв кровавого воскресенья, 9 января 1917 года, состоялись крупные политические стачки и демонстрации в Москве. Московский комитет большевиков провел большую подготовительную работу. 7 января были отпечатаны и распространены на фабриках и заводах нелегальные листовки с призывом к всеобщей забастовке и демонстрации. Такую же листовку выпустили Тверской, Лефортовский и Городской районные комитеты. Утром 9 января забастовали рабочие пятидесяти одного предприятия. Среди них рабочие крупнейших заводов и фабрик: Бромлея, Износкова, Михельсона, «Динамо», Бари, Густава Листа, Хиншина, Цинделя и многих других. К середине дня забастовка охватила свыше 45 тысяч рабочих. В уездах Московской губернии бастовало свыше 6 тысяч рабочих. В Москве, так же как и в Петрограде, одновременно со стачками происходили уличные демонстрации.

«...К часу дня, — говорится в «Осведомительном листке» бюро ЦК РСДРП, — на Тверской бульвар по при-

[1] «Большевики в годы империалистической войны 1914 — февраль 1917», 1939, стр. 161.

глашению МК собралось две—три тысячи рабочих, среди которых можно было насчитать десятка три студентов... появилась конная полиция. Товарищи направились небольшими группами на Театральную площадь... собралась толпа рабочих с небольшим количеством студентов. Запели «Отречемся от старого мира» и с красным знаменем, на котором было написано «Долой войну» — «Да здравствует РСДРП», прошли от Неглинной улицы до половины Охотного ряда и обратно»[1].

В демонстрации на Театральной площади участвовало свыше тысячи человек. Наряды конной полиции окружили площадь со всех сторон, но демонстранты быстро рассеялись, жандармам удалось арестовать только несколько человек. Демонстрации состоялись также на Лубянке, на Елоховской площади, у Красных ворот, на Благуше, в Рыкуновом переулке и за Пресненской заставой. Полицейские жестоко расправлялись с демонстрантами, избивали их шашками, нагайками и арестовывали. Заводовладельцы и фабриканты не допускали к работе участников политических стачек и демонстраций, а военнообязанных направляли к воинскому начальнику. Репрессии буржуазии вызвали новую волну стачек. 12 января забастовали 30 тысяч рабочих. Они требовали освобождения товарищей, арестованных во время демонстраций. Во второй половине дня вспыхнули продовольственные волнения. На Калужской площади, на Рогожском рынке, на Сенной площади и во многих других местах у булочных скопились огромные очереди. Хлеба не было. Толпы народа, завладев булочными, забирали спрятанную муку. Конные жандармы и полиция пытались разогнать толпу шашками и нагайками. Из толпы полетели камни, кирпичи, гири. Жандармы и полиция скрылись. Через несколько дней власти сделали попытку ввести в Москве хлебные карточки. Но и по карточкам хлеба не выдавали.

9 января 1917 года стачки и демонстрации проходили в Баку, Харькове, Екатеринославе, Ростове, Нижнем-Новгороде, Твери, Туле, Горловке и во многих других пролетарских центрах. В Баку бастовали 14 тысяч ра-

---

[1] «Большевики в годы империалистической войны 1914 — февраль 1917», 1939, стр. 162.

бочих. Рабочие вышли на улицу с лозунгами «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Демонстранты подвергались арестам. 20 января 17 тысяч рабочих забастовали, протестуя против арестов. Стачки продолжались несколько дней.

В Харькове бастовали рабочие паровозостроительного завода, заводов Всеобщей компании электричества, конфетной фабрики, гильзовой фабрики, пяти типографий и многих других предприятий. Около табачной фабрики рабочие устроили демонстрацию. Конная полиция с обнаженными саблями бросилась на работниц. 6 женщин и 1 подросток были избиты жандармами.

Наряду с политическими стачками и демонстрациями поднималась мощная волна экономических стачек. В Петрограде в январе изо дня в день бастовали рабочие многих фабрик и заводов: Путиловского, Русско-Балтийского, Невского, Коппель, Барановского, Александровского, Обуховского заводов, Арсенала, фабрики Леонтьевых — и других предприятий. Рабочие требовали хлеба, повышения заработной платы. Объявляя стачки, рабочие устраивали сходки, митинги. Волна стачек поднималась все выше и выше. В январе по всей стране бастовало около 500 тысяч рабочих. Не уменьшилось количество стачек и в феврале. Назревала всеобщая стачка.

Когда в начале 1917 года появились первые признаки революции, перепуганная империалистическая буржуазия стала настаивать на возобновлении деятельности Думы, надеясь этим отвлечь внимание трудящихся масс от революционной борьбы. Царское правительство назначило открытие Государственной думы на 14 февраля. Меньшевики и эсеры решили организовать в этот день шествие рабочих к Таврическому дворцу. Председатель «рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете составил петицию, с которой рабочие должны были явиться в Думу и выразить ей свое доверие. Под петицией стали собирать подписи рабочих. Но рабочие расстроили планы гвоздевцев. Гвоздев собрал на фабрике Эриксон всего несколько десятков подписей. Такой же успех был и на других фабриках и заводах Петрограда.

В то время как оборонцы занимались подготовкой шествия рабочих к Государственной думе, большевики готовили демонстрацию в ознаменование годовщины суда над большевистской фракцией Думы. В директиве бюро Центрального Комитета партии, разосланной в начале февраля партийным организациям, разоблачалась сущность готовившейся гвоздевцами демонстрации.

«I. Бюро ЦК предполагает выступать против призыва гвоздевцев, — говорилось в директиве, — устроить 14 февраля шествие к Государственной Думе по следующим причинам: 1) движение, организуемое Гвоздевцами, направлено к поддержке думы и контрреволюционных либералов. 2) Участие в организуемом гвоздевцами движении способствует затемнению политической позиции революционного рабочего класса в настоящий момент. 3) Необходимо разоблачение предательской антирабочей политики гвоздевцев и противопоставление ей своей революционной с.-д. политики...»[1] Вместе с тем бюро Центрального Комитета партии рекомендовало партийным организациям взять инициативу в свои руки, организовать демонстрацию под лозунгами «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Свободу членам большевистской фракции!», повсюду противопоставлять свою позицию гвоздевской политике поддержки реакционной Думы и либералов.

Большевистские организации вели подготовку к демонстрации в духе директивы бюро Центрального Комитета партии. Петербургский комитет большевиков распространил 6 февраля на заводах и фабриках листовки с призывом организовать демонстрацию под политическими лозунгами: «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Свободу рабочим депутатам!». В этой же листовке большевики клеймили социал-предателей, затеявших очередную провокацию. «На заводах, — говорилось в листовке, — прозвучал призыв — поддержать и даже толкнуть Государственную думу на решительный шаг предъявлением рабочих требований у дверей Таврического дворца. Призыв не только бесполезный, но и пре-

[1] «Большевики в годы империалистической войны 1914 — февраль 1917», 1939, стр. 172.

дательский: хождение народа к дворцам царей и правящих классов дорого стоит тем легковерным, которые надеялись что-либо получить от обитателей этих дворцов» [1].

Рабочие массы встретили враждебно предложение меньшевиков и эсеров. На фабриках и заводах происходили митинги. Рабочие выносили резолюции: «...бастовать, но к Думе не ходить». На митингах большевики распространили десять тысяч листовок. Это оказало большое влияние на ход событий.

В страхе перед растущим революционным движением, потеряв веру в гвоздевцев, царское правительство решило прекратить игру с «рабочим представительством». В ночь на 27 января 1917 года Гвоздев и другие члены центральной «рабочей группы», за исключением провокатора Абросимова, были арестованы.

Центральный военно-промышленный комитет пытался доказать благожелательность поведения членов «рабочей группы», стремившихся всеми доступными им средствами предупредить стачечное движение на заводах, выполнявших военные заказы. Воздавая должное «рабочей группе» за ее борьбу с рабочим движением, Центральный военно-промышленный комитет признал, что деятельность группы не только не носила революционного характера, но, напротив, «имела целью создание условий для спокойной работы на оборону». Но это не помогло.

На заседании Центрального военно-промышленного комитета 29 января Гучков ограничился сообщением об аресте «рабочей группы», воздержавшись от какой бы то ни было оценки этого акта. Выступивший же вслед за ним Милюков указал на то, что все внимание общественности должно быть приковано к Государственной думе, и рекомендовал собравшимся не поднимать из-за «рабочей группы» неуместного шума.

Ликвидация «рабочей группы» свидетельствовала о страхе господствовавших классов и их прихвостней — меньшевиков перед всем, что напоминало рабочее движение.

---

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 244.

Вопреки всем происка социал-шовинистов, рабочий класс России, руководимый партией Ленина—Сталина, остался верен принципам социализма и пролетарского интернационализма. Вопреки стараниям оборонцев, рабочие массы пошли не к Думе, а за большевиками на политические демонстрации с требованиями: «Долой царя!», «Долой войну!»

14 февраля по призыву большевиков в Петрограде произошли крупные политические выступления рабочих. С утра прекратило работу свыше 60 тысяч рабочих, а после обеденного перерыва число забастовавших увеличилось еще на 24 тысячи человек, и таким образом всего в течение дня забастовало более 84 тысяч рабочих на пятидесяти двух предприятиях. 15 февраля к забастовке присоединилось еще 19 тысяч рабочих. Стачки сопровождались митингами и демонстрациями. Происходили столкновения с полицией. Демонстрации состоялись на Литейном проспекте, у заводов «Новый Лесснер», Парвиайнен, у Александровского моста и в других районах города. На Петергофском проспекте рабочие Путиловского завода несли флаги с надписями: «Долой войну!», «Да здравствует демократическая республика!», «Долой изменническое правительство!», «Да здравствует вторая российская революция!»

Меньшевистское шествие к Государственной думе было сорвано. Впоследствии выяснилось, что царское правительство собиралось учинить над рабочими у Таврического дворца кровавую расправу по примеру 9 января 1905 года. Петербургский комитет большевиков по этому поводу писал в листовке: «Дорогою ценою платили рабочие за свое просветление, и было бы непоправимой, позорной ошибкой забыть дорого добытую науку.

А ведь так хотелось царскому правительству, чтобы петербургские рабочие были так же слепы и доверчивы, как двенадцать лет тому назад. Ведь какое угощение заготовили царские министры доверчивым! В каждом переулке по пулемету, по сотне городовых, привезли для этого дня диких, темных людей, готовых по первому слову броситься на нас» [1].

---

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 247.

Прозорливость большевиков предотвратила кровавую бойню, которую готовили рабочим царские палачи.

В Москве 14 февраля на шестнадцати фабриках и заводах бастовало 12 550 рабочих. Московский комитет большевиков накануне стачки выпустил листовку, размножил и разослал партийным группам резолюцию Русского бюро Центрального Комитета партии с призывом выступить с протестом против ареста большевистских депутатов, томящихся в далекой сибирской ссылке. На многих фабриках и заводах состоялись митинги. Рабочие завода «Динамо» прошли с красным флагом по всей Симоновской слободе. Из рядов демонстрантов раздавались призывы: «Свободу нашим депутатам!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!» В феврале охранка провела в Москве массовые обыски и аресты большевиков. В столовой Коммерческого института, где печатались нелегальные листовки, жандармы учинили настоящий погром. В тщетных поисках шапирографа они взломали пол, но ничего не обнаружили. При налете на столовую института жандармы захватили и арестовали 13 большевиков, среди них 7 членов пропагандистской группы Московского комитета.

Стачки, митинги, демонстрации мощно развертывались по всей стране. Они втягивали массы в революционную борьбу, служили школой подготовки рабочих к вооруженному восстанию. Но основной вопрос надвигавшейся революции решала не стачка, а совместное вооруженное восстание рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели. Подготовляя вооруженное восстание, большевики развернули широкую агитацию среди солдат, призывая их с оружием в руках выступить против самодержавия. Работа среди солдатских масс была связана с большими трудностями. Большевистских агитаторов в воинских частях на каждом шагу подстерегали аресты, военно-полевой суд, смертная казнь. Но работа не прекращалась. На место арестованных становились новые товарищи. Большевики знали, что от успеха революционной работы среди солдат зависит успех революции, и настойчиво боролись за завоевание солдатских масс.

Судьба революции решалась в Петрограде. Петроград был не только столицей Российской империи, но также и крупнейшим в стране пролетарским центром. Здесь бы-

ло сосредоточено около полумиллиона рабочих, главным образом металлистов. Петроградский пролетариат представлял собой костяк, передовой отряд российского пролетариата. В Петрограде были сосредоточены наиболее крупные силы большевистской партии. Революционные события в Петрограде немедленно находили отклик во всей стране.

Царское правительство учитывало революционное значение Петрограда. 5 февраля Петроградский военный округ был выделен из северного фронта в особую военную единицу. Николай II наделил командующего округом генерала Хабалова неограниченными диктаторскими полномочиями. В его руках фактически сосредоточилась военная и гражданская власть. Председатель совета министров обязан был согласовывать свои действия с Хабаловым. В Петроград стягивались отборные полицейские силы, надежные войска, заготовлялось оружие.

Действительно, решающие революционные бои начались в Петрограде. Особенно крупное значение в развертывании революционных событий сыграла мощная забастовка на Путиловском заводе. 18 февраля 1917 года рабочие лафетной мастерской завода потребовали от заводоуправления повышения заработной платы на 50 процентов и, получив отказ, забастовали. Директор завода закрыл мастерскую, а рабочих уволил. 20 февраля к директору завода вместе с представителями от рабочих лафетной мастерской пришли рабочие делегаты от других цехов завода и вновь предъявили свои требования. При переговорах администрация согласилась повысить заработную плату, но одновременно сообщила о своем решении немедленно рассчитать всех рабочих лафетной мастерской как инициаторов стачки. Узнав о намерениях администрации, рабочие завода в знак товарищеской солидарности немедленно забастовали. Вечером по всем мастерским завода были проведены митинги. Рабочие настаивали на возвращении на завод уволенных товарищей. В ответ на требования рабочих директор завода объявил 22 февраля локаут. Все рабочие были уволены. На следующий день, 23 февраля, двадцатитысячная демонстрация путиловцев направилась в город. В «Осведомительном листке» бюро ЦК РСДРП (большевиков) сообщалось: «Стачка и локаут на Путиловском заводе. Со-

стоялся митинг по всем мастерским. Избрана делегация к директору, который и ей грозил расчетом. После возвращения делегатов опять митинг. 21 февраля по всему заводу. 22 объявлен локаут... Избран стачечный комитет. Решено обратиться за поддержкой к рабочим Петрограда».

Стачка путиловцев совпала с международным днем работниц. Петербургский комитет приурочивал к этому дню всеобщую политическую стачку и демонстрацию. Утром 23 февраля по призыву Петербургского комитета большевиков работницы вышли на улицу демонстрировать против голода, войны, царизма. Эта демонстрация слилась с общим забастовочным движением в Петрограде и превратилась в мощную стачку, охватившую 90 тысяч рабочих. Районы столицы были заполнены демонстрантами. Появились красные знамена с революционными лозунгами: «Долой войну!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует временное революционное правительство!» «Женщины были настроены очень воинственно, — сообщалось в корреспонденции, присланной в «Правду», — не только работницы, но массы женщин, стоящих в хвостах за хлебом, за керосином. Они устраивали митинги, они преобладали на улицах, двигались к городской думе с требованием хлеба; они останавливали трамваи... Они являлись на фабрики и заводы и снимали с работ. Вообще женский день прошел ярко, и революционная температура начала с этого дня подниматься» [1].

С утра 24 февраля демонстрации начались с еще большей силой. В стачках участвовало уже свыше 200 тысяч рабочих и работниц Петрограда. Демонстранты бесконечными группами шли через замерзшую Неву к Невскому проспекту.

Несмотря на исключительно широкий размах демонстраций, царское правительство почти не прибегало к помощи войск для подавления политических выступлений. Оно не надеялось больше на верность и благонадежность солдат. В ряде мест солдатские массы открыто проявляли свою солидарность с бастующими.

25 февраля остановились все фабрики и заводы. Разрозненные забастовки слились во всеобщую стачку пе-

[1] «Большевики в годы империалистической войны 1914 — февраль 1917», 1939, стр. 179.

троградского пролетариата. На улицах все чаще происходили схватки рабочих с полицией. Воинские части почти не вмешивались в эти стычки. Отдельные отряды солдат и даже казаков поддерживали демонстрантов. В этот день командующий округом генерал Хабалов получил из ставки приказ царя о принятии решительных мер для подавления политических выступлений рабочего класса. Штаб Северного фронта по приказу царя спешно сформировал и направил в столицу надежные части для подавления стачки. Воинским частям, патрулировавшим по улицам города, был дан приказ: «Стрелять по толпе боевыми патронами».

Большевики понимали, что большую роль в успехе революции должны сыграть рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели. 25 февраля Петербургский комитет большевиков выпустил короткую листовку к солдатам:

«Братья солдаты!

Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода в стране, обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев» [1].

Петербургский комитет призвал солдат поддержать народ, поддержать революцию, укрепить братский союз рабочего класса и революционной армии.

Царское правительство пыталось обезглавить революцию. Члены Петербургского комитета были арестованы. По указанию Центрального Комитета партии практическое руководство революционными боями в Петрограде было поручено Выборгскому большевистскому районному комитету партии.

Вековая опора самодержавия — армия заколебалась. Даже надежные части царской армии — казаки стали переходить на сторону народа. Об одном таком эпизоде пишется в корреспонденции, присланной в газету «Социал-демократ»: «Начинается стрельба со стороны полиции, один из ораторов падает раненым. Есть и убитые. И в этот момент совершается нечто, вызвавшее большой энтузиазм толпы. Раздается залп со стороны казаков по конной полиции, и она во весь опор скачет на Гончарную улицу и

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 250.

останавливается вдали. А пристав падает мертвым. Голова его рассечена шашкой, громкие крики «ура» оглашают площадь, казакам машут платками, шапками. Толпа ликует. Всюду уверенность, что солдаты не будут стрелять...» [1]

26 февраля всеобщая политическая стачка начала перерастать в вооруженное восстание. Бюро Центрального Комитета партии выпустило манифест с призывом продолжать вооруженную борьбу против царизма, бороться за создание временного революционного правительства.

26 февраля был воскресный день. Большинство фабрик и заводов не работало. Мосты, перекрестки улиц, площади занимали воинские части, конная и пешая полиция. Город напоминал военный лагерь. Усиленные наряды охраняли подступы к центру города. С утра все пришло в движение. С окраин города к центру двинулись массы народа с красными знаменами. Раздались залпы. Упали убитые и раненые. Но народ настойчиво двигался вперед. Женщины-работницы бросились к солдатам и стали уговаривать их поддержать рабочих в борьбе с царизмом. Четвертая рота запасного батальона Павловского полка открыла огонь по отряду конных жандармов. Роту разоружили, а солдат отправили в Петропавловскую крепость. Так прошел первый день революции. В ставку к царю понеслись хвастливые донесения о том, что: «...войска ведут себя примерно», «город очищен от забастовщиков». В ночь с 26 на 27 февраля большевики бросили все свои лучшие силы в казармы, связались с солдатами через рабочих, мобилизованных в армию, проводили солдатские сходки, на которых обсуждались события дня. Солдаты заявляли, что не будут стрелять в рабочих.

В понедельник, 27 февраля, демонстрация возобновилась с новой силой. По решению Выборгского районного комитета большевиков питерские рабочие захватили склады с оружием и развернули вооруженную борьбу. Произошел решительный перелом в настроении армии. Солдаты стали расправляться с особо ненавистными офицерами. 27 февраля утром учебная команда Волынского полка, накануне стрелявшая в рабочих, расправилась со своими

---

[1] «Большевики в годы империалистической войны 1914 — февраль 1917», 1939, стр. 179—180.

офицерами. Восставших солдат возглавил бывший путиловский рабочий унтер-офицер Кирпичников. Вскоре весь Волынский полк выступил на улицу, офицеры бежали. С криками «ура!» волынцы двинулись к Преображенскому и Литовскому полкам. И здесь солдаты расправились с командирами. Среди солдат появились вооруженные рабочие. С Выборгской стороны рабочие и солдаты двинулись к тюрьмам освобождать политических заключенных. Запылали полицейские участки. Винтовками из захваченного арсенала вооружились десятки тысяч рабочих. К вечеру около 70 тысяч солдат присоединились к рабочим.

Царизм еще не сдавался. Жандармы, засевшие на чердаках, поливали улицы пулеметным огнем. Генерал Хабалов сформировал ударный контрреволюционный отряд, с фронта на помощь Хабалову двигались войска. Однако участь самодержавия была решена. Полки один за другим поднимали красные знамена. Солдатские патрули совместно с вооруженными рабочими разъезжали по городу, обыскивали чердаки, колокольни, истребляли упорствовавших городовых и жандармов, арестовывали царских чиновников. На улицах, на площадях зачитывался Манифест Центрального Комитета большевистской партии.

«Громадными усилиями, — говорилось в Манифесте,— кровью и жизнями русский народ стряхнул с себя вековое рабство.

Задача рабочего класса и революционной армии — создать *временное революционное правительство*, которое должно встать во главе нового нарождающегося *республиканского* строя.

Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих *все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение 8-часового дня и созыв Учредительного собрания* на основе всеобщего, без различия пола, национальности и вероисповедания, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов» [1].

Бюро Центрального Комитета партии призвало народные массы немедленно «выбирать своих представителей во временное революционное правительство, которое дол-

[1] «Листовки петербургских большевиков», 1939, т. 2, стр. 251.

жно быть создано под охраной восставшего революционного народа и армии».

Вечером 27 февраля собрался на первое свое заседание родившийся в огне революции Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. На следующий день царское правительство было арестовано. Самодержавие пало.

В Москве первые известия о свержении самодержавия были получены 27 февраля. Московский комитет большевиков призвал рабочих и всех трудящихся к немедленной борьбе против самодержавия. В ответ на этот призыв большевиков рабочие объявили всеобщую стачку и приступили к выборам депутатов в Московский Совет.

28 февраля многочисленные колонны трудящихся с избранными уже депутатами двинулись к центру города. Полицейские и воинские наряды, расположенные на мостах и перекрестках улиц, были смяты. Солдаты присоединились к рабочим. Царские власти и московская буржуазия, смертельно напуганные мощным движением пролетариата, не посмели взяться за оружие, чтобы подавить революцию.

Вслед за Петроградом и Москвой восставшие рабочие и солдаты свергли царских ставленников и в других городах. Повсюду возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

«Революция победила потому, что рабочий класс был застрельщиком революции и возглавлял движение миллионных масс крестьян, переодетых в солдатские шинели, — «за мир, за хлеб, за свободу». Гегемония пролетариата обусловила успех революции» [1].

Увенчалась успехом тяжелая, упорная борьба пролетариата с самодержавием, продолжавшаяся несколько десятилетий, потребовавшая неисчислимых жертв, изумительных подвигов, самопожертвования. Много погибло лучших сынов народа на виселице, в тюрьмах, на каторге, ссылке, в изматывавшей душу эмиграции, но дело их победило.

Великий вождь пролетариата В. И. Ленин, анализируя причины столь быстрой победы второй русской революции, писал:

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 169—170.

«Без революции 1905—1907 годов, без контрреволюции 1907—1914 годов невозможно было бы такое точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»[1].

Великим режиссером и ускорителем революции была мировая империалистическая война. Она вскрыла все противоречия между капитализмом и рабочим классом и обострила их до крайней степени. Широкие народные массы все более приходили к убеждению, что единственным выходом из создавшегося невыносимого положения является свержение самодержавия.

Февральская революция победила потому, что во главе революционного русского рабочего класса стояла великая большевистская партия, испытанная в жестоких классовых битвах в первой русской революции, героически перенесшая все невзгоды в мрачный период столыпинщины и героически боровшаяся в тяжелые годы войны. Партия большевиков, созданная и выпестованная В. И. Лениным и И. В. Сталиным, была вдохновителем и организатором победоносной второй русской революции.

Февральская революция победила потому, что гегемоном в ней был рабочий класс. Революционный пролетариат возглавил и повел за собой на борьбу против царского самодержавия широкие массы трудящихся.

Февральскую буржуазно-демократическую революцию совершили рабочие и одетые в солдатские шинели крестьяне, но в то время как большевики руководили непосредственной борьбой масс на улицах, меньшевики и эсеры захватывали депутатские места в Советах рабочих и солдатских депутатов, образуя в них свое большинство. Образованию меньшевистско-эсеровского большинства в

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 23, стр. 292.

Советах способствовало также то обстоятельство, что Ленин находился в эмиграции, Сталин—в сибирской ссылке. Рабочие и солдаты верили в Советы, посылали туда своих депутатов в надежде на то, что Советы закрепят завоевания революции, но меньшевики и эсеры все свои силы направили на передачу власти буржуазии. 27 февраля при их поддержке возник временный комитет Государственной думы, состоявший из представителей «буржуазии и обуржуазившихся помещиков» [1]. Комитет был бессилен, не имел власти, фактически власть была в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако меньшевистско-эсеровский исполнительный комитет советов добровольно передал власть комитету Государственной думы, получившему название Временного правительства. В организации буржуазного Временного правительства большую роль также играл иностранный капитал, так как империалисты Западной Европы и Соединенных Штатов Северной Америки хотели, чтобы в России была создана власть, способная продолжать грабительскую войну и подавить революцию. В. И. Ленин писал, что «Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни (империалистической войны. — **Ф. Р.**), ковал дворцовые интриги... подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал *совсем готовое новое правительство*, которое и *захватило власть* после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму» [2].

Так возникли две власти: власть восставшего народа в лице Совета рабочих и солдатских депутатов и власть буржуазии в лице Временного правительства. Получилось своеобразное переплетение двух диктатур: революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и диктатуры буржуазии.

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась, — писал В. И. Ленин, — но чрезвычайно оригинально, с рядом в высшей степени важных видоизменений» [3].

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. XX, стр. 111.
[2] Там же, изд. 4, т. 23, стр. 297.
[3] Там же, изд. 3, т. XX, стр. 101.

Причину того, что в Советах вначале оказалось большинство меньшевиков и эсеров, а также того, что победившие рабочие и крестьяне добровольно отдали власть представителям буржуазии, В. И. Ленин видел, во-первых, в том, что к политике стали приобщаться миллионы людей, никогда раньше ею не занимавшиеся, в большинстве своем выходцы из мелкой буржуазии. «...мелко-буржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.-е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику» [1], и,во-вторых, в значительном качественном изменении состава пролетариата в годы войны. Около 40 процентов кадровых рабочих находилось в армии. Их места на заводах и фабриках заняли крестьяне, не успевшие еще порвать со своим хозяйством, а также лица, стремившиеся укрыться от мобилизации и, конечно, совершенно чуждые пролетарской психологии. В этой мелкобуржуазной среде меньшевики и эсеры нашли себе надежную опору.

Перед большевистской партией стояли отныне важнейшие задачи — путем терпеливой разъяснительной работы в массах вскрыть империалистический, контрреволюционный характер Временного правительства, разоблачить предательство эсеров и меньшевиков. Нужно было разъяснить рабочим и солдатским массам, что добиться мира и полной победы возможно только сделав еще шаг вперед и передав власть Советам.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. XX, стр. 115.

Цена 5 руб. 20 коп.

39

1672